

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

краеведческий сборник

№ 90

I. Ревнителы Пермского края

II. Памятные даты и события

III. Эхо далеких лет

IV. Поиски, находки, воспоминания

V. Литература, искусство, культура

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Пермское книжное издательство,
1990

ББК 26.891

П 26

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**Н. А. Аликина, Л. В. Баньковский, М. Н. Глепанов,
С. А. Торопов, Г. Н. Чагин**

Составитель С. Ф. Николаев

П $\frac{1805080000-29}{M152(03)-90}$ 25-90

© Пермское книжное
издательство, 1990.

ISBN 5-7625-0233-3

ОБ ЭТОМ СБОРНИКЕ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ

От составителя

Краеведческое издание под таким названием выходило в Перми в конце XIX века, но имело другую структуру, формат и оформление. «Пермский край» пользовался огромной популярностью: только в нем можно было прочитать о разнообразных проблемах губернии.

До «Пермского края» и в дальнейшем в Перми издавались краеведческие сборники, преследующие цель — знакомить читателей со всеми сторонами жизни и развития Пермского Прикамья.

Систематическая публикация материалов о Пермском крае в местной прессе началась в 1841 году. Тогда в газете «Пермские губернские ведомости» появилась неофициальная часть. В ней публиковалось много статей, корреспонденций о крае: его природе, хозяйстве, культуре. С 1894 года неофициальная часть газеты издавалась отдельно от официальной. Некоторое время ее редактировал известный пермский краевед П. А. Вологдин.

Начало выпуску периодических, продолжающихся изданий краеведческого характера положил известный пермский краевед-историк второй половины прошлого века, общественный деятель Д. Д. Смышляев. В 1859 году он выпустил первый том предпринятого им повременного издания «Пермского сборника». В 1860 году вышел второй том этого сборника. Оба тома содержали ценные публикации. В частности, в первом томе напечатаны «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края» преподавателя Пермской гимназии А. Д. Крупенина, «Историко-статистическое описание округа Пермских казенных медеплавильных заводов» горного деятеля Д. И. Планера, «Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате Строгановых» лесовода А. Е. Теплоухова, очерк «Открытие народных училищ в Пермской губернии» преподавателя гимназии Н. А. Фирсова, «О свадебных обрядах г. Чердыни» преподавателя гимназии Я. И. Предтеченского. Во втором томе опубликованы обстоятельные «Материалы для описания быта пермяков» служащего

строгановского имени, краеведа Н. А. Рогова, «Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении» А. Е. Теплоухова.

Литературный критик, публицист, демократ Н. А. Добролюбов высоко оценил «Пермский сборник», отметив его демократическое содержание и антикрепостническую направленность.

Продолжателем систематической публикации материалов о крае выступило Пермское губернское земство. В 1872 году оно начало издавать «Сборник Пермского земства»; в 1907 году «Сборник» был преобразован в еженедельное издание «Пермская земская неделя». Одним из активных авторов «Сборника» явился известный врач, идеолог санитарного направления в земской медицине И. И. Моллесон.

В 1888 году была учреждена Пермская губернская ученая архивная комиссия. Она стала собирать, изучать, а затем публиковать архивные документы. В 1892 году вышел первый выпуск «Трудов» комиссии. В нем был дан краткий очерк деятельности комиссии со времени ее возникновения, помещены обстоятельная статья краеведа-археолога Ф. А. Теплоухова (сына А. Е. Теплоухова) «Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии», статья краеведа-историка А. А. Дмитриева «О границах древней Перми Великой» и другие материалы. Всего было издано 12 выпусков «Трудов» комиссии.

В 1892—1895 годах вышли три тома «Пермского края» — сборника сведений о Пермской губернии. Издание его предпринял губернский статистический комитет. Первые два тома были отредактированы краеведом Д. Д. Смышляевым, третий том редактировал А. А. Дмитриев. В самом начале было оговорено, что задачей сборника является «собрание и опубликование всякого рода сведений, могущих с пользой служить нуждам нашего обширного, богатого и разнообразного края и любознательных его исследователей». Организаторы сборника привлекли к участию в нем широкий круг авторов.

Наиболее повезло истории, особенно ранней. Опубликовано несколько обстоятельных статей краеведа-археолога Ф. А. Теплоухова о древностях пермской чуди — коренного населения края. Помещен исторический очерк горного инженера М. Д. Белоусова о развитии медеплавильного производства на Урале. Несколько публикаций освещают жизнь и быт крестьян и горожан. Выделяется подробная статья М. И. Мизерова и Н. Л. Скалозубова о народной медицине в Красноуфимском уезде Пермской губернии (часть этого уезда составляла территория, ныне расположенная на юге Пермской области). Названо свыше 150 видов растений, которые использовались местным населением для лечения болезней. Интересны этнографические работы о бытовавших тогда народных праздниках «Токмач» и «Три елочки». Помещена статья краеведа И. В. Вологодина из Очера о жизни строгановских крепостных.

Слабее освещены в сборнике вопросы экономики, природы. Однако некоторые материалы на эти темы представляют значительный интерес, например статья агронома В. А. Владимирского о вредителе кобылке, появившемся в 1892 году в Чердынском уезде и причинившем большой ущерб крестьянским хозяйствам. В статье говорилось о мерах по истреблению этого прожорливого насекомого.

В 1893 году ушел из жизни Дмитрий Дмитриевич Смышляев. В связи с этим в третьем томе сборника напечатан большой очерк жизни и деятельности пермского краеведа, дана подробная библиография его работ. В сборнике также напечатаны материалы о других краеведах — Ф. А. Волегове и И. В. Вологдине.

В 1904 году Пермский научно-промышленный музей приступил к изданию «Материалов по изучению Пермского края». Вышло пять выпусков — в 1904, 1905, 1906, 1911 и 1916 годах.

В советские годы первым повременным краеведческим изданием явился «Пермский краеведческий сборник». Выпуск его предпринял кружок по изучению Северного края при Пермском университете. Кружком руководил знаток уральской литературы, фольклорист, этнограф, профессор университета П. С. Богословский. Члены кружка — ученые и студенты университета, пермские краеведы — всесторонне изучали Северный край, особенно его культуру. Основные результаты исследований публиковались в «Пермском краеведческом сборнике». Появились четыре значительных по объему и содержанию сборника — в 1924, 1926, 1927 и 1928 годах.

В эти же годы краеведческие материалы систематически публиковались в журнале «Экономика», органе Пермского и Верхнекамского окрисполкомов. Среди авторов публикаций в журнале были краевед Д. М. Бобылев, географ В. А. Кондаков, искусствовед Н. Н. Серебренников, лесовод С. Л. Ушков, агроном А. А. Хребтов. По вопросам краеведения часто выступал профессор П. С. Богословский.

В 1952—1974 годах вышли в свет шесть выпусков сборника «На Западном Урале», подготовленных Пермским областным краеведческим музеем. Особое место в них заняли материалы о работе краеведческих музеев, в том числе рожденных общественностью — народных. В сборниках много публикаций краеведов. Например, опубликован подробный рассказ пермского учителя-краеведа И. С. Сергеева о поисках исчезнувших медных рудников в районе Перми, помещены статьи об изучении природы, истории, экономики Пермской области. Неоднократно в сборнике «На Западном Урале» выступал доктор экономических наук, профессор Пермского университета В. Ф. Тиунов.

Много самых разных краеведческих материалов опубликовано в «Календарях-справочниках Пермской области», выходивших в 1959—1970 годах. В создании этих ежегодников участвовали краеведы, журналисты, ученые, учителя, агрономы, инженеры, архивисты, люди са-

мых различных специальностей, объединенных любовью к Пермскому Прикамью, — всего около трехсот человек. Ежегодники чем-то напоминали «Календари Пермской губернии», выходившие в дореволюционной Перми, но в то же время очень многим отличались от своих предшественников. Подборка материалов по каждому месяцу года начиналась с календаря местных знаменательных и памятных дат, затем шли материалы к отдельным датам. Родились рубрики «Летопись революции», «Богатства нашей природы», «Работники земли», «Побывайте в этих местах», «Книжная полка» и многие другие. Из ежегодника в ежегодник давалась летопись важнейших событий в жизни Пермской области.

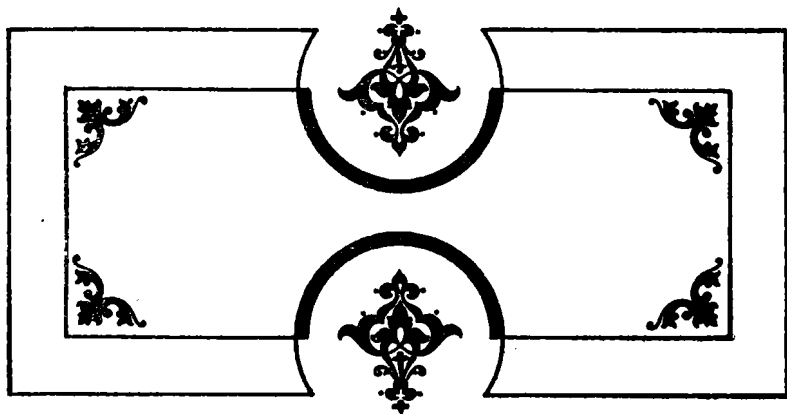
В 70—80-е годы количество краеведческих книг не уменьшилось, однако выпуск продолжающихся сборников прекратился. Достаточно привести такой пример: второй выпуск краеведческого сборника «Отчий край» появился лишь ... через 12 лет после первого!

Надеемся, что сборник «Пермский край» приумножит славные традиции пермской краеведческой периодики в освещении жизни области, будет способствовать развитию краеведческого движения, найдет своего читателя-помощника, который активно откликнется на публикацию материалов в этом издании.

I
РЕВНИТЕЛИ
ПЕРМСКОГО
КРАЯ

Н. Аликина. Свет высокой духовности:
Документы к биографии Б. Н. Назаровского

Л. К а ш и х и н. Инспектор охраны памят-
ников

Свет высокой духовности

Внешне Борис Никандрович Назаровский походил на «рыцаря печального образа» из кинофильма «Дон Кихот» в исполнении Николая Черкасова: высокий, худой, чуть сутулый, с добрыми лучистыми глазами. Мне посчастливилось общаться с Борисом Никандровичем около 20 лет. Это был редкостный по уму интеллигент, мудрый и мужественный коммунист, боровшийся со многими негативными явлениями нашей жизни, удивлявший пронизательностью во всем. Б. Н. Назаровского глубоко уважали и любили журналисты и писатели, историки и искусствоведы, работники библиотек и музеев — все те, кто имел отношение к культуре края. Общение с ним оставляло неизгладимый след в душе каждого.

Став с юных лет активным журналистом, Назаровский в годы войны был заместителем председателя Пермского облисполкома, затем — редактором «Звезды», а с 1950 года до выхода на пенсию — главным редактором Пермского книжного издательства. В этой должности ярко проявился его талант организатора, требовательного наставника, давшего путевку в жизнь многим замечательным людям, таким, как писатель В. Астафьев, поэт В. Радкевич, заслуженный художник РСФСР М. Тарасова.

Богатый, еще никем не исследованный архив Б. Н. Назаровского хранится в партийном архиве Пермского обкома КПСС. Он составляет 227 дел и представляет большую ценность для изучения культуры Прикамья.

Н. А. АЛИКИНА

**ИЗ СТАТЬИ ЖУРНАЛИСТА Ю. НАДЕЖДИНА,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО, —
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

17 марта 1984 года

О широте ума, энциклопедической образованности Бориса Никандровича Назаровского можно рассказывать вещи, которые могут показаться просто невероятными людям, не знавшим его. Но, ничуть не стараясь польстить его памяти, ученые-историки говорят о нем как о своем уважаемом коллеге, авторитетном знатоке истории Урала; актеры, режиссеры — как о проницательном театральном критике; издатели — как об инициаторе ныне широко признанных читателем книжных серий, редакторе, способном вести любую узкоспециальную беседу «на уровне автора»...

Разносторонность интересов Назаровского всегда не очень бросалась в глаза — за атакующим напором его мысли, за постоянной готовностью к действию во имя ее утверждения, за его вдохновенным стремлением идти в этом до конца. В нем была не намеренная и тем более не показная цельность. Он был из тех интеллигентов первого советского поколения, кто вслед за Лениным был изначально убежден в том, что подлинное историческое творчество невозможно без глубокого и всестороннего постижения революционного бытия, а значит, и духовных ценностей, накопленных предыдущими поколениями...

Не удивительно, что, не имея законченного высшего образования, совсем молодой Назаровский уже сам читал лекции по философии марксизма в нынешнем Высшем инженерно-техническом училище имени Н. Баумана!

Назаровский был заводским рабочим и директором театра, служил литправщиком в московском «Гудке» — газете Юрия Олеша, Ильи Ильфа, редактировал периферийные выпуски «Окна РОСТА», был в молодости отлучен от журналистики, а через годы назначен ответственным редактором газеты. Его жизненной школой становились и часы бессонного затворничества, проведенные над книгами, рукописями, письмами, и часы открытых политических полемик и яростных профессиональных споров, и сотни встреч партийного публициста с героями будущих статей, со специалистами, авторами книг, вышедших затем с именем Б. Н. Назаровского в редакторских рубриках.

Политическая зоркость, гражданский темперамент, знания, всегдашний интерес, дружеское участие к людям,

скромный быт, всецело подчиненный делу, — вот из чего состояла прочнейшая «кристаллическая решетка» личности Назаровского, излучавшая ясный свет высокой духовности.

В последние годы жизни он начал вплотную заниматься своим огромным личным архивом, приводить его в порядок для сдачи в партийный архив, где с давних пор пользовался непререкаемой репутацией активнейшего читателя-исследователя.

Назаровский оставил «Дневники рабселькоровской работы» за 1925 год, тексты лекций по философии, теории газетной публицистики, конспекты к докладу «Ленин и книга», шестнадцать «гайдаровских» папок (в том числе и папка с письмами Гайдара своему соратнику по пермской «Звезде», которого он неизменно называл Боринька). Борис Никандрович собирал факты по поводу ныне общепринятой даты основания Перми (шесть дел), интересовался «социальной родословной» медведя, животного со старинного герба города (восемнадцать тетрадей), мог на тридцати страницах личного письма терпеливо растолковывать смысл романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», на двадцати страницах полушутливого послания «модницам партийного архива» дать серьезный искусствоведческий анализ «звериного стиля», образов на женских бронзовых украшениях древних народностей Прикамского края.

Ценность этого единственного в своем роде документального наследия несомненна для специалистов многих профилей, в том числе и для авторов будущей биографической книги о Борисе Никандровиче Назаровском.

ОТЗЫВ О ВСТУПИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО В ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

1927 год¹

Тема вступительной работы: «Гегель в полемике Михайловского с марксистами».

Оценка работы: работа полностью отвечает требованиям вступительной работы в Институт научной философии. Работа показывает хорошую осведомленность автора в литературе предмета, умение владеть материалом и марксистскими установками.

¹ Датируется по сопутствующим документам.

Недостаток тот, что работа шире намеченной темы. Оценка по 5-балльной системе — 5.

Рецензент — М и л о н о в

УДОСТОВЕРЕНИЕ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО НА ПОЛУЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ШЛИФОВАЛЬЩИКА²

1938 год

Удостоверение № 99266

Выдано гр. Назаровскому Б. Н. аттестационно-квалификационной комиссией Сибзавода «Глававтотрактордеталь» в том, что он сдал государственный технический экзамен по специальности «шлифовальщик» с оценкой «отлично».

Гр. Назаровский имеет право работать на шлифовальном станке.

Директор предприятия — подпись
Председатель аттестационно-квалификационной комиссии — подпись

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ПРЕЗИДИУМА ОМСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА О ВОССТАНОВЛЕНИИ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО В ПРАВАХ ЧЛЕНА ОБЛИСПОЛКОМА

2 ноября 1939 года

Об отмене постановления президиума облисполкома от 10 ноября 1937 года (протокол № 36, § 20) об исключении из членов пленума облисполкома Кошелева К. Ф. и Назаровского Б. Н.

Постановили: ...постановление от 10 ноября 1937 года по мотивам «как не оправдавших политического доверия» отменить и восстановить их в правах членов облисполкома³.

² Б. Н. Назаровский стал рабочим-шлифовальщиком после исключения из партии в 1937 году и освобождения от должности зам. редактора «Омской правды».

³ 29 сентября 1937 года газета «Омская правда» опубликовала статью «Пора омским большевикам заговорить полным голосом». На другой день постановлением бюро Омского обкома ВКП(б) Б. Н. Назаровский был снят с должности зам. редактора «Омской правды» и исключен из партии «за потерю большевистской бдительности и партийного чутья, выразившихся в том, что не боролся за очищение редакции от классово-враждебных элементов». 19 августа 1939 года комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Омской области восстановила Б. Н. Назаровского в партии.

**ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ О НАГРАЖДЕНИИ ГРАМОТОЙ
Б. Н. НАЗАРОВСКОГО**

21 июня 1944 года

О награждении грамотами исполкома Ленгорсовета работников Молотовской области.

За повседневную заботу о ленинградских детях, эвакуированных в Молотовскую область, и оказанную помощь в улучшении их быта наградить грамотами исполкома Ленинградского горсовета:

...Назаровского Бориса Никандровича — зам. председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся.

Председатель исполкома Ленинградского Совета
депутатов трудящихся — Полков
Секретарь — Бубнов

**ЗАЯВЛЕНИЕ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС О РАЗВИТИИ
ТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ТРУДЯЩИХСЯ**

15 февраля 1954 года

В последнее время Центральный Комитет КПСС осуществил ряд мер, направленных к тому, чтобы выше поднять творческую активность широких масс трудящихся. Центральный Комитет разъяснил антимарксистскую сущность и политический вред культа личности, потребовал строгого соблюдения во всех звеньях принципа коллективности как высшего принципа партийного руководства, опубликовал ряд документов, в которых ясно и конкретно изложена политика партии, и т. п. Все эти меры оказывают положительное воздействие на жизнь партии и народа...

Но мне представляется, что для повышения творческой активности трудящихся и развития у них живого интереса к политическим знаниям делается еще не все необходимое. Мне кажется, что не учитываются или во всяком случае недостаточно учитываются все факторы, влияющие на активность масс.

Настоящее заявление и посвящено этому вопросу...

Однако в последние годы цензурные ограничения, налагаемые на нашу печать, достигли такой степени, что фактически лишают печать возможности давать сколько-нибудь систематическое и глубокое освещение вопросов

экономики и ряда других вопросов жизни советского общества...

Творческая разработка вопросов экономики и истории советского общества, которой справедливо требует Центральный Комитет партии, затруднена тем, что для нее крайне мало печатных материалов и она может опираться лишь на первичные архивные документы, хранящиеся в многочисленных и малодоступных архивах...

Отсюда не следует, что надо отменить цензуру. Цензура, охраняющая государственные тайны от разглашения их в печати, безусловно, нужна. Цензурные ограничения, по-видимому, еще долгое время останутся более значительными, чем они были в 20-х и начале 30-х годов. Многие предприятия и целые отрасли промышленности должны оставаться глубоко засекреченными.

Но надо учитывать, что всякое засекречивание имеет не только положительное, а и отрицательное значение, потому что не дает возможности осуществлять широкий общественный контроль за засекреченным объектом, неизбежно бюрократизирует руководство им, уменьшает возможности мобилизации инициативы и активности трудящихся, суживает их кругозор. Поэтому самое засекречивание нужно ограничивать разумными размерами. Все дело в мере. Такая разумная мера, как мне представляется, в послевоенные годы была потеряна. Надо ее найти и восстановить.

Президиуму Центрального Комитета следует, в числе других проводимых им сейчас мер, заняться вопросом об обеспечении большей гласности в нашей общественной и экономической жизни.

Позволю себе обратить ваше внимание на следующие возможные и целесообразные меры в этом направлении:

1. Пересмотреть в сторону сокращения перечень сведений, не подлежащих опубликованию в печати. В частности, дать возможность публиковать в печати (в относительных и абсолютных цифрах) значительно более широкий круг данных о легкой и пищевой промышленности, промышленности стройматериалов, лесной, металлургической и угольной промышленности, сельском хозяйстве, коммунальном хозяйстве, здравоохранении. Особенно важно разрешить публикацию экономических обзоров по некоторым отраслям хозяйства, областям и районам.

2. Укрепить состав и улучшить работу органов цензуры (Главлита) для того, чтобы они, строго сохраняя государ-

ственную тайну, не накладывали неоправданных запрещений.

3. Увеличить объем газеты «Правда» до шести полос (до довоенного).

4. Начать издавать газету типа «Экономической жизни» (орган Госплана, статистического управления и Министерства государственного контроля). Осуществить ленинские указания относительно такой газеты.

5. Обязать областные статистические управления публиковать более обстоятельные сообщения об итогах выполнения планов за квартал и за год.

6. Ввести в практику печатание обстоятельных годовых отчетов облизполкомов об их деятельности и развитии подведомственных им отраслей хозяйства (включая сельское хозяйство).

7. Постепенно расширить сеть журналов; освещающих вопросы советского и хозяйственного строительства; начать издавать такие журналы (периодичностью 4—6 раз в год) в крупных областях.

Мне представляется, что эти предложения соответствуют линии, осуществляемой Центральным Комитетом партии. Если в изложенных выше соображениях и выводах я ошибаюсь, прошу разъяснить мне, в чем моя ошибка.

Б. Назаровский

**ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. КУУСИНЕНУ**

24 апреля 1960 года

Уважаемый товарищ Куусинен!

Хорошо прошло 90-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, как настоящий народный праздник. Очень радостно, в частности, что в этом празднике искренне участвовала молодежь.

Но был в этот день один момент, который огорчил меня, и, думаю, не только меня.

Речь идет о присуждении Ленинских премий. Ни одной премии не присуждено за работы в области общественных наук! А ведь Ленин именно общественные науки двинул вперед, именно в этой области открыл новый период развития. Досадно и стыдно всем нам, что к дню 90-летия его рождения не нашлось ни одной работы по общественным наукам, достойной премии его имени.

Возможно, здесь есть какая-то ошибка Комитета по Ле-

нинским премиям. Но главное, по-видимому, состоит в том, что общественные науки продолжают отставать от жизни, как это констатировано в постановлении ЦК о пропаганде от 9 января.

Не должен ли отмеченный в этом письме досадный момент побудить всех нас и прежде всего Центральный Комитет несколько решительнее и круче поставить вопрос об отрыве работников общественных наук от жизни, решительнее изгонять из науки догматиков, поощрять смелость в разработке жизненно важных вопросов, требовательнее относиться к Институту марксизма-ленинизма (который не дает никаких оригинальных работ), к Академии общественных наук и тому подобным учреждениям? Конечно, постановления соответствующие есть, постановления правильные. Но в практике работы требовательности и решительности, как мне кажется, не хватает.

Пишу Вам, поскольку, как я понимаю, именно Вы занимаетесь в ЦК общественными науками.

Ответа на это письмо не жду. Пишу его просто для сведения ЦК, по праву и по долгу коммуниста, видящего что-то неладное в нашей жизни.

ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОГО В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС «О ПЕРЕСТРОЙКЕ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ»

20 ноября 1962 года

Уважаемые товарищи!

Считаю своим правом и даже долгом поделиться с вами мыслями, которые вызывает доклад Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета партии 19 ноября 1962 года, мыслями, которые мучают меня, коммуниста, т. к. они расходятся в ряде существенных пунктов с тем, что принимает сейчас Центральный Комитет. Лучше высказать свои сомнения и возражения вам прямо, чем таить их или шушукаться по сторонам.

Доклад тов. Хрущева содержит ряд бесспорно верных положений, и реализация их, несомненно, послужит улучшению руководства народным хозяйством. Однако то положение, которое выдвинуто в докладе в качестве головного, — перестройка партийных организаций и советских органов по производственному принципу — представляется в высокой степени спорным и вызывает ряд возражений..

Разделение области на промышленную и сельскохозяйственную в ряде районов страны трудно провести. Таким

районом является, в частности, Урал, например наша Пермская область. Промышленные предприятия — машиностроительные заводы, нефтепромыслы, леспромхозы и т. п. — разбросаны по всей ее территории, а не только сосредоточены в городах. Они, можно сказать, перемешаны с сельскохозяйственными предприятиями. В одном сельсовете, в одном поселке есть и промышленность, и сельское хозяйство. Какой тут будет Совет? Промышленный? Сельскохозяйственный? Попробуй тут раздели, ведь это же живая жизнь, которая идет на одной территории и переплетена множеством производственных, бытовых, семейных, культурных и прочих связей. О единстве земли, на которой идет реальная жизнь, никак не следует забывать.

Сельское хозяйство вообще переплетено с промышленностью, и дело идет к их сближению, а не к их отдалению. Даже в нашей преимущественно промышленной области с ее отсталым сельским хозяйством продовольственное снабжение осуществляется в значительной степени за счет местных ресурсов. Мы все последние годы воспитывали (и совершенно правильно) горожан в духе понимания того, что подъем сельского хозяйства — общенародное дело. Добились понимания этого (частью воспитательной работой, а частью через желудок — перебоями в торговле). А сейчас в какой-то степени отгородим от взоров и влияния горожан сельское хозяйство. Это напрасно. И с кого будет спрашивать рабочий за недостатки в продовольственном снабжении? С горсовета, с горкома, со своего промышленного обкома и промышленного облисполкома? Они же за сельское хозяйство не будут отвечать. С сельскохозяйственных обкома и облисполкома? Но их городской коммунист и городской рабочий не выбирали, и они перед горожанами не отчитываются. Сколько будет плодиться «пограничных» недоразумений и трений с завозом картофеля, поставками молока, мяса! Сейчас их улаживают обком и облисполком. А произойдет разделение? Очень опасаясь, что Центральный Комитет будет получать жалоб куда больше, чем получает сейчас.

Раздвоение советских органов неизбежно приведет к раздуванию советского аппарата, и так большого. Это, вместе с происходящим сейчас раздуванием центрального аппарата, нельзя будет компенсировать даже сокращением райисполкомов и совнархозов. К тому же весь этот аппарат отдалается от масс, растет в верхних звеньях, а следовательно, будет меньше поддаваться контролю масс.

Все приведенные соображения возбуждают большие сомнения в достаточной продуманности и целесообразности предлагаемой Президиумом ЦК меры — перестройки партийных организаций и советских органов по производственному принципу. Она может запутать простую и ясную сейчас массам структуру и не принести действительного улучшения дела.

Н. С. Хрущев очень правильно напоминает нам об отрицательных явлениях периода культа личности. В числе их была и боязнь коммунистов высказать откровенно свои мысли, свои сомнения. Мы очень дорого расплатились за эту боязнь. Вот почему я считаю своим долгом коммуниста прямо сказать Центральному Комитету о сомнениях в продуманности предпринимаемой им перестройки.

Напомню, что, когда еще при жизни Ленина началось изменение административно-территориального деления республики, к этому делу подошли очень осторожно: больше года вели обсуждение вопроса, обсуждение открытое, в печати, не раз все примерили и все же провели изменение сначала в виде опыта только в двух больших областях — Уральской и Центральной черноземной. Не лучше ли сделать подобным образом? ⁴

**ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
СЕКРЕТАРЮ ПЕРМСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО
ОБКОМА КПСС В. А. КОНСТАНТИНОВОЙ**

14 сентября 1963 года

В марте 1964 года в нашей стране будет отмечаться 400-летие русского книгопечатания. Это будет праздник русской книги. Материалы, посвященные ему, уже появлялись в центральной печати и передавались по радио.

У нас в Перми идет некоторая, но очень слабая подготовка к этому празднику. Между тем его стоит провести возможно шире, чтобы использовать для пропаганды кни-

⁴ По этому письму Б. Н. Назаровский был приглашен на беседу к первому секретарю Пермского обкома КПСС члену ЦК партии К. И. Галаншину, который по поручению ЦК КПСС разъяснил Назаровскому «ошибочность его письма». По решению ноябрьского (1962 года) Пленума ЦК КПСС в стране, в том числе в Пермской области, были созданы промышленные и сельские обкомы КПСС, соответствующие изменения произошли в нижестоящих партийных звеньях. Через два года эти подразделения были ликвидированы.

ги, популяризации библиотек, улучшения книготорговли, подтягивания полиграфии.

Как мне кажется, стоит провести следующие мероприятия:

1. Устроить выставки в областном краеведческом музее и в областной библиотеке (музей ее начал готовить).

2. Устроить в Доме партийного просвещения большую выставку книг Пермского издательства.

3. Провести вечера в библиотеках, доклады о 400-летию русской печати в типографиях и издательствах.

4. Создать силами библиотек каталог пермской книги (сейчас у нас книги, изданные в Перми, растеряны и разбросаны, мы выписываем их из Москвы).

5. Размножить на стеклографе каталог книг Пермского издательства (всех выпущенных за 25 лет) и выпустить типографским способом рекомендательный каталог книг Пермского издательства (первый — для узкого круга научных библиотек, второй — для широкого распространения).

6. Заранее дать материал в «Блокноте агитатора»: рост издания книг, рост книготорговли, библиотечной сети и т. д.

В подготовке 400-летия русской печати должны бы участвовать: музей, центральная библиотека, государственный архив, партийный архив, издательство, книготорг, управление полиграфии и издательств, новый комитет по делам печати, управление культуры, научно-техническое общество полиграфии и издательств, газеты, радио и телевидение.

Не целесообразно ли сейчас, за несколько месяцев до этого значительного события в культурной жизни страны, собрать в идеологическом отделе обкома представителей перечисленных организаций, напомнить им о 400-летию русской книги и обсудить с ними план подготовки?

Прошу вас рассмотреть это предложение. Если надо, могу подготовить более развернутые предложения по поводу проведения праздника русской книги⁵.

Член КПСС,
журналист Назаровский

⁵ Б. Н. Назаровский развил бурную деятельность по выполнению предложенного им плана, в частности, была проведена выставка работ художников пермской книги, издан каталог выставки. Сам Б. Н. выступил с докладом «Из истории книгоиздательского дела в Перми».

ИЗ ПИСЬМА Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
Р. Л. СОЛОМЯНСКОЙ И Г. Н. ПЛЕСКО⁶

16 ноября 1963 года

Дорогие Галина и Ралюшка!

Очень трогает ваше пожелание, чтобы мы написали хорошую книжку о Гайдаре.

Мне тоже хочется написать именно такую книжку. Дело в том, что здесь, в Перми, издадут всякую книжку, написанную мною и Гинцем. Но мы пишем ее не для гонорара — гонорар можно заработать другими, значительно более простыми способами.

Я полушутя, конечно, писал Ралюшке, что ушел с работы для того, чтобы написать книжку о Гайдаре. Именно полушутя. Надо рассчитаться с некоторыми долгами. Я не сохранил каких-то особо ценных воспоминаний о Гайдаре, но мне и нам вообще легче, чем кому-либо другому, восстановить всю обстановку, в которой жил в Перми Гайдар, нам ближе атмосфера тех лет, настроения и мысли того времени, а это много значит. Да и Гайдара я все же представляю, как мне кажется, достаточно ясно.

Надо написать правдивую, интересную и нужную книжку... Написать сколько-нибудь прилично я могу только в том случае, если весь насыщен мыслями и фактами. Центральные мысли как будто бы есть... Даже Вера Смирнова⁷ не права. Даже у нее путь Гайдара в литературу оказывается очень уж легким и все трудности сводятся только к внутренним трудностям, да и о них говорится общими словами... Первый приступ литературных высот не принес Гайдари заметного успеха. Отступление к газете. Здесь найдена прочная основа, плацдарм, на который Гайдар, бывало, отступал и в последующие годы. Здесь найдено главное — постоянный контакт с читателем, ощущение своей нужности и возможность практически выяснить, что в тебе, Гайдаре, нужно читателю, твоему народу... У Гайдара авторское «я» всегда очень ясно присутствует, даже в «Чуке и Геке».

⁶ Соломянская Р. Л. (1908—1986) — журналистка, одна из организаторов пионерского движения в Перми, жена А. П. Гайдара, мать контр-адмирала в отставке, писателя Т. А. Гайдара; Плеско Г. Н. — в 20-е годы сотрудница газеты «Звезда», ныне живет в Москве.

⁷ Смирнова В. — писательница, автор книги об А. Гайдаре (М., 1960).

Когда человек идет к людям, он старается нести к ним лучшее. Он поворачивается лучшей стороной, вытягивает из себя лучшее. Это не лицемерие, не притворство, это совершенно естественный и необходимый процесс.

Так и писатель и журналист. Он вытягивает лучшее из себя, из своего бытового «я» для читателей в свое авторское «я», и это влияет на него самого. В общении с читателем «я» становится лучше, как вообще человек становится лучше в общении с людьми.

В живой литературной работе, протекавшей в газете, Гайдар формировал себя заново для потребностей народа... Надо было понять, что ставить «жизнь ни во что» вовсе неправильно, что ее надо ценить и зазря не отдавать. В понимании этого Гайдар дошел до крика в «Судьбе барабанщика». Но это уже за пределами темы. В Перми только самые первые шаги в этом направлении...

Мы, пермяки, сейчас гордимся, хвастаем Гайдаром: он у нас делал первые шаги. А как мы были невнимательны к нему! Сколько заставили пережить! Как выжили из Перми! А мы же его выжили!

Эту мысль тоже надо провести, она полезна. Правда, за выживание Гайдара мы рассчитались: Иванова из редакторов вышибли, и одним из мотивов было именно его отношение к Гайдару в последние месяцы работы. Хорошо, что удалось найти в партархиве документы, подтверждающие это...

Б. Назаровский

Б. Н. НАЗАРОВСКИЙ — КРАЕВЕДУ А. К. ШАРЦУ

23 сентября 1964 года

Дорогой Александр Кузьмич!

В какое трудное положение Вы меня поставили!

В своей книге «Технические библиотеки Пермской области», на с. 27, рассказывая о создании библиотеки Пермского суперфосфатного завода (завод имени Серго Орджоникидзе), Вы написали следующее: «В июле 1919 года, после освобождения Перми от колчаковских банд, комсомольская организация во главе с Б. Н. Назаровским (ныне известный журналист, персональный пенсионер) организовала дружину по собиранию книг из домов бежавшей буржуазии. Назаровский обратился в Пермский губревком с просьбой выделить лошадь для транспортировки книг. Но ревком смог предоставить только осла. В течение мно-

гих дней в Перми можно было наблюдать картину: высокий худой юноша в буденовке, в опорках на босу ногу ведет по улице за мочальную веревку осла, нагруженного книгами».

Прочитавший эти строки может подумать, что это рассказывал Вам я сам. Между тем я этого не рассказывал. И в этих строках далеко не все правда.

Я никогда не стоял во главе городской комсомольской организации. В 1919—1922 годах вообще не был в комсомоле, а входил в интеллигентские кружки самообразования. В комсомол был принят в январе 1923 года.

Это была инициатива только что возникших органов народного образования или прямо ревкома, которые поручили сбор районным библиотекам.

Я был привлечен к этой работе знакомой — заведующей 3-й районной библиотекой, которая знала, что я нуждаюсь в заработке.

Таким образом, роль моя была очень скромной и не заслуживает упоминания...

Не говорю уж о деталях. Это был мул, а не осел. Он был дан с тележкой.

Ваша книжка, несомненно, содержит интересные данные, и я никак не хочу дискредитировать ее, но я-то, я совершенно напрасно въехал в эту книжку на осле. А на книжке стоит весьма почетная фирма: «Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР». Страшно подумать! И вдруг — полумифический осел!

Простите за шутку, прошу Вас не обижаться, но мне очень не хочется, чтобы товарищи считали меня хвастунишкой, пишущим себе чужие заслуги.

Б. Назаровский

**ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
ПРЕЗИДИУМУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС**

20 октября 1964 года

Уважаемые товарищи!

Думаю, что вы нуждаетесь сейчас в советах членов партии, что вам полезно выслушать мнения коммунистов по поводу текущих политических событий и наших задач, задач сложных и ответственных как в международном масштабе, так и внутри страны.

Отстранение от руководства Н. С. Хрущева встречено

спокойно и, в основном, с удовлетворением. Мне кажется, что всем, внимательно следившим за политической жизнью, стало в последние годы ясно, что делаются попытки создать культ личности Хрущева, что он потерял критическое отношение к своей деятельности и что его легкомысленные и бурные импровизации начинают приносить вред и становятся опасными. Становилось видно, что Программа, принятая XXII съездом партии, проводится без достаточной энергии и последовательности, особенно в вопросах развития социалистического демократизма.

Но имейте в виду естественно возникающий вопрос: вы-то что? Почему вы до сих пор мирились с парадным характером Пленумов Центрального Комитета, очень недавно славословили Н. С. Хрущева по поводу его 70-летия, заверяли, что у нас полностью восстановлены ленинские принципы партийной жизни и в Центральном Комитете обеспечено коллективное руководство?

Простите меня за откровенность, но такие вопросы возникают. Мы ведь вас мало знаем (разве что А. И. Микояна побольше). Мы вас видели преимущественно как почти безмолвное окружение Н. С. Хрущева. И кажется, что многие из вас обременены грузом некоторых вредных старых навыков, навыков келейного, далекого от масс руководства, ориентации на одну персону, опоры только на аппарат и поддержания искусственными мерами авторитета руководителей.

Поэтому, как мне кажется, не я один, а многие ждут с некоторой тревогой, каковы будут ваши политические шаги. Очень хочется, просто совершенно необходимо для дела, чтобы эти шаги были правильными, больше того, мудрыми.

Культ личности — этот страшный пережиток прошлого — принес нам тяжкий вред. Мы имели три разных урока: Сталин, Мао Цзэ-дун, Хрущев. Это разные уроки (и я не хочу равнять Хрущева со Сталиным, никак не хочу), но учат они одному: культ личности и все его последствия должны быть искоренены до конца, и должна быть создана обстановка, гарантирующая от возрождения этого культа.

Основное условие всего этого — полнокровная партийная жизнь во всех звеньях партии, высокая творческая активность коммунистов, постоянная самокритика. Только это может гарантировать от новых ошибок, которые дорого обходятся народу и которые народ не будет прощать нам, коммунистам, до бесконечности.

Одной из странностей в деятельности Центрального Комитета партии после смерти Сталина было то, что вопросы внутривнутрипартийной жизни ни разу по-настоящему, глубоко и развернуто, не обсуждались.

Надо до конца разъяснить все вопросы, связанные с культом личности Сталина. От прошлого нельзя просто отмахнуться; если от него только отмахиваться, оно будет продолжать волочиться за нами. Мало сказать о репрессиях и довести до конца расследование убийства С. М. Кирова. Надо выяснить для себя и рассказать людям, как, благодаря чему сложился культ Сталина, дошедший до кровавых оргий. Надо разъяснить, и в чем было различие между борьбой Ленина против оппортунистических оппозиционных групп и борьбой Сталина против оппозиции. А различие здесь очень велико. Надо сказать, в чем и почему обманулись партийные массы и партийные руководители, многие из которых заплатили за это своей жизнью.

Тут нельзя ограничиться критикой Сталина. Процесс самокритики обязателен для партии, желающей развиваться. Такой самокритике надо подвергнуть себя и в связи с культом личности Сталина, и в связи с ошибками, допущенными в последние годы.

Ни о какой демократии не может быть и речи, если не обеспечены гласность и осведомленность масс. Пора перестать рассматривать нас, коммунистов, как малых детей, которым (так думают неразумные родители) вредно много знать...

Деятельность нашего Центрального Комитета должна быть более гласной. Я осмелюсь напомнить вам то, о чем писал В. И. Ленин в 1903 году в «Письме в редакцию «Искры»: «Пора, в самом деле, решительно отбросить традиции сектантской кружковщины и — в партии, опирающейся на массы, — выдвинуть решительный лозунг: *по-больше света*, пусть партия знает *все*, пусть будет ей доставлен *весь*, *решительно весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к революционизму, отступлений от дисциплины и т. д.»⁸

Напомню, Ленин видел в этом возможность сохранения единства на основе революционного марксизма и избежания расколов при свободном обмене мнениями. Он доверял партийным массам. И по сути дела эту же мысль высказал Ленин в своем «Письме к съезду». Дело там не только

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 8. — С. 94.

в оценке конкретных людей, а в основной мысли о коллективном руководстве и необходимом присмотре масс за вождями.

Нужна большая гласность не только внутри партии, а и во всем нашем советском быту. Излишняя засекреченность, вновь возрастающие цензурные ограничения приносят незаметный, но огромный вред. Статистика служит сейчас только для узкого круга руководящих товарищей. Массам подносятся тщательно отобранные цифры со множеством умолчаний и часто без необходимых сопоставлений. Печатной отчетности местных органов власти и местных экономических органов нет. Все это никак не способствует развитию в массах чувства хозяина страны, привлечению интереса к политическим и хозяйственным вопросам. Мы должны воспитывать политиков, а не обывателей, сознающих свою ответственность перед народом руководителей, а не равнодушных чиновников. Без широкой гласности этого сделать нельзя.

Наше отставание в разработке марксистско-ленинской теории, в ее дальнейшем развитии и ведет к тому, что мы теряем способность сплачивать компартии всех стран и народов. Особенно отстает теоретическая разработка вопросов нашей внутренней жизни. До боли обидно, что у нас, в стране Ленина, систематически не находится работ по общественным наукам, по актуальным проблемам современности, достойных Ленинских премий. Даже к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина их не нашлось.

К стыду нашему, у нас нет социологических исследований. Польша и Болгария в этом отношении впереди нас. Слабые попытки в этом направлении наталкиваются, по видимому, на засекреченность статистики и тщательное охранение казенного благополучия. Мы боимся (напрасно боимся) говорить о противоречиях, через которые идет развитие, о недостатках, об ошибках. Это совсем не поленински.

От этого в огромной степени страдает наша пропаганда. Она, особенно в последнее время, стала вновь носить в значительной мере характер политической трескотни, нудного перелопачивания цитат и безудержного самовосхваления. Совсем забыта старая истина — «Самовосхваление унижает». Она, наша пропаганда, часто носит не действенный, а усыпляющий характер: все идет хорошо, партия, ее Центральный Комитет обо всем мудро заботятся, вы можете спокойно спать.

Мы не приучаем людей мыслить, анализировать материал, делать выводы и на основании всего этого действовать, быть активными в общественном отношении.

Хотелось бы сказать еще о ряде вопросов, но я понимаю: чем длиннее будет письмо, тем меньше надежды, что его прочтут.

Вопрос всех вопросов, ключевой в настоящий момент, — развитие социалистической демократии (разумеется, при сохранении централизма). Без этого не может быть больших и прочных успехов ни в чем. Без этого нам не поднять наш авторитет в других компартиях мира. Больше доверия к массам, особенно к коммунистам! Честное слово, мы достаточно зрелые и сознающие свою ответственность люди.

Я пишу резко. Это наболело. Я ни в какой степени не отрицаю успехов, больших успехов, достигнутых за последнее десятилетие. Наша жизнь изменилась к лучшему во всех отношениях. И я не хочу никого из вас особо винить. Все мы, коммунисты, виновны в ошибках и недоделках, я лично — не меньше, чем другие. Именно сознание своей вины и своей ответственности побуждает меня писать все это.

Мы можем и должны работать лучше. Народ у нас истине изумительный. И он достоин не просто хорошего, а очень хорошего руководства. Будьте таким руководством! Принято называть наш Центральный Комитет ленинским. Оправдайте это название!

Б. Назаровский

**ИЗ ПИСЬМА Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
В ЛОНДОН С. АЛЛИЛУЕВОЙ**

28 мая 1967 года

Светлана Иосифовна!

Вам пишет русский интеллигент из провинции. Пожилой уже человек. Журналист... еще в юные годы полюбивший и Маяковского, и Пастернака.

Это не только дает мне право, а и обязывает написать Вам.

Сейчас я прослушал переданную Би-Би-Си Вашу статью «Борису Леонидовичу Пастернаку». Я знаю, что Вы готовите много более крупных и еще более гнусных подлостей против нашей страны и нашего народа. Но сейчас — по поводу этой, одной из первых.

Вы не имеете ни малейшего морального права так обра-

щаться к Пастернаку, примазываться к нему, марать его своим прикосновением.

Пастернак, ребенок в политике, допустил неосторожность, в результате которой «Доктор Живаго» был опубликован за рубежом раньше, чем был решен вопрос о публикации этого романа в нашей стране. Он обрадовался Нобелевской премии, не поняв ее политической подоплеки. Но когда ему в достаточно резкой (излишне резкой) форме указали на это, он отказался от Нобелевской премии. А когда некоторые чрезмерно усердные, не по разуму усердные, люди заговорили о его выселении из Советской страны, он громко, на весь свет заявил, что для него лучше смерть, чем расставание с Россией, что он должен жить здесь и работать для своего народа.

А Вы... Что говорить о Вас! Вы с Пастернаком в разных лагерях. Вы польстились на американские доллары и продали себя со всеми потрохами. Вы бежали из родной страны, не попытавшись ничего сделать здесь для ее народа.

Что есть у Вас за душой? Судя по переданной Би-Би-Си статье, ровным счетом ничего. И литературное дарование Ваше гроша ломаного не стоит. Ваше истерическое самоизлияние — свидетельство Вашего убожества.

Но Вам платят и будут еще известное время платить. Платят за имя, точнее — за отчество. Не 30 серебряников, а куда больше. Предательство нынче в цене. Но скоро перестанут платить, убедившись, что Ваши выступления встречают только осуждение в нашем народе.

Я отвлекся. Не трогайте Пастернака! Пастернак остался с нами, здесь, в Советской стране. Ему давно простили ошибки и слабости. Его обильно издают. Его имя произносится с уважением. Он продолжает работать в русской литературе. Он с нами, а не с вами... Пусть встанет Вам поперек горла кусок чужого хлеба!

Б. Назаровский

**БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО Б. Н. НАЗАРОВСКОМУ
ИЗ ЦГАЛИ СССР ПО ПОВОДУ ПЕРЕДАЧИ
НА ХРАНЕНИЕ ПИСЕМ А. П. ГАЙДАРА**

11 января 1968 года

Уважаемый Борис Никандрович!

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР благодарит Вас за безвозмездную передачу.

на постоянное государственное хранение писем Аркадия Гайдара.

Эти письма присоединены к имеющемуся у нас фонду А. П. Гайдара (№ 1672) и являются очень интересным дополнением к ранним материалам писателя.

После научной обработки переданных Вами писем мы вышлем Вам опись фонда А. П. Гайдара с упоминанием о них.

С уважением

директор ЦГАЛИ СССР Н. Волкова

ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО»

Сентябрь 1970 года

Комментарий к ленинской статье

18 августа 1913 года в газете «Северная правда» за подписью «И» была опубликована статья «Замечательное дело», посвященная полувековой тяжбе мастеровых Павловского и Очерского заводов о наделении их землей. Статья эта принадлежала перу В. И. Ленина, блестяще подтверждает ленинское определение публицистики как истории современности.

В чем суть дела? По закону 3 декабря 1862 года рабочие Павловского и Очерского заводов, входивших в пермское майоратное имение графов Строгановых, должны были быть наделены землей. Почему же и к 1913 году они не получили ее? Препятствовали крупные помещики — владельцы уральских заводов. И даже когда в 1909 году сенат вынес решение в пользу мастеровых, Столыпин, а позднее его преемник Маклаков под нажимом уральских помещиков приостановили дело...

Философская, политическая и экономическая глубина и емкость ленинской статьи побудили автора рецензируемой книги, уральского литератора Б. Назаровского к изучению материалов, так или иначе причастных к тяжбе. И вот перед нами результат многолетней исследовательской работы — книга, названная так же, как и статья Ленина: «Замечательное дело».

Большое место в книге отведено документам, историческим фактам, при этом автор не просто приводит их, а глубоко анализирует, умело сочетая научную достоверность с публицистической увлеченностью.

В книге нет той поверхностной беллетристики, к которой, не будем греха таить, прибегают порой иные авторы, обращающиеся к историческим сюжетам, а есть последовательный и аргументированный анализ событий с привлечением таких документов, которые зачастую красноречивее всяких слов...

Б. Назаровский прослеживает жизнь мастеровых Урала с того времени, когда они начали свою беспримерную тяжбу со Строгановыми, показывает ее как хорошую школу классовой борьбы с угнетателями.

Опираясь на высказывания Маркса и Ленина, автор приходит к интересному выводу: утверждение уральскими рабочими своего права на землю включало не только общедемократическое, антифеодальное требование освобождения земли и вместе с нею промышленности от крепостнических пут, а и мечты о лучшем, справедливом строе.

И. М а т ю ш и н а,
кандидат исторических наук

**ИЗ ПИСЬМА Б. Н. НАЗАРОВСКОГО
СЕКРЕТАРЮ ПЕРМСКОГО ГОРКОМА КПСС
С. А. МЕЛЕШКОВУ**

22 октября 1971 года

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Прошло уже три года с тех пор, как газета «Молодая гвардия» провела на своих страницах обсуждение вопроса о дате основания города Перми и выдвинула перед горкомом КПСС и горисполкомом предложение начать подготовку к его 250-летию.

Решение этого вопроса было задержано тем, что профессор Ф. С. Горовой представил в горком и горисполком свой доклад «О дате основания города Перми», в котором предпринял попытку опровергнуть итоги обсуждения в газете. Доклад Ф. С. Горового был поддержан группой университетских историков. В отделе пропаганды горкома нашли его убедительным.

Пять месяцев назад — 19 мая 1971 года — я подал в горком КПСС свою записку по поводу доклада профессора Горового, в которой убедительно, как мне кажется, показал, что доклад этот представляет собой несостоятельную попытку ввести городское руководство в заблуждение.

Мне известно, что горком и горисполком запрашивали мнение по этому вопросу Института истории СССР Академии наук и получили ответ, что историки, специализирующиеся на истории города, считают датой основания Перми 1723 год, хотя долгое время наше поселение (подобно многим другим городам) не имело официального статуса города.

Казалось бы, все ясно. И многих пермяков обрадовало утверждение, сделанное нашим депутатом В. Н. Лебедевым на I сессии Верховного Совета РСФСР, что наш город не молод, что он основан в 1723 году. В этом заявлении увидели намерение отметить 250-летие.

Но вопрос о праздновании юбилея все же не решен. Приближающаяся юбилейная дата обойдена во время торжеств, посвященных вручению городу ордена Ленина. Она обойдена и на последней сессии городского Совета, где сказать о ней было бы чрезвычайно уместно.

Меня, и не только меня, поражает медлительность горкома. Ведь до 250-летия города остается всего полтора года. В Свердловске, который основан также в 1723 году, еще год тому назад создан юбилейный комитет. Поражает келейный характер обсуждения этого вопроса в горкоме. Я не говорю о себе, человеке, не имеющем ни чина, ни звания, от меня можно просто отмахнуться. Есть другие люди, поддерживающие, насколько мне известно, ту же точку зрения: кандидаты наук, доценты истории П. И. Хитров, А. С. Черкасова, В. А. Оборин, географы М. Н. Степанов, П. Н. Чепкасов, Ю. А. Власов, архитекторы А. С. Терехин, Г. С. Ларкин и др. Если горкому еще что-либо не ясно, почему не пригласить в горком ту и другую стороны и не выслушать их в споре? Если все ясно, тогда не может стоять вопроса о том, отмечать или не отмечать юбилей, как не стоит вопроса, следует или не следует с уважением относиться к родителям, тогда отметить юбилей — наш моральный долг. Смею напомнить, что В. И. Ленин с постоянным и глубоким презрением относился к «Иванам, не помнящим родства».

Сколько городов за это время отпраздновало свои юбилеи и как это хорошо получалось! Вот последним отпраздновал свое 400-летие Артемовск, впервые упомянутый в документах 400 лет тому назад как «сторожа бахмутская», т. е. укрепленный сторожевой пункт, и лишь в

1783 году получивший статус города, а в 1924 году переименованный из Бахмута в Артемовск.

Что за проклятые люди мы, пермяки, что нам не дают отметить 250-летия своего города?!

Смею утверждать, что этот вопрос возникает не только у меня. На него пытаются найти ответ и другие, и попытки эти приводят к нелестным для городского руководства выводам. Не скрою, что и мне непонятны колебания горкома, эта медлительность, свидетельствующая то ли о чрезмерном спокойствии, то ли просто о равнодушии и стремлении избежать лишних хлопот.

Между тем в условиях нашего города отпраздновать его юбилей особенно полезно. Город не просто сумма производственных коллективов. Он нечто большее. Но его единство, его сплоченность, заинтересованность в нем всех горожан надо постоянно поддерживать и укреплять. Пермь выросла из поселков, создававшихся около предприятий. До сих пор наш город разбросан, некоторые его районы даже разобщены. Условия быта горожан крайне пестры: кто живет во вполне благоустроенных домах, а кто и в бараках, и в избах-развалюшках. У нас много закрытых предприятий, и это также не способствует сплоченности города. Юбилей города — прекрасный трамплин для разносторонней пропагандистской, агитационной и организаторской работы в массах, работы не шаблонной, а творческой. Неужели это непонятно?

Горком тянет, а профессор Горовой опубликовал свой доклад (с сокращениями, но все равно изобилующий грубыми натяжками и ошибками) в редактируемом им «Уральском археографическом ежегоднике». И уже находятся по-чиновному настроенные товарищи, которые говорят: раз его статья опубликована, значит, это официальная точка зрения, значит, нечего и думать, и спорить, и предлагать... Смею заверить, что я найду место и способы выставить профессора Горового на позорище. Но ведь не в этом дело... Во всяком случае, не это главное.

Я третий раз обращаюсь в горком по вопросу о юбилее города (заявление на имя секретаря горкома тов. Флоренко в мае 1969 года, заявление на Ваше имя 19 мая этого года, настоящее письмо). С горечью констатирую, что ответа до сих пор не получил.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ Б. Н. НАЗАРОВСКОГО РАЗНЫХ ЛЕТ РАЗНЫМ ЛЮДЯМ

Увы, я принадлежу к могучему и непрерывно умножающемуся племени пенсионеров. И трагедия моя — трагедия бессилия. Видишь, что делается неладно, а взять в свои руки и сделать лучше уже не можешь. Единственное, что я пытаюсь делать и делаю, — это сохранить в молодежи веру в возможность лучшего, отвлечь ее от циничного отношения к жизни.

Следует давать выход своим мыслям и чувствам. Именно когда их сдерживают, и происходят инфаркты. Меня бог милует потому, что я ругаюсь. Отучивать себя мыслить в наши годы уже поздно.

Без сознания своей вины не может быть и сознания своей ответственности, своего долга. А без известной обремененности долгом и заботами нет человека. Это говорил Сент-Экзюпери, когда рисовал человека, вдруг оказавшего свободным, совсем свободным, от всего свободным (не буду искать цитату). Какое это тяжелое, нечеловеческое положение...

Не критиковать нельзя. Слишком уж долго не критиковали, и очень дорогую цену заплатил за это народ. Когда начинаешь просматривать свою жизнь, то убеждаешься (я во всяком случае), что большее число ошибок было порождено недоверием к собственному мнению, слишком охотным следованием за другими... Крушения всех надежд — это я не хочу признавать и не признаю. Но задачка оказалась куда сложнее, чем думалось в молодости.

Единственное, что меня беспокоит, волнует и гнетет, — это какой вырастает молодежь. Все ли я, мы делаем, чтобы молодежь выросла здоровой. А для здорового роста нужна здоровая атмосфера. Не молчание, сопровождаемое барабанным боем, а что-то более способствующее духовному богатству и творческой активности.

Что молодежь у нас растет хорошая, я это знаю. Но как много делается, чтобы испортить ее, какое к ней недоверие... Ленин умер в 53 года. Сейчас в таком возрасте не назначат и министром: молод! Известному тебе Белобородову было 27 лет, когда он возглавлял Уралсовет. Найди теперь председателя райисполкома в таком возрасте, считающемся комсомольским.

По недосмотру Главлита сейчас печатается новое собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина. У меня из старого потеряно два тома, и я выписал новое. Оно оказалось значительно лучше. Поскольку получаю, почитываю. Попробуй почитай. Ну хотя бы 7-й и 9-й тома. Это же невозможно читать, особенно «Господа ташкентцы». Очень печальна такая актуальность Щедрина...

Я сам знаю, что борьба человечества за счастье началась не с основания Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и не со дня рождения К. Маркса, и даже не со дня рождения Иисуса Христа, а много раньше. Знаю и то, что она не будет окончена и что человечество не скажет, подобно гетевскому Фаусту: «Остановись, мгновение, — ты прекрасно!»...

Книгу, нужную и хорошую книгу, достать становится все труднее и труднее... Молодые люди, начинающие самостоятельную жизнь, лишены возможности в сколько-нибудь обозримый срок завести себе библиотеку, в которой бы были основные произведения мировой, русской и советской классики. Стране грозит книжный голод. Планы увеличения производства бумаги, намечавшиеся на семилетку (1959—1965) и на последующую пятилетку (1966—1970), остались невыполненными... Доля книги в потреблении фондов бумаги резко снизилась... Все это не предвещает ничего хорошего для книги...⁹

У меня развивается национализм. Я — русский, и судьба русского народа меня тревожит. «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна», — смею повторить эти слова, вызвавшие своевременно гнев тов. Кочетова, которого отмечает повышенная бдительность.

Достоевского я не люблю. Точнее говоря, я его боюсь. Я толстовец. Достоевский, конечно же, — большой талант, большой гений (бывают гении и небольшие).

Ты знаешь, что я люблю давней и верной любовью Максима Горького. Алексея Максимовича перестал и любить, и уважать именно в роли руководителя Союза писателей. Много зла он наделал. Вспомнить хотя бы одно: вознес Сергея Васильева и способствовал гибели Павла Васильева. Последнего читай в издании большой «Библиотеки поэта», только оно дает представление об этом

⁹ Из письма в «Правду» по поводу обсуждения директив XXIV съезда КПСС 7 февраля 1971 года.

изумительного дарования поэте. Между ним и однофамильцем, воспевающим Кочетова, разница в масштабах, как между атомом и метагалактикой. Фадеев, тот хоть сам себе приговор вынес, поскольку ему не позволяли всенародно покаяться. Горький был удушен в жарких объятиях лести. Как раньше душили в подушках: крику меньше, крови нет, следов не видно. Помнишь ли, что Горький презрительно фыркал на «разных там Хемингуэев?» Это уже после «Фиесты» и «Прощай, оружие». Нет, гибель, моральная гибель грозит каждому, неизбежна для каждого, поставленного в положение монопольного обладателя истины!

Осмелюсь заметить, что В. И. Ленин написал бы лучше свой «Материализм и эмпириокритицизм», если бы прочел к тому времени Гегеля. Он сам признал это, сказав, что, не зная «Науки логики» Гегеля, нельзя понять первого тома «Капитала» К. Маркса. И он сам во время дискуссии о профсоюзах блестяще показал, что даёт знание Гегеля.

«Мы диалектике учились не по Гегелю», — хвастливо говорил Маяковский, а мы за ним повторяли. Другого способа обучения философии, кроме как по Гегелю, до сих пор не придумано... Советуй своим студентам вовремя читать Гегеля и меньше ориентироваться на барабанный бой.

Что касается меня, то я многим недоволен и многое переживаю тяжело. Я, например, каюсь, что способствовал установлению культа личности Сталина (хотя и вел себя в 1937 году более или менее достойно), каюсь, что в плохие времена был на руководящей работе, а сейчас все время меня грызет сомнение: а не надо ли более активно бороться против сохраняющихся негодных порядков... Я не могу заставить себя перестать думать о стране и народе, не могу сделаться обывателем...

Читательский слой у нас еще очень невелик. Книг покупают мало. Я сравнил по нашей области душевое потребление книг и водки (по обороту торговли): 8 руб. (с газетами и журналами — 16 руб.) и 460 руб. в год на душу. Величины трудносравнимые.

Очень хочется мне хоть как-то противостоять мертвящему догматизму, безжизненным схемам и стандартам, которые так вредят общественным наукам, так отталкивают молодежь от их изучения. Историки наши дипломированные замкнулись и отгородились от жизни... идет поиск не истины, а ученых степеней, для чего учитываются и конъю-

юнктура, и взгляды влиятельных лиц. Сейчас я занимаюсь разными сюжетами местной истории, способными повысить интерес к этой науке, которую Маркс и Энгельс считали единственно правильной, а также годными для доказательства того, что история творится не только в Москве и Петербурге, а всюду, где живут и борются за счастье люди... К сожалению, я — человек разбросанный, и мне просто стыдно перечислять все темы, по которым я сделал и делаю заготовки и даже полуфабрикаты.

Чем больше я работаю над этой рукописью¹⁰, тем больше чувствую, как не хватает нашим товарищам, весьма почтенным (не хватает, помимо прочего более важного, настойчивого стремления к истине, например), как им не хватает чувства пропорции и ритма, которые воспитывает искусство, как им не хватает эмоционального воспитания вообще, без которого человек не может быть полноценным ни в какой сфере... Удивительная аритмичность, приводящая к уродствам в написанном, постоянная потеря пропорций и непонимание того, что без пропорциональности никакое здание, в том числе книжка, не держится.

А постановление от 18 июня 1925 года¹¹ готовила комиссия ЦК под председательством Михаила Васильевича Фрунзе, который был далеко не только военным деятелем, но сильно преждевременно (или своевременно?) умер в 1926 году. Это был человек, вполне пригодный для замещения Сталина на посту генсека, что было завещано Лениным...

Постановление — одно, а практика — другое. И легче выполняются плохие постановления, что вполне естественно. «Управлять движением мысли и только потому страной», как это делал, согласно Пастернаку (его свидетельству), Ленин, труднее, чем просто управлять. Даже с помощью ЭВМ, на которые возлагают чрезмерные надежды...

Подборку подготовила Н. А. Аликина

¹⁰ Речь идет о книге «История Урала». — Пермь, 1963.

¹¹ Имеется в виду постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы».

Инспектор охраны памятников

На протяжении более 35 лет жизнь и деятельность советского архитектора Льва Николаевича Златогорского (1909—1977) была связана с Пермским краем. Его волновали вопросы охраны памятников архитектуры. Он много сделал и в области архитектурного проектирования. Болезнь часто выводила его из строя, но как только удавалось вернуться в рабочее состояние, он немедленно брался за дело.

Пермские архитекторы старшего поколения помнят своего коллегу как человека неунывающего. Он любил шутку, розыгрыш. Серьезное, но порой скучное занятие мог вдруг освежить юмором. Не любил высоких авторитетов, не заискивал перед начальством. Был человеком в высокой степени принципиальным, бескомпромиссным, прямым.

Он знал в совершенстве технику создания макетов. Именно ему обязаны реставраторы созданием каркаса макета архитектурно-этнографического музея в Хохловке. До сих пор его методами архитектурного проектирования пользуются ученики. В Пермском отделении Союза архитекторов он состоял членом правления. К его советам прислушивались ведущие специалисты в области строительства.

Л. Н. Златогорского знали и любили как человека большой души, талантливого архитектора, педагога, ученого.

...1 августа 1909 года в Курске в семье юриста Николая Григорьевича Златогорского родился сын, назвали которого Львом. Сиротливым оказалось его детство. В четыре года лишился матери. Отец, как мог, воспитывал сына, стараясь дать ему образование. Восьми лет Лева поступил в приходскую школу, но учиться пришлось с перерывами, вызванными гражданской войной, переездами семьи. В эти годы ему довелось испытать все тяготы жизни беспризорников. В Уфе, где они жили в гражданскую войну, колчаковцы посадили отца в тюрьму за службу в советских учреждениях. Мальчик оказался во власти улицы, пока Красная Армия не освободила Уфу от белых.

С 1924 года Лева уже познал вкус трудового хлеба, в 1929 году совсем отделился от отца, стал жить самостоя-

тельно, стремился узнать жизнь не только по книгам, которые читал запоем с детства, но и найти себя в жизни, выбрать любимую профессию, создать семью. Кем только не пришлось ему побывать в молодости! В Уфе он переплетчик, наборщик, в Златоусте — корреспондент, художник-гравер редакции газеты «Златоустовский рабочий», в заводском поселке Бакал, недалеко от Златоуста, куда приехал по комсомольской путевке, — забойщик в руднике, а по совместительству выпускающий редактор газеты «Даешь руду!», потом чертежник в техническом отделе рудоуправления.

В 1931 году Златогорский приехал в Севастополь, устроился техником на морском заводе. В 1932 году переехал в Баку и надолго осел здесь, работая техником-конструктором, а позже производителем работ, начальником участка по строительству фильтровальной станции. 1934 год оказался переломным в его жизни. Он окончил вечерний рабфак и, выдержав конкурс, поступил на архитектурно-строительный факультет Азербайджанского индустриального института. В годы учебы продолжал работать в проектных организациях Баку.

В 1940 году Л. Н. Златогорский окончил институт, получив диплом архитектора широкого профиля. По распределению направили его в Пермь, ставшую центром обширной Пермской области. Здесь ощущалась большая нехватка в специалистах. Поначалу Златогорского назначили архитектором Пермского отделения треста «Востокнефтепроект», а через несколько месяцев он стал заместителем главного архитектора города Перми.

Начавшаяся Великая Отечественная война изменила характер работы пермских архитекторов. Летом 1941 года Златогорскому было поручено срочно подготовить план временного рабочего поселка для эвакуированных рабочих. С этой задачей он успешно справился. Затем был призван в Советскую Армию. Командование Западного фронта поручило архитектору Златогорскому составить проекты маскировки оборонительных объектов. Позже Златогорский участвовал в разработке проекта создания завода по ремонту тяжелых танков. Последним фронтовым заданием ему было разработать проект рыбозасолочного завода на одном из озер для нужд армии. В 1944 году Златогорский тяжело заболел, был демобилизован и вернулся в Пермь.

Когда ему удалось подлечиться и более или менее ок-

репнуть, он вернулся к мирному труду. Поначалу преподавал в коммунально-строительном техникуме историю и теорию архитектуры, проектирование гражданских и общественных зданий и сооружений. В конце 1944 года Златогорский был переведен на должность начальника инспекции по охране памятников архитектуры при Пермском облисполкоме. Начался хотя и короткий, но очень важный период в жизни и творчестве архитектора Л. Н. Златогорского.

Еще шла жестокая война, рушились города с неповторимыми архитектурными шедеврами, а здесь, в Прикамье, инспектор Златогорский начал кропотливую работу по учету каждого уцелевшего от времени и от людского невежества памятника: будь то господский дом Строгановых с мощными каменными стенами или хрупкая, готовая рассыпаться 200-летняя церквушка где-нибудь в Парме. Особенно его интересовали тогда еще мало исследованные Чердынский, Соликамский, Усольский районы, Коми-Пермяцкий национальный округ.

Инспектор поставил перед собой задачу досконально изучить историю края, конспектировал краеведческую литературу в библиотеках и музеях, изучал редкие документы в архивах, знакомился с пермскими краеведами, создавал при их участии ячейки общественной охраны архитектурного наследия края. Особенно близко он сошелся с краеведом, обладателем большого исторического архива В. М. Батановым, допоздна засиживался у него дома за беседой и просмотром собранных им материалов. В Усолье Златогорского заинтересовал старожил П. М. Метелев, служивший с девяти лет в конторе соляных промыслов Абамелек-Лазарева. От него инспектор узнал много интересного о прошлом этого старинного населенного пункта, важнейшего центра солеварения на Урале. Живейший интерес Златогорский проявил к старым мастерам-солеварам, строителям, каменщикам, резчикам по камню и дереву, а также к обладателям старины, коллекционерам. Их фамилии и адреса сохранились в записных книжках Льва Николаевича.

Работу инспектора по охране памятников архитектуры Златогорский начал с обследования исторических городов и селений Прикамья. Прежде всего он уточнил списки памятников, составленные в последний раз в 1933 году. Затем с немногочисленными своими помощниками приступил к оформлению необходимой документации — паспортов на

каждый учтенный памятник. Была проведена большая работа по обмерам, фотофиксации, составлению чертежей, характеризующих объемы и конструкции зданий-памятников. Кроме того, он фотографировал и зарисовывал акварельными красками интерьеры наиболее значительных сооружений, таких, как Никольский храм в Ныробе, выстроенный в стиле нарышкинского барокко, или Богоявленская церковь в Соликамске.

На памятники архитектуры, требующие неотложного поддерживающего ремонта, Златогорский составлял дефектные ведомости. Часто сам же составлял смету на ремонт. Пользуясь предоставленным ему должностью инспектора правом, в большинстве случаев умел заставить владельцев или арендаторов таких памятников проводить срочные ремонтные работы.

К весне 1945 года инспектор Златогорский закончил обследование памятников архитектуры в Пермской области, включенных в список по охране и взятию на государственный учет. Результаты обследования резюмировал следующими словами: «Состояние, в котором находятся памятники старины, и отношение к ним большинства руководителей и низовых работников районов не делают чести нашей области».

Намеченные мероприятия планировалось осуществить в две очереди. Первым делом срочно отремонтировать крыши, устроить отмостки вокруг зданий и заделать незащищенные окна и проемы зданий-памятников. Затем установить охранные доски на памятниках, завести инвентаризационные дела на каждый объект, перезаключить арендные договоры на более выгодных для охраны памятников условиях, прекратить произвол в эксплуатации памятников их владельцами и арендаторами, наконец, ввести в практику уголовную ответственность лиц, способствующих разрушению памятников архитектуры.

Златогорский взялся за осуществление мероприятий по охране памятников архитектуры, но общественность еще не была подготовлена поддержать усилия в этом направлении. Чтобы не распылять свои силы, Лев Николаевич выделил для начала лишь один город Усолье, богатый памятниками архитектуры. У руководителей этого района, хозяйственников появились акты-предписания инспектора принять срочные меры по ремонту того или иного памятника-здания. Инспектор выявлял злостных нарушителей режима охраны памятников, выступал по этому поводу

в местных и высших инстанциях. На одном из областных совещаний в Перми в 1946 году подверг резкой критике руководство Усольского района, которое ничего не делало для сохранения находящихся в его пользовании зданий памятников архитектуры.

Сейчас, спустя более четырех десятилетий, не стоило бы вспоминать об этом. Но, к сожалению, еще не перевелось такое, когда охрана памятников архитектуры и правильное их использование считаются делом второстепенным, пущены на самотек, прикрываются бюрократическими отписками. Уже в то время Златогорский ратовал и за сохранение окружающей памятники среды — скверов, садов, кладбищ. «Кладбище — это музей города, села, его летопись», — говорил он.

Одновременно с работой инспектора по охране памятников архитектуры Златогорскому приходилось выполнять и ряд других обязанностей: архитекторов в Перми не хватало. Так, в 1948 году он был назначен еще главным архитектором областной промышленной выставки. При его непосредственном участии была выполнена заглавная экспозиция — электрифицированная карта кооперирования промышленности Пермской области с промышленностью страны.

Физическое и особенно умственное перенапряжение не замедлило сказаться. Лев Николаевич тяжело заболел, обострилось заболевание военных лет. В феврале 1949 года Златогорского перевели на инвалидность. Беспокойная, требующая разъездов деятельность, увы, прекратилась. Он тяжело переживал это.

Когда Златогорскому становилось легче, он снова брался за труд. Стал преподавать архитектуру на факультете инженеров землеустройства в Пермском сельскохозяйственном институте. После перевода этого факультета в Целиноград работал архитектором на пермском машиностроительном заводе имени Ф. Э. Дзержинского. Последняя должность Л. Н. Златогорского, которую он занимал с июля 1968 по август 1969 года, — главный специалист отдела генплана института «Пермсельхозпроект». К этому завершающему периоду трудовой деятельности Златогорского относится его главная работа для села — составление проекта центральной усадьбы и производственной зоны № 1 колхоза имени Я. М. Свердлова Куединского района. Проект был выполнен на основе аэрофотосъемки методом макетного проектирования.

В 1969 году Л. Н. Златогорский вышел на пенсию и стал работать только по трудовым соглашениям с организациями, продолжая научные исследования в области архитектуры. По просьбе издательства «Советская энциклопедия» написал обстоятельную статью об архитектуре Коми-Пермяцкого национального (автономного) округа для «Энциклопедии искусств стран и народов мира». Статья напечатана в третьем томе этой энциклопедии.

27 апреля 1977 года Лев Николаевич Златогорский скоропостижно скончался. После его смерти остался большой личный архив. Он содержит интересные материалы, которые послужат ценным источником при изучении истории архитектуры, строительства и охраны памятников архитектуры в Пермском Прикамье. Семья покойного передала его на вечное хранение в государственный архив Пермской области.

ЖИЗНЬ — ДЕТАМ

В 1990 году исполняется 125 лет со дня рождения народной учительницы Олимпиады Максимовны Варфоломеевой (1865—1960), которая всю свою долгую жизнь посвятила детям-дошколятам.

Ее трудовая деятельность началась в 1886 году с учительствования. В 1892 году в северном селе Коса вместе с мужем (он работал земским врачом) О. М. Варфоломеева организовала первые на Урале детские ясли для крестьянских детей.

В 1910-х годах Варфоломеева переехала на постоянное жительство в Пермь. Она обратилась через газету с призывом к общественности об организации досуга детей в городе. В Перми было создано общество «Светлая юность». Председателем его единодушно избрали Олимпиаду Максимовну. 10 июня 1912 года общество открыло первую в городе детскую площадку.

Этот опыт получил дальнейшее развитие. В 1913 году в городе было открыто уже пять детских площадок, а в 1914-м — семь.

В том же 1912 году общество «Светлая юность» открыло в Перми и первый на Урале детский сад, руководство которым поручили Олимпиаде Максимовне.

Благодаря усилиям учительницы Варфоломеевой дошкольное дело в Перми ширилось. Возникла необходимость организовать курсы по подготовке дошкольных работников. Олимпиада Максимовна обратилась в Пермский университет с просьбой помочь в этом деле. Профессора физиолог Б. Ф. Вериге, ботаник А. Г. Генкель и другие охотно пошли навстречу. 24 сентября 1917 года курсы начали работу, в 1918 году состоялся выпуск.

О. М. Варфоломеева горячо встретила Великую Октябрьскую социалистическую революцию, еще настойчивее стала заниматься до-

школьными делами. В 1920 году она была назначена заведующей дошкольным подотделом в Пермском губернском отделе народного образования.

О. М. Варфоломеева отдала народному образованию 63 года. За выдающийся вклад в развитие дошкольного воспитания Олимпиада Максимовна была награждена золотой медалью имени великого русского педагога К. Д. Ушинского.

II
ПАМЯТНЫЕ
ДАТЫ
И СОБЫТИЯ

**К 120-летию со дня рождения
В. И. Ленина**

Н. Аленчикова. К вопросу о разглашении ленинского «Письма к съезду»

Е. Акулов. С Лениным в сердце

А. Овсянников. Лениниана на пермских медалях

85 лет первой российской революции

В. Светлаков, М. Суслов. Шаги первой революции

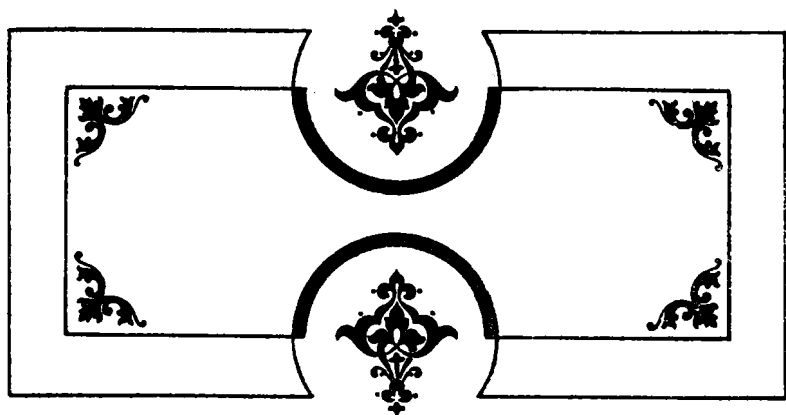
**К 45-летию победы советского народа
в Великой Отечественной войне**

М. Шакиров. Герой Суарского ущелья

Д. Красноперов. Крупицы памяти

Коми округу. — 65

Г. Немтинова. Забота о родном языке

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

Н. Д. Аленчикова

К вопросу о разглашении
ленинского «Письма к съезду»

В документальном репортаже «Ленинское завещание» (Правда. — 1988. — 26 февр.) доктор исторических наук В. П. Наумов обвинил личного секретаря В. И. Ленина Л. А. Фотиеву в том, что она нарушила указание В. И. Ленина о секретности «Письма к съезду», диктовавшегося им в конце декабря 1922 года, следствием чего стала осведомленность группы членов Политбюро и ЦК о содержании продиктованных В. И. Лениным характеристик отдельных членов ЦК задолго до его смерти и XIII съезда партии.

Среди людей, близких Владимиру Ильичу и бок о бок работавших с ним в первые годы после Октября, Лидия Александровна Фотиева занимает заметное место. Активный участник революции 1905 года и Великой Октябрьской социалистической революции, она была секретарем возглавляемых В. И. Лениным Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, одновременно являясь личным секретарем В. И. Ленина с марта 1918 года вплоть

до последних дней его жизни. Под многими важнейшими документами первых лет Советской власти после подписи В. И. Ленина следует подпись Л. А. Фотиевой. В рекомендации В. Д. Бонч-Бруевича, данной при вступлении Л. А. Фотиевой во Всесоюзное общество старых большевиков, говорится: «...была облечена особым доверием Владимира Ильича...»

Имя Л. А. Фотиевой безразлично пермякам. С нашим городом связано начало ее революционной деятельности. Именно здесь, в Перми, отбывала она свою первую ссылку за участие в грандиозной политической демонстрации петербургского студенчества 4 марта 1901 года на площади у Казанского собора. Здесь она активно участвует в работе пермских социал-демократов, знакомится с первыми номерами ленинской «Искры». При ее прямом и непосредственном участии пермская социал-демократия выходит на связь с «Искрой», в адрес Л. А. Фотиевой направляются посылки с новыми номерами газеты. Прямое и деятельное участие приняла она и в налаживании связей пермских революционеров с социал-демократическими организациями Петербурга, Казани, Киева. Именно отсюда, из Перми, стремясь к непосредственной встрече с В. И. Лениным, она дважды нелегально бежала за границу. Первая попытка (1902) окончилась неудачно: последовали арест на границе и 14-месячное заключение в Киевской тюрьме с последующей высылкой обратно, в Пермь. Здесь в октябре 1903 года ее арестовывают по делу о Пермском комитете РСДРП. После 5-месячного заключения она вновь активно включается в революционную работу, но в мае 1904 года, в предвидении неизбежности нового ареста, Л. А. Фотиева предпринимает вторую попытку эмигрировать за границу, которая на этот раз была успешной. Вскоре произошло и ее знакомство с В. И. Лениным в Женеве, которое окончательно определило ее путь в революции: именно 1904 год она назовет годом своего вступления в партию большевиков.

Больше в Пермь Л. А. Фотиева не возвращалась, а если и заезжала, так ненадолго, проездом. Однако именно здесь, в процессе работы в среде пермских социал-демократов, прошла она ту трудную школу, которая привела ее в ряды ленинской партии большевиков.

В Женеве она деятельно включилась в работу русской большевистской организации, помогая Н. К. Крупской в переписке с местными организациями РСДРП в России.

В августе 1904 года она участвовала в совещании 22 большевиков в Женеве, принявшем обращение «К партии» — программный документ большевиков в борьбе за созыв III съезда РСДРП. В разгар революции 1905 года нелегально вернувшись в Петербург, она активно участвует в большевистской работе в качестве организатора фабричного подрайона Невского района. В годы реакции работает вместе с Верой Михайловной Бонч-Бруевич в рабочем клубе и библиотеке. В 1917 году снова начала работать вместе с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой в Выборгском районе, в редакции «Правды». Начавшаяся еще в эмиграции дружба с Марией Ильиничной Ульяновой продолжалась до самой смерти последней в 1937 году.

После переезда правительства в Москву, 25 марта 1918 года, Л. А. Фотиева начала работать непосредственно с Владимиром Ильичем. После смерти В. И. Ленина оставалась на должности секретаря СНК и СТО до 1930 года. В 1934 году окончила плановую академию, работала в Главэнерго, во Всесоюзном теплотехническом институте, затем, с 1938 года, в Центральном музее В. И. Ленина. В годы Великой Отечественной войны Лидия Александровна — в ЦК Международной организации помощи борцам революции. Работа Л. А. Фотиевой была отмечена высокими правительственными наградами, а в 1971 году, в день 90-летия, она была удостоена звания Героя Социалистического Труда. Умерла она в 1975 году в Москве, оставив нам документально выверенные воспоминания о В. И. Ленине, многочисленные ссылки на которые имеются даже в таком фундаментальном труде, как «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», изданном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Несколько лет собирала я по крупницам материалы о пермском периоде деятельности Л. А. Фотиевой. Сама она писала о себе очень мало и скупно. Две-три статьи в центральной и местной прессе — вот и весь печатный материал, который мне удалось найти, не считая краткой справки в «Исторической энциклопедии». Но работа в местных партийном и государственном архивах и в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства принесла свои плоды. В процессе работы над очерком я прониклась глубоким уважением и симпатией к моей героине, одним из важных достоинств которой показалась щепетильная порядочность.

Но тут, как гром среди ясного неба, появился репортаж В. П. Наумова в «Правде», о котором говорилось выше. Автор ссылаясь на источники, приглашая читателей ознакомиться с ними, и я решила последовать его совету.

«В литературе господствовало убеждение, — говорит В. П. Наумов, — что только в мае 1924 года, когда Крупская передала комиссии ЦК бумаги Ленина, только тогда стало известно содержание ленинских записей, в том числе и записей, сделанных в конце декабря. Однако документы свидетельствуют о другом (здесь и далее разрядка моя. — Н. А.). О всех записях Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро до 29 декабря. В объяснении, написанном 29 декабря на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, что будто бы Володичева не предупредила ее о строжайшем указании точно выполнить волю Ленина. Но достаточно обратиться к записям в дневнике дежурных секретарей Ленина, чтобы поставить под сомнение эти объяснения Фотиевой. Следовательно, члены Политбюро и часть членов ЦК (теперь уже и часть членов ЦК! — Н. А.) были осведомлены о тех строго секретных характеристиках, данных Лениным некоторым деятелям партии. Трудно себе представить, что они никак не реагировали на эти оценки».

Вот такое построение. Просто сенсация: довольно широкий круг лиц знал ленинские характеристики за полтора года до XIII съезда партии. А почему — «следовательно»? Из чего это «следует»? Из сомнений автора в правдивости объяснений Фотиевой? Но этого слишком мало, чтобы делать такие далеко идущие выводы.

Как объяснить, что в литературе, которая во времени была ближе к интересующим нас событиям, чем публикация В. П. Наумова, господствовало убеждение о сохранении секретности ленинских записей вплоть до XIII съезда? Как могла не знать об этом факте Н. К. Крупская? Ведь то, что является достоянием немногих, весьма скоро становится достоянием определенного круга хотя бы в виде слухов. А если слухи об этом были, неизбежно возникновение вопроса уже на XII съезде партии. Уж кто-кто, а Троцкий не преминул бы поднять скандал вокруг этого дела и хорошо «обыграл» бы его в своих позднейших мемуарах! Воспоминания об этом неизбежно появились бы и после 1956 года, когда еще были живы уцелевшие от репрессий старые большевики. Наконец, даже если исходить из того,

что Сталин знал содержание ленинских характеристик, в его ли манере было делиться с кем бы то ни было такими сведениями? Без ответа на эти вопросы утверждение доктора исторических наук В. П. Наумова представляется весьма и весьма спорным.

Какие же документы «свидетельствуют о другом»? В. П. Наумов называет два документа: «Объяснение» Фотиевой на имя Каменева от 20 декабря 1922 года и «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина».

Текст «Объяснения» Фотиевой в репортаже не приводится, поэтому мы лишены возможности судить о том, в связи с чем оно было написано, и проанализировать его содержание. На запрос партийного архива Пермского обкома КПСС Центральный партийный архив ответил вежливым отказом, мотивируя его тем, что «Объяснение» Л. А. Фотиевой будет включено в состав готовящегося ИМЛ сборника документов «Вместе и наравне...» Моя поездка в Москву с целью ознакомиться с документом непосредственно в ЦПА тоже не дала желанного результата: документ мне так и не показали. Приходится довольствоваться той краткой информацией об этом документе, которую дает В. П. Наумов.

Остается один-единственный документ — «Дневник дежурных секретарей», на который В. П. Наумов ссылается как на подтверждающий его сомнения в искренности Л. А. Фотиевой. Запись же в «Дневнике дежурных секретарей» (он опубликован в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, т. 45), на которую ссылается В. П. Наумов и которая цитируется в репортаже, как раз и не позволяет ставить под сомнение «Объяснение» Фотиевой. Вот она, 24 декабря 1922 года М. А. Володичева записывает в «Дневнике»:

«Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным». Речь, как видим, идет о секретности ленинских диктовок только в эти два дня. С 25 по 28 декабря (включительно) записи в дневнике вообще не делались¹. Очень вероятным представляется предположение ленинградского историка В. И. Старцева, высказанное на страницах журнала «История СССР», о том, что и запись за 24 декабря была сделана позднее, уже после объяснения Л. А. Фоти-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 474.

ево́й с Каменевым², иначе трудно объяснить такие уточнения в тексте, как «...вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря)». Если запись делается день в день, такое уточнение просто никому не придет в голову.

Значит, Фотиева действительно не знала о ленинском запрете или знала о запрете только на указанные два дня. Как, между прочим, не могла она знать и дословного текста характеристик членов ЦК, продиктованных Володичевой 24 и 25 декабря. Об этом косвенно говорит в репортаже и сам В. П. Наумов, приводя свидетельство М. А. Володичевой: «Черновики копий мною сжигались, на запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились по его желанию копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может только Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна...» Об этом же говорится и в примечаниях к 45 тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина³.

Еще раз обратимся к хронике ленинских диктовок конца декабря 1922 года.

«Письмо к съезду» диктовалось В. И. Лениным в течение нескольких дней: 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 декабря 1922 года и 4 января 1923 года⁴. Первые три дня стенографировала Володичева. 24 и 25 декабря В. И. Ленин диктует Володичевой вторую часть «Письма к съезду», в которой даются характеристики некоторым членам ЦК. 26 декабря Фотиева стенографирует третью часть «Письма», в которой обосновывается необходимость численного увеличения членов ЦК. Характеристик здесь нет. С 27 по 29 декабря Владимир Ильич диктует письмо «О придании законодательных функций Госплану». 27 и 29 декабря стенографирует Володичева, 28-го — Фотиева⁵. В той части, которую записывала Фотиева, Ленин говорит о качествах, необходимых руководителям учреждений, касается личности Пятакова. Характеристика Сталина стенографировалась Фотиевой 4 января 1923 года.

Как известно, после окончания диктовок записи сразу же расшифровывались, перепечатывались, правились

² Старцев В. И. Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 гг. // История СССР. — 1988. — № 5. — С. 111.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 592—593.

⁴ Там же. — С. 343—362.

⁵ Там же. — С. 349—353.

В. И. Лениным, затем конвертировались, опечатывались сургучной печатью. Черновики сжигались⁶.

Что же и как могла знать Л. А. Фотиева при такой постановке дела о содержании записей, сделанных Володичевой, кроме того, что было зафиксировано в «Дневнике дежурных секретарей»? Даже если Володичева, в нарушение секретности, передала их содержание Фотиевой, она могла это сделать только в общих чертах, как только в общих чертах могла Фотиева сообщить Политбюро и о собственноручных записях.

В таком случае не находит подтверждения как версия о том, что Фотиева сообщила членам Политбюро содержание характеристик, так и версия о том, что часть членов Политбюро и ЦК знала эти характеристики задолго до XIII съезда партии и реагировала на них.

Сталин, на которого Пленум ЦК РКП(б) 18 декабря 1922 года возложил персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для В. И. Ленина врачами, мог требовать от Фотиевой от имени Политбюро, в порядке партийной дисциплины, информировать его. Но это вовсе не значит, что при этом нарушалась секретность ленинских диктовок.

Возможно, о характере ее информации можно узнать из текста «Объяснения», данного Каменеву. Но, как уже говорилось, «Объяснение» в репортаже не публикуется.

Инцидент с Фотиевой был исчерпан сразу же по представлении ею «Объяснения» и никак не отразился ни на ее служебном положении, ни на отношении к ней товарищей по партии и членов семьи В. И. Ленина. По всей вероятности, инцидент считался незначительным. Документы, которые цитируются доктором исторических наук В. П. Наумовым в документальном репортаже «Ленинское завещание», не дают оснований для обвинения Л. А. Фотиевой в разглашении содержания ленинского «Письма к съезду».

Между тем утверждение В. П. Наумова, подкрепленное авторитетом публикации его в «Правде», начинает странствовать в качестве непреложной истины по страницам новых изданий, касающихся последних ленинских работ. Первой ласточкой здесь явилась работа Е. Г. Плимака «Политическое завещание В. И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение» (М.: Политиздат, 1988. — С. 10). Ленинград-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 592—593.

ский историк В. И. Старцев в уже упоминавшейся статье, опубликованной в журнале «История СССР», принимает утверждение В. П. Наумова как аксиому и идет еще дальше в своих построениях, откровенно говоря, что основой для них являются не документы, а именно данные наумовского репортажа. Правда, в примечании он допускает незнание Фотиевой ленинского запрета в связи с несвоевременным заполнением «Дневника дежурных секретарей». Д. А. Волкогонов в своем исследовании «Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина» тоже берет за данность это утверждение (Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 85). Рой Медведев в исторических очерках «О Сталине и сталинизме» (Знамя. — 1989. — № 1. — С. 176) использует данные наумовского репортажа. Пошла цепная реакция использования в серьезных работах слабо аргументированных выводов В. П. Наумова о нарушении Фотиевой ленинских диктовок.

Еще более важным и принципиальным является необоснованность утверждения, что за полтора года до XIII съезда партии Политбюро и некоторым членам ЦК стало известно содержание ленинских характеристик. Слишком серьезен вопрос, чтобы делать такие далеко идущие выводы и выходить с ними на широкую аудиторию, не подкрепляя их документально.

Теперь известна драма последнего периода жизни В. И. Ленина, действующими лицами которой были куда более видные деятели партии, чем Л. А. Фотиева. Драма последних публикаций его работ в «Правде», когда они сопровождалась «разъяснительными» письмами на места. Драма его искусственной изоляции и обидно-снисходительного отношения к его работе со стороны многих соратников. Ликвидируя белые пятна нашей истории, нужно стараться не повторять ошибок и тщательно выверять каждый факт прежде, чем делать его достоянием широкой общественности, тем более, когда это касается переоценки человеческих судеб.

Я не берусь полностью оправдывать Л. А. Фотиеву: какую-то ошибку она, очевидно, допустила, если потребовалось писать объяснение Каменеву. Речь идет о высокой ответственности историка за категоричность своих выводов. И чем выше его положение в науке, чем авторитетнее организация, которую он представляет, чем выше трибуна, с которой он выступает, тем более взвешенными, документально аргументированными должны быть его выводы и

построения. Гипотеза, предположение, догадка — еще не Истина. А когда они выдаются за Истину, это приводит к серии новых ошибок, искажающих нашу многострадальную историю.

Открыть что-то новое, изменяющее наше представление об историческом эпизоде, конечно, очень заманчиво. Но прежде, чем выходить на многомиллионную аудиторию с жесткими категоричными выводами, нужно быть уверенным в их документальном подтверждении, особенно, если это касается событий, связанных с именем В. И. Ленина.

Анализ эпизода с Фотиевой в репортаже В. П. Наумова был мною проведен еще в апреле 1988 года и сразу же отправлен в адрес Института марксизма-ленинизма. Прошел большой срок. Ответа нет. Как здесь не увериться в собственной правоте!

В марте 1989 года я беседовала с заведующим документами В. И. Ленина Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС кандидатом исторических наук В. Н. Степановым. Он мне сказал, что прямых документов, подтверждающих виновность Л. А. Фотиевой или М. А. Володичевой в разглашении «Письма к съезду», на данном этапе времени в архиве обнаружить не удалось.

Е. Ф. Акулов

С Лениным в сердце

4 апреля 1917 года В. И. Ленин выступил в Таврическом дворце, где тогда помещался Петроградский Совет, с докладом «О задачах пролетариата в данной революции», вошедшим в историю как «Апрельские тезисы». Тогда смелость и новизна высказанных Лениным идей вызвали и непонимание, и недоверие, и откровенное неприятие среди оппортунистов и врагов русской революции. Корреспондент «Биржевых ведомостей», сообщая о выступлении Ленина на объединенном собрании большевиков и меньшевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, писал: «Особый и жгучий интерес к заседанию 4 апреля придал словесный поединок между только что прибывшим на русскую почву Лениным и Церетели. Это была борьба двух мировоззре-

ний, двух тактик, двух пониманий задач революции и пролетариата...»

Ведущие буржуазные и мелкобуржуазные газеты поместили отчеты об этом выступлении Ленина. Кадетская «Речь», указывая на его «крупное политическое значение», писала: «Н. Ленин, последовательно и не останавливаясь ни перед какими выводами, довел до конца все идеи большевизма и показал, какова должна быть практическая политика, на этих идеях основанная». Газета подчеркивала, что этим идеям «социалистические партии... должны дать отпор».

Не сразу и не всеми были восприняты и осознаны идеи тезисов и в среде большевиков. Новая ситуация потребовала от партии их осмысления на прочном фундаменте теории, реалистической оценки действительности.

Обсуждение «Апрельских тезисов» проходило в Центральном и Петербургском комитетах РСДРП(б), в столичных и местных организациях партии, на страницах партийной печати. Их читали и перечитывали, обсуждали и дискутировали. Непосредственный участник тех событий, член КПСС с 1914 года А. А. Андреев писал: «Поздоровавшись с присутствующими, Ленин сразу приступил к изложению своих взглядов на современное положение и задачи партии. Говорил он очень просто и свободно, без всяких записей, как бы беседуя. Видно было, что он заранее основательно продумал все высказываемые им положения... Излагая задачи большевиков, Ленин убедительно обосновывал их ходом событий, теоретическими доводами марксизма, приводя также в доказательство правоты высказанных им положений и свои свежие беседы с рабочими и крестьянами по пути в Петроград. Ленин гениально, с необыкновенной убедительностью, которая чувствовалась в каждом его слове и жесте, впервые сформулировал практическую программу перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции, которой суждено было победить через несколько месяцев. Этим, собственно, была сформулирована и новая программа партии».

...В августе 1968 года краеведческие дороги завели меня в город Спас-Деменск Калужской области, где проводились торжества по случаю открытия памятника воинам-освободителям этой многострадальной земли от фашистских оккупантов. Со всех концов Родины съехались в Спас-Деменск бывшие фронтовики. После деловой части, возложения венков и поездок по местам боевых действий вете-

раны долго и тепло беседовали с местными жителями и между собой, вспоминали минувшее. Особое впечатление на присутствующих произвели рассказы седоусого полковника, бывшего ополченца Бориса Николаевича Попова. Среди собравшихся он представлял тех, кто в августе 1941 года отстаивал западные рубежи к Спас-Деменску, последним покидал город под натиском стальной армады Гудериана.

Я был приятно поражен, узнав, что Борис Николаевич родом из Мотовилихи, а еще больше тем, что он запечатлен вместе с Владимиром Ильичем Лениным в момент его выступления 4 апреля 1917 года в Таврическом дворце в Петрограде. История этого снимка довольно интересна: поступил он в Центральный музей Революции из личного архива ленинградского фотографа П. И. Волкова, впервые был опубликован в «Известиях» в 1960 году и в этом же году вошел в «Биографию» В. И. Ленина.

Над вопросом, кто же сфотографирован рядом с Владимиром Ильичем, сотрудникам Института марксизма-ленинизма пришлось немало потрудиться. Поиски привели их на квартиру к полковнику в отставке Борису Николаевичу Попову.

— Узнаете? — показали ему снимок.

— Конечно, — ответил полковник запаса, — хорошо помню встречу с Ильичем. Рядом с Лениным Феликс Эдмундович Дзержинский, следующий на снимке — я, справа от меня — делегат Юго-Западного фронта, впоследствии легендарный комдив Николай Александрович Щорс. Помню и еще троих товарищей, сидящих передо мной: член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, бывший артиллерист Петроградского гарнизона Павел Сергеевич Успенский. Рядом с ним, в фуражке, Блохин, бывший писарь штаба 1-й гренадерской дивизии 3-го гренадерского корпуса Западного фронта, а слева от него — солдат с журналом в руке, бывший питерский рабочий Васильев.

О выступлении Владимира Ильича 4 апреля 1917 года писалось и рассказывалось немало. Но почти всегда память непосредственного участника подсказывала какие-то новые детали. Вот и сейчас Борис Николаевич, глядя на снимок, вспомнил:

— Когда Владимир Ильич взошел на трибуну, грянула буря аплодисментов, в воздух полетели фуражки, беско-

зырки, кепки. А чуть позже раздались возгласы: «Убрать орлов!», «Долой орлов!».

Оказалось, на лицевой стороне трибуны остался двуглавый орел — символ самодержавия. Под одобрительный гул делегатов герб был заклеен бумажным листом. Зал затих. Ленин продолжил выступление.

Слова Ленина ложились весомо и убедительно. Фразы короткие, но емкие, как удар. Каждая несет в себе предельную смысловую нагрузку. По рядам присутствующих со всех сторон зала стекались записки с вопросами. Окончив выступление, Ильич тепло улыбнулся, поднял над головой большую папку записок. Извиняющимся тоном сказал: «Товарищи! Я выступал перед вами в течение одного часа, ответить же на все ваши вопросы мне потребуется дополнительно минимум пять часов. Ответу через нашу «Правду».

На всю жизнь запомнил этот день младший унтер-офицер 8-го полка 1-й гренадерской дивизии: смелую, ясную речь вождя о том, что волновало однополчан Бориса Попова, его отца — токаря Мотовилихинского завода Николая Ивановича Попова, его деда — кузнеца Ивана Ефимовича. Он слушал Ленина, а мысли снова и снова уносили его в старый уральский завод на берегу Камы, в детство.

Годы детства. Как весенние ручьи, сбегали они с крутых мотовилихинских косогоров, навсегда оставив в памяти впервые ворвавшиеся в жизнь маленького Бори здесь, на речке Мотовилихе, запахи земли и хлеба, металла и рабочего пота, чувство любви и сострадания к обездоленным. Здесь навсегда вошла в его жизнь простая и сердечная учительница Вера Ильинична Загуменная, пришла и распахнула настежь окно в мир знаний, принесла с собой свет великих просветителей человечества Альфреда Брема и Чарльза Дарвина, здесь он впервые узнал о большевиках и раскрыл книги Карла Маркса и В. И. Ленина.

1915 год. Томск. Попытка сдать вступительные экзамены в университет. Студент-вольнослушатель. Член РСДРП. Явка в Москву, в Минск... Встреча с Арсением (Блюхером). Солдатчина. Полковая школа. Западный фронт. Бои под Барановичами, окопная жизнь, поражения, проклятья умирающих от ран...

Таковы контурные вехи биографии, таковы повороты судьбы обыкновенного рабочего парня из Мотовилихи Бориса Попова на грани двух эпох.

Какие же дороги привели тебя, Борис Попов, в этот

зал, где министры да капиталисты определяли судьбу русского народа?

...В ночь на 3 апреля Попова разбудил посыльный артиллерист и велел срочно прибыть в штаб большевиков, который размещался в Таврическом дворце. В штабе Бориса Попова встретил председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский. Он был похож на человека-машину: одновременно нескольким товарищам давал четкие распоряжения, отвечал по телефону, кому-то что-то доказывая тоном, не терпящим возражений, или отчитывая за нерасторопность, что-то записывал. Увидев Попова, приказал ему с ребятами следовать на Финляндский вокзал. Там к курсантам присоединились рабочие-дружинники с телефонного завода «Эриксон».

К моменту прибытия поезда, на котором Владимир Ильич возвращался на родину, народ запрудил все улицы, прилегающие к привокзальной площади. Среди встречающих — рабочие Путиловского, Балтийского, Невского и других заводов столицы, фабрики «Скороход». Над живым людским морем — разлив красных полотнищ, транспарантов. На некоторых начертаны слова: «К нам едет Ленин!», «Привет Ленину!». У главного входа — броневики. Их привели сюда революционные солдаты бронедивизиона. Весь рабочий, революционный Петроград встречал своего вождя.

...Возгласы приветствий еще не смолкли, а оркестр грянул «Марсельезу». Опять — «Ура!», «Наш Ильич приехал!». Когда перрон опустел, Попов позвонил в комендатуру Финляндского вокзала, чтобы узнать, какие будут дальнейшие указания его группе, и услышал в ответ, что караул можно снять, курсантов отправить на отдых. Но до отдыха ли тут!

Попов видел коренастую фигуру Ильича в темном демисезонном пальто на броневике, заменяющем трибуну, в скрещенных лучах прожекторов. Он досадовал на себя — слышал лишь отдельные отрывки фраз из произносимой Лениным речи, которая сводилась к следующему: никакого доверия Временному правительству, никакого компромисса с теми, кто пытается свести революцию к сладким речам и посулам. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу пужна земля и свобода. Это были слова самые простые по форме и самые мудрые по содержанию, понятные каждому.

Несколько раз Ленин выступал с движущегося броневика.

вика, с балкона дворца, на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, на объединенном собрании большевиков и меньшевиков (по просьбе меньшевиков). На собрании большевиков присутствовали курсанты Попов и Успенский. Они пришли во дворец ночью, чтобы еще раз услышать Ленина.

Интересно сложилась судьба тех, кто был запечатлен на фотографии вместе с Ильичем на этом собрании. Судьбы Феликса Эдмундовича Дзержинского и Николая Александровича Щорса известны всей стране.

Павел Сергеевич Успенский участвовал в боевых операциях на Украине, был красным комиссаром в годы гражданской войны. Позднее работал в кинопромышленности.

Блохин, по поручению Владимира Ильича, подписал Брестский мирный договор.

Василий Васильев работал на шахтах в Кизеле, батрачил в Сибири, участвовал в февральской революции, штурмовал Зимний. В годы Великой Отечественной войны командовал 138-й стрелковой дивизией. Ушел в запас в 1960 году в звании генерал-лейтенанта.

Вся жизнь Бориса Николаевича Попова была тесно связана со службой в рядах Советской Армии. Шестнадцать боевых наград украсили его грудь, среди них — четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, два Георгиевских креста, медали. Награды эти — свидетели солдатской славы, высокой доблести и героизма, безупречного служения народу, партии, в ряды которой Борис Николаевич вступил в 1919 году.

Много трудных военных дорог прошел мотовилихинец Попов, отстаивая завоевания революции: сражался на Оренбургском фронте против атамана Дутова, Колчака, белочехов, участвовал в 1500-километровом рейде южно-уральских партизан в тылу Колчака под командованием Василия Константиновича Блюхера и братьев Кашириных, командовал 5-м туркестанским стрелковым сводным мусульманским кавалерийским полком против «верховного главнокомандующего всеми войсками ислама» Энвер-паши.

Начиная с 1923 года Попов работал уполномоченным особого отдела 3-й дивизии кавалерийского корпуса бухарского формирования, получал назначения в Душамбинский, Янгибазарский и Файзабадский районы, в зону действий многочисленных басмаческих отрядов и мелкой

курбаши, был начальником особого отдела 13-го стрелкового корпуса.

В 1924 году в составе делегации Туркестанского фронта ездил на похороны В. И. Ленина в Москву.

Боевой путь Б. Н. Попова пролегал через все войны, выпавшие на долю советского народа. Ленин определил его судьбу 4 апреля 1917 года там, в Таврическом дворце Петрограда.

Честно и просто живет на земле большевик Борис Попов. Работает, учит мужеству, отваге, трудолюбию молодых людей. «Ни на какую другую не променял бы я свою судьбу, — говорит он. — Без малого шестьдесят лет я ношу высокое звание коммуниста. И за это время не совершил ни единого проступка, который наложил бы хоть маленькое пятнышко на мою партию, на меня, ее члена, где бы я ни работал, как бы ни жил».

А. И. Овсянников

Лениниана на пермских медалях

Медали, как и памятники, увековечивают героическое прошлое и настоящее, выдающиеся события и факты отечественной истории.

Впервые В. И. Ленин изображен вместе с Карлом Марксом на лицевой стороне медали, посвященной второй годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Медаль исполнена старейшим гравером Петроградского монетного двора Д. Степановым.

В связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина образ вождя был запечатлен на трех пермских медалях. На одной из них портрет В. И. Ленина, профиль вправо. По окружности надпись: «В. И. Ленин — вождь мирового пролетариата». На другой медали погрудное изображение В. И. Ленина. Надпись аналогична предыдущей. Обратные стороны медалей одинаковы. На них даты: 1870—1970. Медали изготовлены из никеля.

На медали, изготовленной из фторопласта, на лицевой стороне погрудное изображение В. И. Ленина, профиль влево. На оборотной стороне надпись: «Уральские химики — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. 1970».

Еще одна медаль, связанная с днем рождения В. И. Ле-

нина, была изготовлена в 1980 году на пермском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина и вручалась победителям социалистического соревнования в честь 110-летия со дня рождения В. И. Ленина. Медаль воскрешает не только образ вождя, но и его идеи и предназначения.

В 1967, 1977, 1987 годах предприятиями Перми выпускались памятные и юбилейные медали, которые вручались участникам проводимых торжеств, посвященных 50-, 60- и 70-летию Великого Октября. На двух медалях, выпущенных к 60-летию Октября, выполнены портреты В. И. Ленина: на одной портрет вправо, на другой влево. Обратные стороны медалей одинаковы. В центре памятник Борцам революции 1905 года на горе Вышке. Над ним надпись: «60 лет Великого Октября».

Одинаковый портрет В. И. Ленина встречается на двух пермских медалях, посвященных различным юбилейным датам: первая — 60-летию образования Советского Союза. На оборотной стороне надпись: «СССР» и даты: 1922—1982. Вторая — 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На оборотной стороне медали орден Октябрьской Революции с орденской лентой и даты: 1917—1987.

В 1983 году коллективом пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина была выпущена медаль «80 лет II съезду РСДРП». На оборотной стороне медали изображен основатель партии большевиков Владимир Ильич Ленин.

В 1973 году отмечалось 250-летие города Перми. К юбилейной дате было изготовлено несколько медалей. На одной мы видим памятник В. И. Ленину, установленный в Комсомольском сквере напротив Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского.

На многих медалях Перми изображен орден Ленина — высшая награда СССР, учрежденная 6 апреля 1930 года. Впервые он встречается на памятной медали в честь награждения города Перми в 1971 году орденом Ленина.

Два ордена Ленина расположены на лицевой стороне юбилейной медали «50 лет пермскому производственному объединению «Моторостроитель» имени Я. М. Свердлова». На оборотной стороне даты: 1934—1984. Коллектив этого предприятия первым на Западном Урале 28 декабря 1936 года был награжден орденом Ленина за освоение высококачественного авиационного мотора.

Орден Ленина изображен на медалях «120» и «125 лет

производственному объединению «Машзавод имени Ф. Э. Дзержинского», выпущенных соответственно в 1979 и 1984 годах. Орденом Ленина предприятие было награждено 24 ноября 1942 года за образцовое выполнение заданий.

Изображение ордена Ленина присутствует и на двух памятных медалях, посвященных XXVI съезду КПСС. На одной из них надпись: «XXVI съезд КПСС, февраль 1981. Москва». На другой медали: «Делегату XXVI съезда КПСС от Пермской областной партийной организации». Лицевые стороны памятных медалей одинаковы: вверху справа над силуэтами зданий, которые знакомы не только пермякам, но и многочисленным гостям города, расположен орден Ленина.

В дальнейшем композиция из зданий и сооружений, нашедших художественное воплощение на лицевой стороне этих медалей, неоднократно повторяется и на других, благодаря чему легко определить принадлежность той или иной медали к нашему городу.

Не все юбилейные и памятные медали выполнены на высоком художественном уровне, но, несмотря на это, они представляют собой историческую ценность, т. к. посвящены событиям и фактам, которые связаны с именем Владимира Ильича Ленина.

85 ЛЕТ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. Г. Светлаков, М. Г. Суслов

Шаги первой революции

Утверждение капитализма как общественного строя имеет длинную историю. К началу XX века он стал глобальным явлением, охватил своими щупальцами все мировое сообщество. Вне сферы его интересов и влияния не оказалось ни одного континента, ни одной страны. Капитализм породил и новую общественную силу — пролетариат, который К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали как его могильщика.

Развитие России шло не в стороне от столбовой дороги цивилизации. После реформы 1861 года страна стала бурно развиваться на пути капитализма. Количество фабрик

и заводов с 1866 по 1890 год увеличилось с 2,5—3 до 6 тыс. Выплавка чугуна за 35 лет после реформы возросла с 20 до 87 млн. пудов, производство железа и стали — с 12 до 62 млн. пудов. Железнодорожная сеть составила 29 тыс. километров вместо 4 тыс.

Российский пролетариат в начале XX столетия насчитывал почти 10 млн. человек, из них не менее 3 млн. человек, занятых в фабрично-заводской промышленности, и около 7 млн., работавших в сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве и лесном деле. Во многих отраслях промышленности, особенно в металлургической и металлообработке, сложились потомственные рабочие династии. Свыше 55% российского пролетариата полностью порвали связь с деревней.

Развитие капитализма в России имело своеобразие: в отличие от стран Европы или Америки, он уживался, соседствовал с многочисленными крепостническими пережитками и самодержавной властью царя. Безусловно, это не могло не сказаться на формах проявления капитализма и политической борьбе трудящихся масс.

Начавшийся в 1900 году общероссийский экономический кризис парализовал прежде всего тяжелую промышленность и транспорт, ухудшил положение трудящихся. Это рельефно проявилось на примере горнозаводского Урала. Так, выплавка чугуна на заводах Пермской губернии сократилась в 1903 году до 80,2% по сравнению с 1900 годом. В 1903 году на Урале насчитывалось более 43 тыс. полностью безработных, не считая частично безработных, вынужденных пользоваться так называемыми гулевыми днями¹. В целом по стране резервная армия труда достигла 23 млн. человек.

Начало XX века на Урале, как и по всей стране, было ознаменовано серией значительных выступлений пролетариата, в том числе на Мотовилихинском (1901 и 1903), Добрянском (1901), Кусье-Александровском (1904) заводах. В борьбу против самодержавия втягивалось и крестьянство. В 1901—1904 годах 42 губернии, или 84% европейской части России, были охвачены крестьянским движением. Всего за 1900—1904 годы произошло 670 крестьянских выступлений. За этот период 7 из 12 уездов Пермской губернии были также охвачены крестьянскими волнениями.

¹ Революция 1905—1907 гг. в Прикамье: Документы и материалы. — Молотов. 1957. — С. 7.

В условиях нарастания массового рабочего движения, широкого распространения марксизма на Урале возникли первые социал-демократические организации, которые в результате внутривластной борьбы прочно встали на ленинские позиции.

Расстрел 9 (22) января 1905 года мирной демонстрации трудящихся послужил сигналом для взрыва народного негодования, всеобщего протеста действиям царизма, призывом к решительной схватке с ним. «Кровавое воскресенье» оставило глубокий след в памяти народа. После событий 9 января «дремлющая Россия, — по словам В. И. Ленина, — превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа». Историческое значение этого события состоит «в пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе».

Революционные события 1905—1907 годов на Урале — это яркие, незабываемые страницы истории первой общероссийской революции в стране, хотя необходимо признать, что осознание сопричастности к трагическим последствиям «кровавого воскресенья» овладевало рабочими массами Урала постепенно. Это объяснялось, как отмечалось в газете «Пролетарий», не только сравнительно слабым развитием классового самосознания уральских рабочих, но также и тем, что «протест в форме забастовки в условиях большого избытка рабочих рук и затруднений в сбыте продукции был нецелесообразен для рабочих и иногда даже желателен для некоторых горнозаводчиков — как повод для закрытия заводов».

В летний период 1905 года следуют одна за другой крупные забастовки рабочих во всех экономических центрах обширного Пермского края, ставшие школой сплочения и политического воспитания. Манифест 17 октября, вырванный силой у самодержавия, способствовал новому взрыву и подъему политической борьбы.

Логическим завершением классовой борьбы с самодержавием на этом этапе явилось вооруженное выступление пролетариата против своих угнетателей. Декабрьские вооруженные восстания, прокатившиеся по всей стране, можно по праву назвать девятым валом первой общероссийской революции.

Об этой теме написано и сказано уже немало, но еще больше публикаций ждет нас впереди: эта тема неисчерпаема. Каждый новый факт, штрих о событиях революции

1905—1907 годов в России обогащает наши представления о ней, дает возможность глубже понять, лучше увидеть, точнее оценить события минувшего. Небольшая подборка воспоминаний участников революции 1905—1907 годов в Прикамье, естественно, отражает только отдельные моменты революционной борьбы, но и они дают представление о накале классовых битв, решимости рабочих постоять за освобождение человечества от гнета капитала. Эти материалы публикуются впервые.

БАШКОВ И. И.¹

**«МЫ, МОЛОДЕЖЬ, УЧАСТВОВАЛИ
В ЗАБАСТОВОЧНОМ ДВИЖЕНИИ КАК БОЕВАЯ ЕДИНИЦА»**

20 августа 1933 года

...В 1905 году, после того как стало известно о расстреле рабочих 9 января (в Петербурге)... решено было вывить мнение рабочих. Получил и я задание; обойти часть рабочих, рассказать значение расстрела. Никто не возражал против протеста. «Если потребуется, все поднимемся», — говорили рабочие...

В заводе все время митинговали, и однажды в сентябре месяце было решено вывозить неугодную администрацию из завода на тачках. Помню, как рабочие Лбов и другие организовали это дело: придя на работу, начали ловить Крапивина, инженера Сеппайна и других. На Сеппайна надели лапти, мешок на голову и на тачке выбросили за проходную. Мы, молодежь, в этом деле принимали участие самое активное. Лякишев Кузьма и еще кто-то и я принесли грязи и облипли Сеппайна, после чего был объявлен горным начальником Стрельманом локаут и завод встал, рабочие гуляли до манифеста 17 октября 1905 года.

В эти октябрьские дни мы, молодежь, — помню, как сейчас, Шавдукова Ивана, Сашу Трофимова, Костю Микова, Ратаева и других, — ходили в Пермь для охраны на случай погромов черносотенных, и в одну из демонстраций числа 19—20 октября произошла стычка с черной сотней на улицах Перми. Сначала черносотенцы натравили против нас извозчиков и другую мразь, но те побоялись нас. Схватка была уже с общей массой черносотенцев. После октябрьских дней занялись изготовлением холодного и огнестрельного оружия. Ковали лики, шашки, сабли, кинжалы, трости, носили 3-дюймовые шрапнели, отливали бомбы («картошки», как мы их называли).

Шрапнели начинали у Пети Ратаева. Таким образом готовились к вооруженному восстанию. Начальником боевой дружины всех десятков был Борчанинов... Молодежь и тут в первых рядах. Помню, из молодежи принимали участие те же лица, о которых уже упоминалось выше, кроме того, Новожилов Вася, Зенков Иван, Буторин, Безсонов, Постаногов А. Г. и много других отбирали от полиции оружие.

¹ Башков Иван Иванович (1887—1959) — активный участник революционных событий 1905 года в Мотовилихе, член партии с 1905 года, ответственный секретарь Мотовилихинского райкома партии (1921—1922).

12—13 декабря 1905 года дрались с казаками, предварительно расположившись небольшими группами 5—10 человек, засели в разных домах на Большой улице и прилегающих к ней. Были построены специально на Висиме баррикады. В постройке их особо активен был Саша Трофимов. Я же столкнулся с казаками на Камской улице. Я и Ястребов вышли на улицу. У меня в руках была бомба (шрапнель), а у Ястребова — берданка. Казаки, заметив нас, бросились на нас, мы стали отстреливаться, а в это время по казакам дали залп из засады дома Морозных. Словом, была борьба не на жизнь, а на смерть, превосходству сил и вооружению пришлось уступить.

Вооруженное восстание было подавлено, часть нашей молодежи была убита и ранена. Убиты Вася Копылов, Вася Бабин, Сабакинский и ряд других, ранены Петя Ратаев, Ваганов и другие.

Подавление вооруженного восстания не испортило боевого настроения молодежи. Она продолжала бороться и в последующие годы. В 1906—1907 годах мы ушли в подполье, многие погибли, отошли от партии. Наиболее революционная молодежь была всегда впереди и в последующие годы.

СКОРНЯКОВ С. И.²

«ПЕРВАЯ ПУЛЯ БУДЕТ ГУБЕРНАТОРУ»

29 августа 1959 года

По случаю манифеста 17 октября собрались железнодорожники... и после зачтения «Манифеста» были выступления с предупреждениями, что не надо этому «Манифесту» верить, появился красный флаг и с пением «Отречемся от старого мира» двинулись от депо и станции вверх по Обвинской улице. Ряды быстро росли. Далее повернули в сторону театра (вправо). На террасе театра артисты и служащие приветствовали демонстрантов.

Но совершенно неожиданно из-за Театрального сада по Сибирскому проспекту появилась вооруженная конница ингушей под командой русского офицера, который с испуганием кричал: «Разойдись!», в ответ ему сыпались крики: «Да здравствует свобода!» Но его ничто не трогало, и он продолжал орать свое. Но вот из театра без шапки и пальто бежал молодой человек, очевидно из артистов, и, держа над головой газету, махал ею и кричал: «Манифест...» А офицер уже командовал своей своре броситься на народ с нагайками... Началось гиканье... крики... стоны... свист...

Появилось какое-то высшее начальство, которое и прекратило погоню... Всадники были отправлены восвояси, но народ требовал виновных в нарушении законов о свободе наказать. Было обещано... Крики: «Идем к губернатору!» Демонстрантов стало еще больше, и с пением революционных песен направились вверх по Сибирскому проспекту.

Во время полицейского избиения много было раненых. Конные слезали с коней и забегали в Театральный сад и наносили побои укрывшимся демонстрантам.

Демонстрация дошла до дома губернатора и потребовала, чтобы губернатор Наумов вышел на крыльцо и объявил «Манифест». Улица

² Скорняков С. И. — член партии с 1918 года, почетный железнодорожник.

вся была заполнена. Ребята были на крышах, на высоких тополях. ...Кто-то с тополей закричал, что появилась конница и скачет сюда, а из народа крики, что если конные опять будут бить нас, то «первая пуля будет губернатору». Наумова насильно свели на середину улицы в самую гущу людей, а Наумов кричал в сторону крыльца, чтобы конницу не допускали...

Когда кончилось прочтение «Манифеста», губернатора взяли под руки и повели к тюрьме, где были политические заключенные. Когда подходили к тюрьме, то часовые брали ружья наперевес, и опять распоряжением губернатора охрана пропустила часть демонстрантов, которые освободили политических — выносили на руках... и отправляли с извозчиками отдыхать. Раздавались крики приветствия: «Ура! Свобода!»

ЗЕНКОВ И. В.³

«МОТОВИЛИХА... КИПЕЛА ЗАБАСТОВКАМИ»

Вести расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 года прокатились бурным протестом негодования мотовилихинских рабочих на зверскую расправу царских палачей...

В эти дни сознательная часть рабочих, благодаря кружковой работе Мотовилихинского комитета, примыкает к организации, оказывая всячески помощь в работе: проводятся сходки, массовки по цехам и в лесу и на квартирах рабочих. Настроение было самое приподнятое и готовое при первом зове комитета к открытому выступлению.

Мотовилиха непрерывно в течение девяти месяцев кипела забастовками, выходили из завода на демонстрацию по улицам, вырабатывали требования. Для организованного пополнения боевой дружины на массовках проводились инструктаж и запись вновь вступивших, а также обсуждали вопрос о приобретении оружия. Для этой цели по цехам проводились подписки на оружие. Наблюдается быстрый рост революционного настроения рабочих и увеличение числа примыкающих к организации [большевиков].

Мотовилихинская власть в это время сколачивает вокруг себя остальные слои из рабочих и торговых и другого нетрудового элемента под знамя истинно русских людей. Эта черная свора зачастую спаивалась для борьбы с крамолой, как они выражались. Этот союз имел у себя знамя, которое находилось в церкви на видном месте, а отсюда вывод, что в союзе принимали участие и попы, которые вели травлю на искоренение нарастающего революционного движения, для чего собирали своих людей и устраивали с ними шествие с иконами, знаменами и портретами царя. Такие шествия иногда проходили с науськиванием на избивание рабочих, тех, кто им был известен как крамольник, или применяли к лицам, которые не хотели снимать шапки при встрече с демонстрацией (как случай избивания Туркина Александра). Такое действие сигнализировало о том, что черная сотня в одно время набросится с погромом на известных ей людей или на демонстрации рабочих, как это проходило в других городах, но, благодаря хорошей постановке и смелым действиям боевой дружины Мотовилихи, эти программы не имели возможности развернуться в Мотовилихе. В октябре месяце прошел слух, что черная сотня соби-

³ Зенков Иван Васильевич (1880—1963) — участник трех революций и гражданской войны, член партии с 1904 года.

рается устроить погром. Рабочие Мотовилихи, за исключением небольшой группы боевой дружины, не были вооружены для отражения черной сотни. Для этого по распоряжению цеховых депутатов стали изготовлять на заводе холодное оружие, делали шашки, кинжалы, пики и просто трости с тянутым наконечником. Вся эта работа протекала круглые сутки, и, по сведениям завода, на эти поделки израсходовано 500 пудов стали. По требованиям рабочих завода, выработанным на забастовках, были избраны от всех цехов депутаты. Это являлось организованным напором на администрацию под руководством партийного комитета Мотовилихи. Эти советы старшин по цехам представляли из себя форму Совета рабочих депутатов (я был избран в снаряжном цехе № 3).

Функция депутатов — цеховой и производственный вопрос, зарплата, прием и увольнение и переводы рабочих на другие работы, конфликты, переговоры и вручения требований от рабочих как цеховой администрации, так и общезаводской.

Со дня избрания депутатов цеховая администрация, включая начальника цеха, без согласия депутата сама лично не распоряжалась, и депутат, разбираясь с рядом вопросов в основной своей работе, почти не занимался. Нараставшая стачка в заводе переходила к вооруженному восстанию. К вооруженному восстанию Мотовилихинский комитет готовился с мая месяца... К вооружению готовились организовано, создан был штаб боевых дружин, где насчитывалось 60—80 дружинников. Проводились регулярные занятия. Во главе боевой дружины были: Борчанинов Александр, Кузнецов Яков. Все дружинники были разбиты на семь [десяток].

На 12 декабря, по поручению Борчанинова, мне было дано задание взять оружие на керосинном складе Нобеля, которое закуплено для вооружения сторожей. Этот склад находился на расстоянии от Мотовилихи девяти верст. Утром 12 декабря мы в количестве 13 человек пришли на место керосинного склада, где нас поджидал Лбов Александр. Подойдя к конторе, мы расставили патруль, при входе в контору испортили телефон и потребовали выдачи оружия. Администрация сперва не хотела выдавать, всячески оттягивала время, по-видимому, надеясь на выручку, но наш караул у конторы никого не выпускал на улицу и тем самым предотвратил какую-либо сигнализацию. После препирательства начальника конторы я взял ключи у такового и стал вскрывать ящики его стола, где и были обнаружены 13 револьверов системы Смит-Виссон и по коробке к ним патронов. При выходе из конторы отобранное оружие разделили промеж собой. И только пройдя от керосинного склада версты три, идя по полотну железной дороги, мы увидели, что в стороне от нас, по Соликамскому тракту, скачут казаки на керосинный склад. Мы беспрепятственно пришли в Мотовилиху.

В этот день состоялся в снаряжном цехе № 5 большой митинг, так как в это время Мотовилиха примкнула к Всероссийской забастовке, вырабатывала на этом митинге дальнейший план забастовок. Выступали на митинге Владимирский и другие товарищи, где и был вынесен также постановление об остановке пассажирского поезда... Вечером 12 декабря был остановлен пассажирский поезд на ст. Мотовилиха, машинист с поезда был снят и уведен на митинг. После этого вскоре по полотну железной дороги от Перми прискакали казаки и всех разогнали.

Вечером этого же дня мы собираемся у Якова Кузнецова для обсуждения причин неорганизованной встречи казаков, где и зарабо-

тали план для встречи с казаками на 13 декабря, зная, что казаки приедут в Мотовилиху. Для этого были намечены пункты засады, расположенные по улицам, по которым должны были проезжать казаки, дружинники из засады должны были встретить казаков выстрелами. Для каждой засады наметили начальников десятков, в которые вошли Борчанинов Александр вместе с Кузнецовым Яковом, Юрш Андрей, Зенков Иван, Безолуцкий Алексей, Болдачев Иван, Пташинский Иван и Волков Григорий — эсер (так как эсеры не имели никаких указаний, то Волков примкнул к нам). Утром 13 декабря все десятки расположились по Большой улице. Все дружинники были вооружены простыми дробовыми шомпольными одноствольными ружьями, а часть — просто револьверами, отобранными у Нобеля. Ружья заряжены были пулями. Мой десяток сперва поместился недалеко от Борчанинова, на другой стороне дороги в доме Кузовникова, чтобы можно было бить противника перекрестным огнем, но по распоряжению, чтобы не быть обойденными с тыла, нас перебросили к старому театру.

При проходе по указанным пунктам навстречу нам попался полицейский надзиратель, который был в один миг разоружен, при нем оказалась только шашка, которую я тут же надел на себя. Только ли этот случай разоружения или появление нас вооруженных на улице открыто заставили полицию скрыться, так как за исключением этого жалкого по виду надзирателя остальная полиция никаких жизненных и других видов не проявляла. Наше появление на улице с оружием в руках обратило кое-какое внимание со стороны публики на нас и особенно на наше вооружение, которые останавливались и с любопытством рассматривали нас и подсмеивались, говоря: «Вот бабушкина гвардия», и бросали некоторые возгласы как на смутьянов или как на безумную затею, а некоторые говорили: «Куда вам справиться с хорошо вооруженной силой».

Но как только раздалась выстрелы, стоны раненых, то, кроме трупов, которые разбежались по домам, по оградкам, к нам подбегали и предлагали свою помощь, а так как они были без оружия, то делали баррикады по улицам, стаскивая на улицу все, что могло послужить заграждением от проезда казаков. Таких баррикад было сооружено по Мотовилихе три. По прибытии на новое указанное место около старого театра я выбрал удобное положение для засады, расставив патрули по направлению к тому месту, откуда должны были показаться казаки, а также и с противоположной стороны, чтобы нас не застали врасплох. В это время сам пошел с только что приехавшим Вагановым Владимиром, который привез из Ижевска нелегально четыре короткие берданки. Эти берданки заряжались патронами от 12 мм Смит-Виссона. Развязав из мешка берданки, мы тут же в старом театре стали пробовать по стрельбе, выстрелив два раза, как с улицы прибегает один из патрулей и докладывает, что на первых засадах завязалась перестрелка. Мы взяли винтовки — одну я себе, другую взял Ваганов — и двумя заменили шомпольные ружья дружинникам.

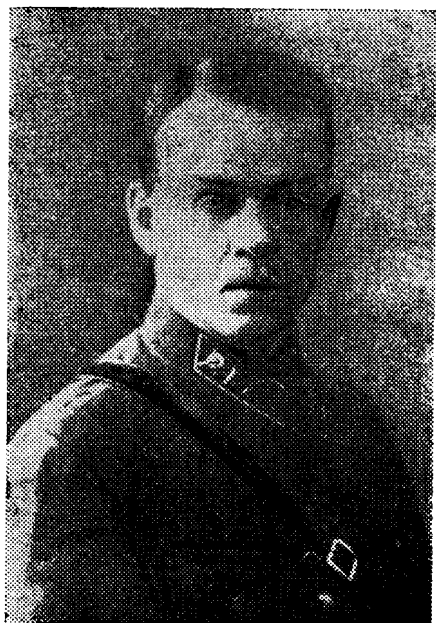
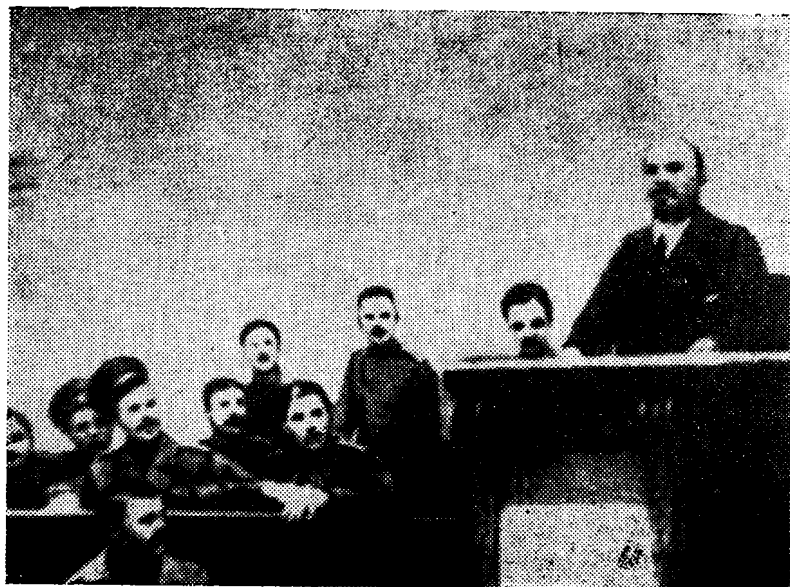
Выскочив на улицу и заняв место засады, разместив людей, проверив их готовность, я стал наблюдать за выстрелами, которые по мере расположения пикетов все ближе и ближе к нам приближались. По выстрелам можно было определить, что каждая из расположенных засад встречала казаков упорной стрельбой. После непродолжительной паузы от выстрелов выскочили прямо к нашей засаде казаки в количестве до 20 человек. Как только показались все казаки и прибли-

зились к нам на расстояние выстрелов, нами была открыта стрельба по казакам. После первого залпа несколько казаков упали с лошадей, и их сейчас же стали подбирать другие и отвозить из сферы огня. Мы же в это время продолжали стрельбу, правда, уже редкую, так как, за исключением четырех берданок, имевшихся шомпольных оружий, таковые надо было заряжать, это занимало некоторое время, затяжку. Казаки также открыли по нас стрельбу из трех линейных винтовок, но, так как стреляли с лошадей, выстрелы их были безрезультатны, лишь только потому, что лошади, по-видимому, были испуганные выстрелами, метались из стороны в сторону, как угорелые, а с ними и казаки. Их попытки броситься на нас атакой были отражены новыми выстрелами, что и заставило их изменить лобовой натиск на нас.

После этого они отъехали от нас на недостижимый выстрел, и часть их стала объезжать нас с противоположной стороны. Этот маневр мы своевременно узнаем тоже от людей, которые не были в нашей боевой дружине, но, по-видимому, стали сочувствующими нам. Вот несколько человек прибегают к нам и говорят, что вас хотят окружить с другой стороны. Тогда я даю распоряжение, чтобы переменить место засады, сделать перебежку через пруд по направлению к Запруду. Чтобы скрыть свое отступление, мы его провели через огороды, по логам, тем самым способом на время скрылись от преследования казаков, и лишь только тогда, когда выскочили на чистое место и стали пробираться на гору по направлению к Запруду, казаки обнаружили нас, спешились с лошадями, стали стрелять по нам. В это время был ранен из нашего отряда Ваганов, которого мы подобрали и унесли для перевязки в первую попавшую комнату, которую также нам предложил сам хозяин комнаты, и с помощью его жены сделали перевязку. В это же время остальные из нашего отряда вышли с места обстрела казаками за дома. Этот бой продолжался до потемок, и из-за наступления темноты казаки нас преследовать побоялись. В результате боя мы потеряли по Мотовилихе убитыми и ранеными 36 человек, а какое количество имели убитых и раненых казаки, для нас не выяснено, так как их сразу подбирали и увозили в г. Пермь...

В то время, когда в Мотовилихе проходила вооруженная перестрелка, в Перми меньшевики проводили академический митинг, который был разогнан казачьей сотней. После вооруженного восстания началась реакция, в разное время дня и ночи арестованных было до 200 человек. То оружие, которое делалось в заводе, увозили после повальных обысков обратно на завод возами, повальному обыску подвергались все. К арестованным участникам вооруженного восстания применялись избиения, после их ареста из этого количества некоторых судили, высылали по ссылкам и тюрьмам и на каторгу.

Организация мотовилихинских большевиков по существу была разгромлена, остались лишь одиночки, но общее настроение рабочих масс не понизилось. Массы рабочих готовы были продолжать борьбу с царским правительством.

Момент выступления В. И. Ленина в Таврическом дворце в Петрограде 4 апреля 1917 года

Борис Николаевич Попов

Дом Шакировых в Омске

Загир Шакиров — курсант Высшего военно-морского ордена Ленина инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского (июль 1942 года)

К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

М. А. Шакиров

Герой Суарского ущелья

После выхода книги А. А. Маковского «Герой Суарского ущелья», в которой коротко описан подвиг моего младшего брата Загира Шакирова, ко мне начали обращаться школьники, пионервожатые, учителя, комсомольские работники, ветераны войны с просьбой рассказать о брате более или менее подробно. Признаться, было приятно, что увековечивают память дорогого брата: его именем названы пионерские отряды средних школ № 36 и 38 в Омске, средней школы № 870 в Москве, школы в Уинском районе Пермской области. В то же время я был немало озадачен тем, что предстояло рассказать о дорогом человеке. Нелегко это сделать. Загиру было всего 18 лет, когда он погиб, совершив подвиг, но его короткая жизнь была насыщена благородными делами, о которых писала сначала местная, а потом и центральная печать.

Все姆 хорошим и благородным, что было присуще уроженцу села Нижний Сып Уинского района Пермской области Загиру Шакирову, он обязан родителям, особенно матери. Хотя отец, Абдулхай, и мать, Ганбир, большого образования не получили, они были довольно начитанными людьми, долгие годы учительствовали. Как рассказывали старшие, мать уже в 15 лет собирала девочек своей деревни и учила их родному языку, истории и географии. Особенно хорошо она знала вопросы воспитания и личной гигиены и требовала от нас беспрекословного их выполнения. Она наказывала нам быть честными, добросовестными, любить труд и уважать людей труда, постоянно внушала, что человек всегда должен заниматься полезным делом.

В начале 30-х годов наша многочисленная семья переехала с Урала в Сибирь, в Омск. Поначалу ютились в десятиметровой комнате полуземляного домика. И в этих нелегких условиях в семье царила атмосфера взаимоуважения, стремления научиться, овладеть знаниями.

Наряду с чтением учебников, выполнением домашних заданий пионер Загир имел массу интересных увлечений. Особенно он увлекся занятиями в Омской станции юнна-

тов, учился там садоводству. Сибирские ученые профессор Александр Дмитриевич Кизюрин и академик Николай Васильевич Цицин направляли работу станции юннатов. Непосредственно юными садоводами руководили директор станции Иван Антонович Жбаков, агрономы Ольга Илларионовна Шевчук и Вера Алексеевна Голубева.

Когда нашей семье удалось построить свой домик (насыпной, полугрунтовой), юный садовод Загир уже со знанием дела подготовил почву от ворот до фасада, разбил сад, небольшой участок отвел под особый сорт клубники. Помню, 6 июля 1941 года по общей мобилизации меня провожали в Красную Армию. Загир набрал стеклянную баночку выращенной им крупной, ароматной клубники и принес ее к нашему эшелону перед отправкой на Запад. Товарищи с изумлением отведали ягоды моего брата.

Загир упорно овладевал основами садоводства. Особенно его интересовало, как люди выводят новые сорта плодовых деревьев и ягодных кустарников. Он стал постигать тайны этого сложного дела. За успехи в садоводстве брат был утвержден участником открывшейся в 1939 году в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Достижения омских юннатов демонстрировались в павильоне «Юнцы натуралисты». Участник выставки Загир Шакиров был награжден медалью.

Загир успешно окончил среднюю школу № 38 в Омске и поступил в Омский сельскохозяйственный институт имени С. М. Кирова, но недолго здесь проучился: началась Великая Отечественная война, и Загир стал курсантом переведенного из Ленинграда в Баку Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского.

Шел второй, очень тяжелый год войны. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, весной 1942 года войска фашистской Германии и ее союзников лавиной ринулись на Кавказ и к Сталинграду. Немецко-фашистское командование поставило целью уничтожить наши армии западнее Дона и к 20 сентября захватить нефтеносные районы Кавказа, перейти через Кавказский хребет, поработить народы Грузии, Армении и Азербайджана, завоевать страны Азии и Ближнего Востока (Ирак, Иран, Индию). Захват нефтеносных районов Грозного и Баку был главной целью Гитлера в летней кампании 1942 года. Фашистское руководство надеялось, что успешному осуществлению плана будет способствовать вступление границей с нами Турции в войну против Советского Союза.

Для завоевания Кавказа немецко-фашистское командование направило танковую армию генерал-полковника фон Клейста в составе 25 дивизий, которые насчитывали около 170 тыс. солдат и офицеров, имели 1200 танков, более 4500 орудий и минометов, до 1000 самолетов. Им противостояли пять малочисленных армий Южного фронта, в которых имелось около 110 тыс. человек.

В конце июля положение советских войск на Северном Кавказе и Сталинградском направлении стало исключительно тяжелым. Под натиском превосходящих сил противника войска отступали. В самые трагические для Отечества дни был отдан приказ Верховного Главнокомандующего: «Отступить дальше — значит загубить себя и вместе с тем... нашу Родину... Ни шагу назад!..»

Во исполнение приказа были приняты срочные, энергичные меры по усилению обороны Кавказа (Черноморского побережья и особенно районов Грозного и Баку). В частности, из курсантов нескольких высших военно-морских училищ, находившихся в Баку, был сформирован батальон автоматчиков — морских пехотинцев. Он насчитывал 350 моряков-добровольцев.

В батальон отбирали моряков не моложе 20—21 года, физически крепких, обладавших отличными строевыми качествами и, в первую очередь, имеющих боевой опыт. Загиру Шакирову только-только исполнилось восемнадцать, здоровьем он не выделялся, и в зачислении в батальон ему отказали. Но отличник боевой и политической подготовки, старшина второй статьи Шакиров не отступил, он продолжал добиваться зачисления в морские пехотинцы. Помог случай: один из зачисленных в добровольческий батальон бакинец попросил, чтобы его, в связи с болезнью близких родных, оставили в училище. Узнав об этом, Загир опять обратился к командованию, и его просьба наконец была удовлетворена.

Вскоре батальон влился в состав 34-й отдельной стрелковой бригады полковника А. В. Ворожищева. Под руководством опытных армейских командиров началась боевая подготовка. Моряки настойчиво осваивали тактику ведения сухопутных боев, учились владеть всеми видами стрелкового оружия. Три месяца напряженной учебы, несение службы по охране дорог и военных объектов, участие в ликвидации диверсионных групп в горных районах Прикаспия дали морякам отличную закалку.

Курсантам-добровольцам была выдана красноармей-

ская форма, но оставлены бескозырки, тельняшки, бушлаты и флотские ремни.

...Ворвавшись на Северный Кавказ в конце июля 1942 года, гитлеровцы рассчитывали с ходу захватить столицу Северной Осетии город Орджоникидзе, но натолкнулись на стойкое сопротивление советских войск. Именно здесь, на полпути между Алагиром и Гизелем, предстояло 34-й отдельной стрелковой бригаде получить боевое крещение.

Прибыв 19 октября на станцию Карабулакская, что в 35 километрах севернее Орджоникидзе, бригада расположилась в местечке Верхние Ачалуки, где вошла в состав 11-го гвардейского стрелкового корпуса Северной группы войск Закавказского фронта (командир корпуса Герой Советского Союза гвардии генерал-майор И. П. Рослый), и 27 октября вместе с другими частями корпуса была направлена на передовые позиции.

Совершив форсированный 60-километровый переход, бригада заняла оборону между селениями Дзуарикау и Фиагдон. Перед соединением была поставлена задача оборудовать полосу обороны и задержать на своем участке наступавшие немецко-фашистские войска.

После тяжелого перехода в осеннюю непогоду через перевалы и бурные речки батальон моряков-автоматчиков подошел к месту назначения — осетинскому селению Майрамадаг. В промокших шинелях и ватниках, в забрызганных грязью ботинках и сапогах, с потемневшими потными лицами, моряки, хотя и были усталыми, сохранили высокий боевой дух. Местные жители радушно встретили морских пехотинцев.

Когда развеялись серые холодные тучи и выглянуло солнце, многие, не видавшие ранее Кавказа, пришли в изумление. Перед ними совсем близко, казалось рукой подать, поднимались горы, поросшие хвойным лесом, а за ним, над цепью скалистых вершин, на фоне синего неба возвышался седоглавый Казбек.

Первые две ночи в Майрамадаге прошли сравнительно спокойно. На третью со стороны линии фронта начала доноситься артиллерийская стрельба. Всю ночь по шоссе мимо Майрамадага в сторону Орджоникидзе двигались отходившие на переформирование войсковые части. Тоскливо звучали автомобильные гудки. Многие из жителей селения в эту ночь ушли в лес, в Суарское ущелье.

На рассвете начальник штаба батальона передал при-

каз командира батальона немедленно укрыться в отдаленных кустарниках. Едва этот приказ был выполнен, как на Майрамадаг обрушился бомбовый удар. Завыли сирены, загудели летящие в воздухе куски рельсов, загрохотали сбрасываемые с самолетов железные бочки. Это была психическая атака, рассчитанная на то, чтобы запугать, деморализовать советских бойцов. Но с каждым новым заходом бомбардировщиков молодые бойцы все больше осваивались с обстановкой.

За последние три дня октября положение на фронте резко ухудшилось. Все более возрастала угроза городу Орджоникидзе. Противник занял Алагир и приблизился к позициям 34-й отдельной стрелковой бригады. Мимо Майрамадага продолжали двигаться отходившие по приказу командования части.

Утром 1 ноября после сильной бомбежки против бригады двинулись части двух немецких пехотных дивизий и мотодивизии СС «Викинг». Несмотря на численное превосходство врага, советские воины приняли этот страшный удар, но сдержать натиска не смогли. Противник силой до 150 танков прорвал на большом участке фронт бригады, разрезав ее на две изолированные части. Пали населенные пункты Фиагдон и Дзуарикау. Немецкие танки и мотопехота ринулись на Гизель, что в 5 километрах от Орджоникидзе, захватили ее.

Хотя враг и подошел к Орджоникидзе, однако не смог преодолеть сопротивления советских войск, оборонявших город. Танковая армия Клейста срочно изменила направление главного удара в обход Орджоникидзе, в 18 километрах западнее его, имея цель выйти по Суарскому ущелью на Военно-Грузинскую дорогу в 30 километрах южнее Орджоникидзе, блокировать его. В случае реализации этого плана были бы отрезаны пути подвоза резервов, боеприпасов и продовольствия из Закавказья в Северную группу войск, в Орджоникидзе. Поэтому развернулись очень сильные бои за селение Майрамадаг у входа в Суарское ущелье. Батальон автоматчиков получил приказ: «Майрамадаг держать любой ценой! Стоять насмерть!» Готовясь к обороне, моряки сооружали блиндажи, рыли щели и окопы боевого охранения.

Майрамадаг состоял всего из трех улиц, тянувшихся с юга на север, в сторону проходившего невдалеке шоссе Алагир — Орджоникидзе. Первая рота лейтенанта Иконописцева, включающая курсантов Высшего военно-морского

инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского, заняла восточную улицу, вторая рота лейтенанта Мирза-Туниева — западную улицу, третья рота лейтенанта Мазура была выделена для охраны штаба бригады.

Согласно плану командования батальона первая рота расположилась повзводно: первый взвод младшего лейтенанта Фланцбаума, в котором находился Загир Шакиров, выдвинулся на передний край у шоссе, где укрылся в нескольких уцелевших домах в конце улицы; второй взвод главного старшины Чукмасова и третий взвод главного старшины Васильева окопались в покинутых дворах, расположенных ближе к горам.

Утро 4 ноября выдалось туманным, но постепенно небо очистилось. Все было готово к встрече врага. Прямо на позициях повзводно прошли партийно-комсомольские собрания, короткие, как летучки. Моряки были уверены в своих силах.

Внезапно раздалась тревога. На Майрамадаг со стороны Орджоникидзе двигался крупный отряд вражеской пехоты. Гитлеровцы шли прямо на окопы первой роты, в которой находился со своим отделением Загир. Рота вступила в бой. Хлестнули автоматные очереди, на фашистов обрушился неистовый шквал огня. Послышалось: «Полундра! Семафор в Майрамадаг закрыт!» Из засад и окопов полетели гранаты. Сквозь короткие вспышки разрывов враги увидели советских бойцов в полосатых тельняшках, а вместо солдатских пилоток — бескозырки. Гитлеровцы в ужасе шарахнулись назад. Первая атака фашистов захлебнулась.

Загир вернулся в селение вместе со своими товарищами, разгоряченный боем, сияющий и счастливый. Но это было только начало.

Узнав о разгроме своего отряда, немецкое командование решило стереть с лица земли непокорный Майрамадаг. В наступившую ночь вражеская авиация обрушила на селение мощные бомбовые удары.

К утру 5 ноября фашисты получили подкрепление, у них появились пулеметы и минометы. С новой силой вспыхнул бой. Он был долгим и жестоким. Загир и его друзья-дзержинцы отражали атаки врага. И опять враг отступил, но дорогой ценой пришлось заплатить за эту победу. В крайнем полуобгоревшем доме погибли два бойца — курсанта-дзержинца.

Утром 6 ноября тяжелый бой вспыхнул с новой силой.

Заговорили шестиствольные немецкие минометы, крупнокалиберные пулеметы, батареи. Когда рассеялся утренний туман, горное эхо донесло угрожающий рев моторов: с севера, со стороны шоссе Орджоникидзе — Алагир, на Майрамадаг шли танки с желто-белыми крестами на башнях.

Бросив танки, гитлеровцы рассчитывали прорваться к средней улице селения, вклиниться между позициями первой и второй рот, разобщить оборону и покончить с каждой ротой в отдельности. Разгадав маневр фашистов, командир батальона Березов приказал первой роте немедленно занять одноэтажное каменное здание Майрамадагской школы в начале средней улицы и задержать вражеские танки. Это приказание тотчас же выполнила группа автоматчиков-дзержинцев под командованием старшины роты Ефима Матусевича.

У комсомольца Загира Шакирова была одна-единственная противотанковая граната. Когда он получал ее, старшина роты сказал: «Ребята, противотанковых гранат у нас кот наплакал, всем дать не могу, а кому даю, зря не швыряйте. Имейте в виду: при отчете буду требовать за каждую гранату по танку».

Комбат Березов не ошибся в своем предположении: вражеские танки держали курс на среднюю улицу. Три танка подползли к приземистому зданию школы и открыли по нему оружейный огонь прямой наводкой. Снаряды почти не причиняли вреда прочным каменным стенам. Тогда танкисты стали стрелять по окнам и двери. Теперь снаряды рвались уже внутри здания. Положение моряков стало критическим. Здание не имело запасного хода. Выбежать на крыльцо или выброситься через окно означало попасть под огонь сразу трех танковых пулеметов. Когда положение стало совсем безнадежным, старшина второй статьи Загир Шакиров, взвесив на ладони свою единственную противотанковую гранату, решительно заявил Матусевичу: «Товарищ старшина, я пошел...» — и шагнул со школьного крыльца. Загир подбил головной танк.

Другие два танка, осаждавшие школу, круто развернулись и, бросив подбитого собрата, поползли в глубину улицы. Старшина Матусевич усмехнулся: «Далеко не уйдут. В конце улицы в засаде притаились сорокапятки, еще накануне комбат послал их в помощь первой роте». Так и вышло.

На школьное здание густыми цепями наступала вра-

жеская пехота. Моряки-автоматчики расправились с непрошеными гостями.

К вечеру бой затих. Усилиями первой и второй рот фашисты были выбиты из средней улицы Майрамадага.

Ожесточенные бои за Майрамадаг, ключ к Суарскому ущелью, продолжались. Осажденная «морская крепость» была врага. Как ни рвались фашисты 7 ноября, в день годовщины Октября, к победе, но им несколько не удалось продвинуться. Потеряли же они шесть танков и более пятидесяти человек убитыми и ранеными.

Особенно жестокий бой за овладение Майрамадагом разгорелся 9 ноября. На батальон моряков враг бросил 2-ю горнострелковую дивизию румын и немецкий полк «Бранденбург». Более двадцати вражеских солдат приходилось на одного советского бойца. К тому же у наших войск на этом участке фронта танков совсем не было. Моряки имели только автоматы, противопехотные гранаты и, в ограниченном количестве, противотанковые гранаты.

...С северо-запада на Майрамадаг шли танки с крестами на башнях. Загир, запыхавшись, прибежал в дом девятиклассницы Тамары Албеговой, с которой в немногие дни пребывания здесь успел познакомиться. «Понимаешь, противотанковых у нас маловато, а тут у меня запасец есть». Быстро достал из-под пола патронный ящик. «Вот видишь — две штучки! — потряс он противотанковыми гранатами. — Красотки!»

Тамара хотела удержать его хоть на минуту, но он только улыбнулся ей: «Танки! Я сейчас, я скоро!» — и порывисто выскочил из дома. Он мигом добежал до своей позиции боевого охранения на окраине селения.

Курсанты-автоматчики, пока бригада находилась в резерве, много раз отрабатывали поражение танков противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Они хорошо знали, что в борьбе с танками противника в условиях узкой улицы главное — подбить первый танк врага, тем самым вызвав замешательство в строю колонны, замедлить продвижение последующих машин и таким образом способствовать их истреблению.

Танки двигались медленно. Их было много: один, два, три, пять, десять, тридцать!!! Все ближе подползали к позициям дзержинцев огромные стальные чудовища, изрыгая смертоносный огонь.

Единоборство со стальным чудовищем 6 ноября, когда Загир чудом остался жив, послужило ему своего рода

репетицией... В бою кто-то делает первый шаг, увлекая за собой остальных. Здесь этот шаг сделал Загир Шакиров.

«Нет, не пройдут! Не пустим! За Родину!» — кричит курсант Загир. С тяжелой связкой гранат он выбирается из группового окопа и по-пластунски движется к головному танку. Его товарищи еще не успели опомниться от оцепенения. Загир приблизился к бронированному чудовищу, вскочил со связкой гранат и бросился под него. Раздался сильный взрыв, задрожала земля, танк запылал, накренился и намертво встал.

Подвиг Шакирова увлек других бойцов, и они, смело и решительно поднимаясь из окопов, начали выходить навстречу вражеским танкам и забрасывать их гранатами. Одни танки, объятые огнем и дымом, остановились, другие поспешно отходили назад. Наступление фашистов было сорвано.

Благодаря отваге, мужеству, героизму бойцов батальона, враг ни на шаг не продвинулся вперед, не смог овладеть селением Майрамадаг и войти в Суарское ущелье, отрезать Орджоникидзе от основных сил Закавказского фронта, выйти на Военно-Грузинскую дорогу. Батальон автоматчиков выполнил поставленную перед ним задачу, за что был удостоен звания «гвардейский».

День 9 ноября 1942 года явился переломным в обороне Майрамадага и Суарского ущелья. 10 ноября 10-я гвардейская стрелковая бригада, идя на помощь морским пехотинцам, замкнула кольцо окружения группировки немецко-фашистских войск у Майрамадага и во взаимодействии с частями 11-го гвардейского корпуса перешла в наступление в направлении Дзуарикау, Алагира. Враг был остановлен, а затем окружен и разбит. «Многодневные бои на подступах к Владикавказу (Орджоникидзе) закончились поражением немцев», — говорилось в сообщении Совинформбюро.

Местный житель, партизан гражданской войны, проводник батальона курсантов, в доме которого стоял штаб батальона, Хаджиумар Дзахотович Базров, лично знавший Загира Шакирова, привез на подводе его останки, покрытые военно-морским флагом. Загиру соорудили отдельную могилу на площади против дома Х. Д. Базрова. Для изготовления гроба Базров снял доски с крыши своего сарая. Хоронили Загира с воинскими почестями.

Центральная улица теперь уже большого селения Майрамадаг решением исполкома сельского Совета названа

именем Загира (Германа) Шакирова. Пионерская дружина его имени постоянно следит за могилой. Могила находится в центре созданного в селении мемориала в честь героических защитников Суарского ущелья.

Загиру было всего 18 лет, когда он совершил подвиг. В чем истоки его мужества? Прежде всего, в высоком сознании, в чувстве ответственности и долга перед Родиной, перед народом. Привитая семьей, школой, пионерией, комсомолом, воспитанная партией, всем укладом жизни социалистического Отечества твердая убежденность в правоте дела, вера в Победу — вот движущая сила помыслов, поступков Загира Шакирова, комсомольца, солдата, патриота.

Моя семья потеряла на территории далекой горной Осетии любимого брата, но обрела здесь новых братьев и сестер — жителей Майрамадага. Загир породнил нас с ними своей кровью. Осетия стала для нас такой же близкой, родной, как Сибирь, Урал.

Спит Загир вечным сном в осетинском селении Майрамадаг, а у могилы растут деревья — символы бесконечности жизни. Весной они расцветают, образуя живой венок, летом прикрывают могилу от солнца, как бы оберегая сон Загира, навсегда оставшегося 18-летним...

Д. А. Красноперов

Крупницы памяти

Чем дальше отодвигаются события грозных лет Великой Отечественной войны, тем дороже становятся свидетельства тех незабываемых лет. Даже незначительные сведения о военной поре приобретают сегодня историческую ценность, касается это фронта или тыла. Юные краеведы пермской средней школы № 109 имени П. П. Бажова собирают воспоминания о жизни в годы войны эвакуированных в Пермь советских писателей и эти дорогие реликвии хранят в своем литературно-краеведческом музее «Родное Прикамье».

Пермь принимала большое число эвакуированных — и взрослых, и детей. Детей было много. Их везли с Украины, из Москвы, из Ленинграда — отовсюду. Об этом проникновенно рассказал Михаил Слонимский:

«Дети заполняли вокзалы. В проходивших поездах за окнами мелькали детские лица. Все новые тысячи детей уходили от войны на Урал. Никогда еще не случилось Уралу принимать в свои объятия столько детей, и с некоторым изумлением открыли в себе уральцы неисчерпаемые запасы нежности».

Принимала Пермь не только детей, но и рабочих вместе с заводами, писателей и артистов. Приезжали сюда семьями, у многих из них были дети. Не сразу наладился быт приезжих. Были большие трудности и с жильем, и с питанием, и с одеждой. Нашлись, как всегда, и недовольные. Вера Панова по этому поводу писала в своей книге «О моей жизни, книгах и читателях»:

«...Когда я слышала в то время жалобы некоторых эвакуированных, будто их плохо встретили в тылу, меня эти жалобы удивляли; я свидетельствую, что мне была оказана всяческая поддержка — и учреждениями, и людьми, да и другими эвакуированными тоже, когда речь шла о насущных вещах, а не о вздорных претензиях».

А вот что написал Вениамин Каверин бажовцам 109-й школы о своей жизни в Перми:

«Я вспоминаю с глубокой благодарностью гостеприимство ваших земляков, искренность и желание добра. Красота Камы и грандиозность ваших заводов как-то соединились в одно целое и остались в памяти как светлое воспоминание внутреннего единства, столь характерного для военных лет».

Об этом же писал и Аркадий Первенцев:

«Пермь оставила во мне сильное впечатление. Мне не забыть ее гостеприимства, несмотря на собственную нужду и недостатки, патриотизма горожан, работающих у станков не покладая рук, их общительность и суровые складки у рта, какие запомнились мне у знаменитого героя строителя моторов Аркадия Дмитриевича Швецова, нашего неизменного товарища и друга».

Заботу о детях эвакуированных писателей взял на себя литфонд, организовавший лагерь в деревне Черной Краснокамского района. Вера Панова в уже названной книге вспоминает:

«Лагерь для писательских детей был основан в деревне Черной, в двух часах езды поездом от Перми. Сами писатели жили в городе, в гостинице, которую все звали

«семиэтажкой»... В лагере ребятам были обеспечены питание, кров, врачебный надзор, школа...»

Об этом же лагере писал музею «Родное Прикамье» и ленинградский поэт Глеб Семенов:

«В деревне Черной и в соседних Шабуничах жили эвакуированные из Ленинграда семьи писателей. В трех или четырех просторных зданиях Черновской школы находился интернат, где жило свыше сотни детей. Старшая группа жила в Краснокамске. Матери, иногда и с детьми, квартировали по избам...

Еще больше писателей постоянно жило в Перми. Помню Михаила Козакова, Михаила Слонимского, Вениамина Каверина, Юрия Тынянова (он был недолго), Семена Розенфельда, Изабеллу Гринберг, Елизавету Полонскую. Это все ленинградцы. Из Москвы в Пермь эвакуировались И. Луговской, Н. Асанов, М. Павлова, с Украины — поэт Иван Рядченко. Потом приехал И. Соколов-Микитов. В Перми же (я раз был у него) находился замечательный художник Натан Альтман.

Наверное, вам будет интересно узнать, что среди детей, эвакуированных в Пермь из Ленинграда, находились Сергей Слонимский (ныне известный композитор, заслуженный деятель искусств), Михаил Козаков (ныне известный артист и киноактер), известная писательница Наталья Долинина (тогда Наташа Гуковская), Миша Герман (ныне известный искусствовед), а также два сына Веры Пановой — Боря и Юра Вахтины (один теперь ученый-китаист, член Союза писателей СССР, другой — крупный биолог, доктор наук). Вероятно, из тогдашних детей выросли и другие замечательные люди, я просто не знаю».

Письмо это написано в 1980 году, а сегодня уже нет в живых самого Глеба Семенова, Натальи Долининой, Бориса Вахтина. Нет Михаила Слонимского, Веры Пановой и Аркадия Первенцева.

Так стремительно летит время. Уходят из жизни те, кто был летописцем эпохи. Тем драгоценнее для нас эти крупицы памяти.

Г. И. Немтинова

Забота о родном языке

Темный и забытый, безъязыкий,
Житель Пармы шел тропкою бед.
Солнце революции великой
Подарило нам тепло и свет.

В. Климов

Коми-пермяцкий народ до Великой Октябрьской революции не имел своей письменности. Царские власти не обращали внимания на хозяйство и культуру затерявшегося в лесах коми-пермяцкого народа, т. к. самодержавию выгодно было держать его в нищете и невежестве. На территории Пермского края в середине XIX века было одно училище, состоящее в 1879 году из одного класса. Зато работало 153 часовни и церкви, 3 монастыря, более 100 питейных заведений. На 78 человек населения было одно лицо духовного звания, тогда как на каждого учителя приходилось 882 человека. По переписи 1897 года, на 1000 мужчин грамотных было 11,4%, а женщин — 1,3%. В 1913 году насчитывалось 114 церковноприходских и земских школ, где обучалось 15—20% коми-пермяцких детей. Накануне революции лишь шестая часть местного населения умела расписываться и кое-как читать. На весь край с 1906 года работала одна больница.

Первые попытки создать коми-пермяцкую письменность относятся к концу XVIII века. Пермский священник Антоний Попов составил словарь и грамматику коми-пермяцкого языка¹. Впоследствии словари и грамматику выпустили Федор Любимов, священник Егвинской церкви, и Ф. А. Волегов, крепостной графа Строганова. Их желание напечатать книги на коми-пермяцком языке не могло осуществиться: Строгановы, полновластные хозяева вотчины, не интересовались обучением крестьян.

Впервые на коми-пермяцком языке книги вышли в 60-е годы XIX века. Это были переводы житий святых, сделанные Н. А. Роговым и священником Авраамием Поповым из Кудымкара.

¹ Боталова Р. М. Новые памятники коми-пермяцкого языка // По ленинскому пути. — 1962. — 9 сент.

Николай Абрамович Рогов — выходец из крепостных крестьян графа Строганова. В иньвенской даче Строгановых он был сначала лесным таксатором, а затем лесничим. Находясь среди коми-пермяков, Николай Абрамович с интересом изучал их быт и язык, потом взялся за перевод священных книг на коми-пермяцкий язык. В 1860 году Рогов выпустил грамматику, а в 1869 году в Санкт-Петербурге напечатал «Пермячко-русский и русско-пермяцкий словарь». Российская Академия наук присудила автору премию. Это был первый национальный словарь в России.

В книге Рогова «Опыт грамматики пермяцкого языка» были тексты на коми-пермяцком языке, народные пословицы, загадки, песни, сказки и небольшие рассказы. Однако деятельность Рогова по изучению языка не понравилась начальству, и он был отправлен из Пермяцкого края. После него книги на коми-пермяцком языке долго не выходили.

В 70-е годы XIX века поднимается новая волна революционного движения в России, в которой участвуют и народы нерусской национальности. Они требуют поднять культуру, открыть школы, где бы обучение шло на родном языке. В ногу с ними идет и передовая интеллигенция коми-пермяцкого народа. В эти годы на коми-пермяцком языке выходят книги религиозного содержания. Это были переводы Я. Шестакова и И. Седегова, учащихся Казанской духовной академии.

В 1894 году в Перми как приложение к «Адрес-календарю Пермской губернии» печатается первый букварь для коми ребят «Выддемь пермякъ-понда» («Букварь для читателя-пермяка») Ермолая Евдокимовича Попова, учителя Кудымкарского мужского двухклассного училища. В нем впервые были записаны элементарные правила грамматики языка народа, не имевшего своей письменности. Второе издание букваря вышло в Казани в 1904 году. Обе книги написаны на кудымкарско-иньвенском диалекте и явились важной вехой в развитии культуры коми-пермяцкого народа.

В начале XX столетия выпускник Казанской учительской семинарии, учитель Чазевской школы (ныне Косинский район) К. М. Мошегов перевел на коми-пермяцкий язык басни И. А. Крылова и «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, а в 1908—1909 годах напечатал «Букварь» и «Книгу для чтения». Имя этого человека заслуживает большого внимания: он проводил археологические раскоп-

ки, изучал свадебные обряды, сказания, легенды, мечтал писать об устном народном творчестве и истории коми-пермяцкого народа, но в 1937 году был репрессирован.

После первой русской революции 1905—1907 годов поднимает голову великодержавный шовинизм. И до Октябрьской революции на коми-пермяцком языке не вышла больше ни одна книга, хотя думы, желания передовой коми-пермяцкой интеллигенции не изменились. С 1917 года наступила новая эпоха и в жизни коми-пермяцкого народа, пробудившая огромное стремление его к сознательной, творческой и активной жизни, страстное желание идти в ногу со всеми народами страны.

Ни одна проблема строительства жизни не могла успешно решиться без всестороннего подъема культуры трудящихся. Ликвидация хозяйственной и культурной отсталости округа, развитие просвещения народа, обучение взрослых и детей — эти вопросы необходимо было решать незамедлительно. Положение осложнялось отсутствием учебных пособий и литературы. Требовалось как можно быстрее издать учебники для школ на коми языке. Таким образом, настала необходимость создания коми-пермяцкой письменности и коми-пермяцкой литературы и литературного языка. Эти вопросы ставились на съезде работников просвещения в 1921 году и на I съезде культурных сил Коми-Пермяцкого края в 1923 году.

В 1922—1923 годах изданы первые литературные сборники на коми-пермяцком языке: «Лымдорчача» («Подснежник»), «Дзульзян кай» («Певчая птица»), «Горадзуль» («Звонкий шар»). Это были первые ласточки в коми-пермяцкой литературе, с них началось ее развитие. Практически ее самостоятельный литературный язык стал развиваться только после февраля 1925 года, когда образовался национальный округ, а затем начала выходить газета «Горись» («Пахарь»).

За первое десятилетие существования округа (1925—1935) было обучено 43 369 неграмотных и более 21 000 малограмотных. За активную борьбу против темноты и отсталости округу было присуждено переходящее Красное знамя Уральской области. В этой победе большая заслуга и коллектива Кудымкарского педагогического училища, старейшего учебного заведения в округе, открытого в 1927 году.

За 63 года существования Кудымкарское педучилище подготовило 8044 специалиста народного образования: учи-

телей начальных классов, старших пионерских вожатых, воспитателей дошкольных учреждений. В 1975 году училище было награждено Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, а в 1977 году — орденом «Знак Почета».

С самого основания педучилища ведущие преподаватели коми-пермяцкого языка и литературы принимали активнейшее участие в разработке программ, составлении учебников, методических пособий по родному языку как для начальной школы, так и для старших классов и внесли значительный вклад в развитие коми-пермяцкого языка и литературы.

В 1928—1930 годах преподаватели А. Н. Зубов, М. П. Лихачев, Г. А. Нечаев составили первые учебники по родному языку для учащихся национальной школы и школ малограмотных.

Андрей Никифорович Зубов (литературный псевдоним Питю Онъб), возвратившись на родину в 1922 году после окончания Сыктывкарского коми института, занимался литературной деятельностью и научной разработкой вопросов родного языка. При его участии составлены учебники родного языка для всех классов начальной школы, разрабатывались орфография и терминология коми-пермяцкого языка, началась работа по изучению устного поэтического творчества коми-пермяцкого народа. Андрей Никифорович писал стихи, в 1933 году закончил поэму «Виль туй вылёт» («По новому пути»), а через два года выпустил сборник сказок на коми-пермяцком языке.

Грамотный, культурный, интеллигентный, талантливый преподаватель, А. Н. Зубов был душой коллектива преподавателей и учащихся. Он замечательно пел, был актером. Вместе с А. А. Будриным, преподавателем пения, организовал ученический хор, драмкружок; последний часто выступал с концертами перед учащимися педучилища и населением города Кудымкара. Пьеса А. Н. Зубова «Пемыт ой пырьёт» («Сквозь тьму») несколько раз ставилась в Кудымкаре, а в 1937 году Коми-Пермяцкий театр имени М. Горького показал ее на олимпиаде уральских народов в Свердловске. «Пемыт ой пырьёт» — первая пьеса, написанная на языке коми-пермяцкого народа. Она показывает жизнь коми-пермяцкой деревни.

Активным участником перестройки жизни коми-пермяцкого народа был Михаил Павлович Лихачев. С самого начала своей общественной деятельности он изучал на-

родный язык, собирал коми-пермяцкий фольклор. В 20-е годы под его руководством организовывались «коми рыт-тэз» («коми вечера»). Это были своего рода концерты-лекции, на которых читались популярные лекции об истории коми-пермяцкого народа и о роли родного языка, исполнялись песни на родном языке, декламировались стихи, ставились инсценировки — одним словом, выступали участники самодеятельных кружков. М. П. Лихачев первый начал собирать стихи, песни, пословицы, поговорки, рассказы, которые были помещены в литературно-художественных сборниках. Он классик коми-пермяцкой литературы. Его многочисленные произведения (стихи, рассказы, повести) заложили основы коми-пермяцкого литературного языка и художественной литературы. Расцвет его творчества приходится на 1927—1937 годы. В это время вышли его сборники стихов «Медодзза петассэз» («Первые всходы»), «Быдмам и ёнмам» («Растем и крепнем»), «Межатом ыб дорын» («У поля без межи»), «Зарни луннэз» («Золотые дни»), поэма «Козинтӧг» («Без приданого»), рассказ «Виль туйӧт» («По новому пути»), повесть «Менам зон» («Мой сын»). Этот талантливый и исключительно продуктивный литературный работник энергично собирал материал для новых произведений. Так же многогранна деятельность Лихачева как автора учебников для коми-пермяцких школ. Еще работая учителем Егвинской начальной школы, он пишет книгу «Шонд югӧр» («Луч солнца»), позже издает букварь «Мича асыв» («Ясное утро»), букварь для взрослых «Виль олаллань» («К новой жизни»), орфографические упражнения для школ малограмотных, книгу для чтения первоклассникам, хрестоматию по литературе для начальной школы, для учащихся четвертого и пятого года обучения, плакат-азбуку на коми-пермяцком языке и др. У него были большие творческие замыслы, но претворить их ему не удалось: его жизнь была оборвана в 1937 году.

Дело, начатое А. Н. Зубовым и М. П. Лихачевым, в 30-е годы продолжила учительница опорной школы Анна Трофимовна Мошегова. Ей было предложено переработать букварь С. Ф. Грибанова, т. к. в 1931 году коми-пермяцкая азбука перешла на латинизированный шрифт. Дело было кропотливое, требовало большого напряжения, но время диктовало жесткие сроки, и необходимо было в них уложиться. С тех пор «Букварь» Мошеговой с некоторыми дополнениями и изменениями переиздавался 21 раз.

В конце 30-х годов для народов страны появилась необ-

ходимость создания массовой письменности и новых алфавитов на единой графической основе. Латинизированный шрифт не соответствовал перспективам развития межнациональных отношений. Разработкой нового алфавита в округе занималась специально созданная комиссия, выезжавшая в марте 1938 года в Ленинградский институт языка и мышления. Там под руководством ученого И. И. Майшева был подготовлен проект алфавита для коми-пермяков на русской графической основе. Новый алфавит был утвержден 7 августа 1938 года и оформлен в своде правил орфографии.

В 50—60-е годы пропагандой родного языка, разработкой вопросов литературы, изданием новых книг для национальной школы занимались преподаватели коми-пермяцкого языка и литературы Анна Михайловна Спорова, Зоя Васильевна Распопова и преподаватель русского и родного языков и литературы Галина Андреевна Калина.

А. М. Спорова была приглашена в училище как учитель-практик, имеющий большой опыт работы с малышами и учащимися старших классов, как автор многих учебников для начальной школы. 14 различных изданий имеют на обложке фамилию — А. М. Спорова. Это учебники по родному языку для 5—7-х классов, сборники диктантов, «Русско-коми-пермяцкий словарь», «Методика обучения коми-пермяцкому языку в начальной школе», «Букварь для школ грамоты», сборники коми-пермяцких сказок и учебники русского языка для коми-пермяцких школ. Ею переведены на коми-пермяцкий язык «Капитанская дочка», «Сказка о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина, «Степан Халтурин» В. Гроссмана, «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя. Драматический кружок, организованный А. М. Споровой и З. В. Распоповой, успешно ставил некоторые из этих произведений на коми языке в педучилище, лесном техникуме, окружной библиотеке и в нескольких пригородных деревнях. Член кружка Ира Аксенова впоследствии закончила Ленинградское театральное училище, стала актрисой.

В совершенстве зная коми-пермяцкий язык, его грамматику, с 1943 года систематически участвует в рецензировании учебников и учебных пособий по коми-пермяцкому языку и в составлении программ и учебников для школы и педучилища Зоя Васильевна Распопова. В течение 45 лет творческой работы в соавторстве с А. М. Споровой, Г. А. Калиной, М. П. Караваевой, Н. А. Красиковой,

Е. В. Ботевой издано 16 книг: учебники грамматики коми-пермяцкого языка для 5—6-х классов и педучилища, хрестоматия по родной литературе для 7-го класса, книги для чтения «Мича асыв» («Ясное утро») и «Миян Родина» («Наша Родина»), книга для внеклассного чтения «Виль олан» («Новая жизнь»), сборник коми-пермяцких сказок, учебники по русскому языку и чтению для национальной начальной школы и 5—7-х классов.

З. В. Распопова вела большую внеклассную работу с учащимися. С 30-х годов систематически в училище работал литературно-творческий кружок. В нем участвовали учащиеся, которые увлекались коми-пермяцкой поэзией и пробовали свои силы на этом поприще. Руководили кружком преподаватели коми-пермяцкого языка и литературы М. П. Лихачев, А. М. Спорова, З. В. Распопова, Г. И. Немтинова и поэт М. Д. Вавилин, в годы учебы в училище посещавший занятия этого кружка и впоследствии ставший одним из лучших поэтов-лириков в коми-пермяцкой литературе. На заседаниях кружка обсуждались вопросы теории стихосложения, устраивались встречи с коми-пермяцкими поэтами и писателями, знакомились с их лучшими произведениями, собирали коми-пермяцкий фольклор, произведения А. Н. Зубова и М. П. Лихачева, реабилитированных в 60-е годы, готовились к торжественным вечерам, сочиняли стихи. В кружке под руководством З. В. Распоповой издавался рукописный журнал «Миян творчество» («Наше творчество»). Кружок способствовал зарождению поэтического таланта таких известных коми-пермяцких поэтов, как М. Вавилин, В. Климов, И. Гагарин и др.

Без малого 40 лет отдала народному просвещению округа Г. А. Калина. Не одно поколение детей национальных школ округа и учащихся педучилища учились и учатся по ее учебникам и работают по методическим разработкам. Требовательный, квалифицированный преподаватель, прекрасно знающий свой предмет, владеющий методикой преподавания русского и родного языков, Г. А. Калина с первых же лет работы в педучилище включилась в работу по составлению программ и учебников по родному и русскому языкам для коми-пермяцких школ. Она является автором и соавтором 14 учебников.

С 1960 года, после окончания Пермского пединститута, преподавателем родного и русского языков и литературы работает автор статьи, ученица А. М. Споровой и Г. А. Калиной. Сразу же была привлечена к рецензированию учеб-

ников, методик по обучению родному языку, программ, статей, сборников диктантов. В соавторстве с А. Т. Мошеговой выпущен учебник грамматики для 3-го класса и «Букварь», составленный по принципу частотности букв в родном языке. На Всероссийском конкурсе «Искусство книги» в 1977 году «Букварю» на коми-пермяцком языке было присуждено первое место, на Всесоюзном конкурсе — второе, а на Международной книжной ярмарке в Лейпциге — бронзовая медаль! Характерной особенностью работы над учебниками и учебными пособиями в настоящее время является выпуск учебно-методических комплектов для каждого класса начальной школы. Например, для учащихся 1-го класса (шестилеток) Г. И. Немтинова и Л. Ф. Боталова составили «Букварь», для уроков письма — «Прописи», для внеклассного чтения — «Ми лыддьётам» («Мы читаем»), картинную азбуку.

Большую помощь в издании учебников для школ всегда оказывали работники Коми-Пермяцкого отделения Пермского книжного издательства: С. Ф. Грибанов, З. А. Тетюева, Т. З. Кривошекова, Ф. В. Яркова, В. В. Климов, М. Д. Вавилин.

Из среды коми-пермяков вышло более 60 ученых, в том числе пять — по коми-пермяцкому языку и литературе. Трое из них являются выпускниками педучилища: А. С. Кривошекова-Гантман, доцент Пермского пединститута, Р. М. Боталова, кандидат филологических наук, сотрудник Института языкознания АН СССР, В. В. Пахорукова, кандидат филологических наук, преподаватель Сыктывкарского университета. Они оказывают ощутимую помощь в творческой работе над учебниками по коми-пермяцкому языку.

Понимая задачи становления национальной школы, преподаватели педучилища, методисты, авторы учебников видели, какое место должен занимать родной язык в обучении и воспитании детей. Их труд в этом направлении очень велик. Он высоко отмечен правительством. А. Т. Мошегова, А. М. Спорова, З. В. Распопова, Г. А. Калина, Г. И. Немтинова награждены знаком «Отличник народного просвещения» и медалью «Ветеран труда». Г. А. Калина и А. М. Спорова имеют медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Труд З. В. Распоповой и А. М. Споровой отмечен также медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а в 1969 году

З. В. Распопова первая в Пермской области награждена медалью Н. К. Крупской.

В 70-е годы, в связи с развитием двуязычия, многие национальные школы в округе были закрыты, обучение велось на русском языке. Дети и их родители стали отказываться от национальных школ, мотивируя, что «с коми-пермяцким языком только до Ракшино уедешь» (Ракшино — деревня на границе округа). Закрыты национальные школы в Гайнском и Косинском районах. Дети посещают 131 школу, но ни в одной из них нет преподавания на родном языке. В Кудымкаре нет ни одного национального класса. Коми-пермяцкий язык и литература изучаются только в педучилище. Здесь часто устраиваются встречи с коми-пермяцкими поэтами и писателями, на которых учащиеся знакомятся с новыми стихами и планами писателей на будущее. На занятиях университета культуры читаются лекции о развитии письменности коми-пермяцкого языка, о творчестве писателей.

В середине 80-х годов остро встал вопрос о развитии национальных языков, литературы и культуры народов на национальной основе. Первым шагом этой работы в Кудымкаре явилось открытие Научного центра по изучению языка, литературы и культуры коми-пермяцкого народа. Центр еще совсем молод, и говорить о результатах его работы рано. Ясно одно: процесс обновления национальной школы потребует не один год кропотливой работы.

Историки XIX века отмечали, что Коми-Пермяцкий край — это отсталая окраина царской России, «тюрьма без решеток». Сегодня мы считаем, что живем в центре России, т. к. чувствуем постоянную помощь братских народов. Годы жизни при Советской власти для коми-пермяков по успехам в развитии народного образования и культуры равны тысячелетиям. Но успокаиваться на достигнутом нельзя. Впереди трудная работа по совершенствованию и реорганизации школьного и профессионально-технического обучения. Требуется новых форм и подходов и методика преподавания национального языка и литературы. Верится, однако, учитывая большой опыт и энтузиазм маленького в масштабе страны народа, что ему по плечу решать любые проблемы и достичь в любой сфере ощутимых результатов.

**III
ЭХО
ДАЛЕКИХ
ЛЕТ**

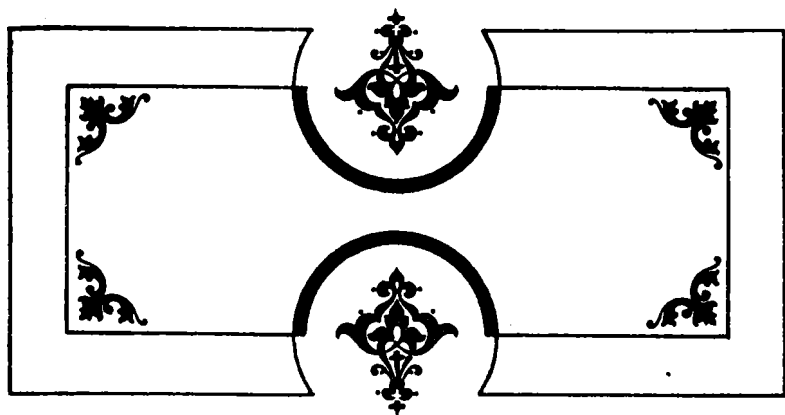
В. Мухин. Уральские крепостные и легенда о «Беловодье»

И. Сергеев. Камский Китеж

И. Мюллер. Пути через Уральские горы

Л. Рафиенко. Памятники старой Мотовилихи

Л. Перескоков. Роль Пермских пушечных заводов в вооружении армии и флота на рубеже веков

В. В. Мухин

Уральские крепостные и легенда о «Беловодье»

В жизни русского крестьянства и других слоев зависимого населения до отмены крепостного права бегство было своеобразной формой социального протеста. Беглые порой скрывались в сравнительной близости к своим селениям, но часто уходили и в отдаленные места, преимущественно на окраины государства — на Нижнюю Волгу, Кавказ, в Сибирь и т. д.

Историк К. В. Чистов писал: «Одной из важнейших особенностей русской истории периода феодализма являлось то, что классовые противоречия на Руси развивались в условиях постоянного наличия резервных пространств». Это вместе со стремлением народных масс избавиться от феодального гнета породило легенды о привольных, свободных от какого-либо гнета землях, на которых беглецы ведут счастливую жизнь («Даурская земляца», «Город Игната», «Река Дарья» и др.). Но особое распространение получила легенда о «Беловодье» — таинственной землеца, лежащей далеко на Востоке, — имевшая широкое хождение среди народа в XIX столетии. Многократно предприни-

мались попытки отыскать эту страну всеобщего равенства и счастья¹.

В народной среде широко были распространены «путешественники» — своеобразные путеводители в этот таинственный край. Причем начальные этапы пути имели совершенно реальный характер: они вели через Западную Сибирь на Алтай, дальнейшая же дорога приобретала в трактовке «путешественников» все более легендарный и фантастический характер. Объяснение этому, по-видимому, следует искать в том, что именно на Алтае, в долине реки Бухтармы, во второй половине XVIII века находились поселения беглых людей — «каменщиков» (название происходит от слова «камень» — горы), живших «вольно» за пределами тогдашней русской границы. Это немало способствовало утверждению легенды о «Беловодье» и других «вольных землях». «По глубокому убеждению многих русских крестьян, именно на Бухтарме помещалась легендарная страна крестьянской утопии — «Беловодье», — писал исследователь этого вопроса Н. Н. Покровский².

Бегство в первой половине XIX века занимало немалое место и в социальной борьбе уральских крепостных³. Многие из них также бежали в Сибирь.

В 30—40-е годы XIX века в Западную Сибирь направлялся широкий поток беглых крепостных рабочих со Всеволодоблагодатских золотых промыслов заводчиков Всеволожских, находившихся на севере современной Свердловской области, куда они в широком масштабе переводились с прикамских заводов и вотчин этих магнатов. В 1831 году беглые мастеровые с этих промыслов А. Соунов, Е. Запольских, Н. Чернецов и др. были пойманы в Пелымской волости, позже в ряде городов Тобольской губернии были схвачены проживавшие там под чужими фамилиями Я. Чернопазов, И. Якимов, Н. Мехоношин, А. Шавшуков и другие беглые. Всеволожские в это время даже имели специального агента в Тобольске, занимавшегося сыском и опознанием беглых, получавшего, кроме

¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. — М., 1967. — С. 237—240, 290—306.

² Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. — Новосибирск, 1974. — С. 323—329.

³ Мухин В. В. Бегство как форма социального сопротивления горнозаводского населения Урала в первой половине XIX века // На Западном Урале. — Пермь, 1969.

жалованья, еще и сдельную плату — по 1 руб. за каждого возвращенного беглеца⁴.

В списке беглых крепостных уральских вотчин Строгановых, насчитывающем 203 фамилии бежавших в 1848—1853 годах, числятся крестьяне села Верх-Юсьвинского Д. Чирков, П. Мокрушин и Г. Пигалев, бежавшие вместе с семьями и пойманные в Томской губернии. Крестьянин села Сепычевского И. Мезенцев был схвачен в Канском уезде этой же губернии, а члены его семьи, бежавшие вместе с ним (жена и два брата), — в Тарском уезде Тобольской губернии. Из 38 беглых, пойманных в 1853 году, 30 были обнаружены в Сибири⁵.

В январе 1848 года главный начальник уральских заводов В. А. Глинка получил уведомление от строгановского правления о том, что большая группа крепостных крестьян разных сел бежала в Сибирь «для поселения там на местах свободных», с просьбой приказать горной полиции схватить их при проезде через Екатеринбург или другие заводы. Эти крестьяне были намерены двигаться в Сибирь «с семействами их на переменных лошадях в больших фургонах и кибитках и хотя будут иметь билеты на гербовой бумаге, но фальшивые, не с настоящими их именами, но с выдуманными». Екатеринбургская полиция не сумела обнаружить указанных в списке беглецов, но арестовала с фальшивыми паспортами крепостных Строгановых М. Волегова и П. Мельницына⁶.

На основании имеющихся источников весьма трудно точно определить, насколько привлекательной для всех этих конкретных беглецов была «беловодская» легенда, но, несомненно, она играла важную роль в стимулировании того потока беглых, который шел с Урала в Сибирь в первой половине XIX столетия. Остается фактом и то, что в 30—40-е годы на Алтае задерживали много жителей Урала, шедших в «Беловодье»⁷.

На Урале в это же время имела распространение своя местная легенда о вольной и счастливой жизни беглых в одном из глухих уголков края. Она имела и свою специфически уральскую окраску: тема вольной жизни тесно спле-

⁴ ГАСО, ф. 12, оп. 3, д. 1, л. 50; ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 682, л. 1—3.

⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 1477, л. 16, 24—24 об.

⁶ ГАСО, ф. 24, оп. 3, д. 6207, л. 1.

⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. — С. 251.

талась в ней с темой тайной добычи горных богатств — золота и серебра. Впервые эта легенда была зафиксирована в литературе известным в то время на Урале горным инженером штабс-капитаном Банниковым, опубликовавшим в 1837 году в «Горном журнале» статью «Чердынские серебряные рудники».

Банников писал не об одной, а о двух тесно переплетающихся легендах. Одна, о которой среди мастеровых Богословских заводов «до сих пор сохранилась молва», говорила о том, что известный уральский заводчик XVIII века М. М. Походяшин, хозяин Богословских заводов, тайно добывал на Северном Урале серебро, но, предупрежденный своим другом сибирским губернатором Д. И. Чичериным о сделанном на него доносе (в России до 1812 года добыча драгоценных металлов была монополией государства), приказал прекратить добычу и уничтожить ее следы. Это типичная уральская легенда о тайных богатствах, очень напоминающая легенду о демидовском серебре⁸.

Интереснее другая легенда. Банников писал, что «молва... выдает за непреложную истину, будто и ныне еще некоторые из жителей Чердыни по мере своих сил разрабатывают серебряную руду; будто даже обогащение этих некоторых жителей есть прямое следствие разработки руд», что распространенными являются слухи о том, что этим занимаются беглые, преимущественно раскольники, живущие в глухих уголках Чердынского края, которые «в течение многих годов» избегают преследования со стороны «исправников, станowych и других властей»⁹.

Инженер сделал предположение, что этими тайными рудниками являются древние серебряные рудники, находившиеся в Чердынском крае, якобы найденные еще в 1492 году рудознатоками А. Петровым и В. Болтиным, посланными Иваном III, вновь отысканные людьми Походяшина в XVIII веке, заброшенные и вновь отысканные беглыми¹⁰.

Таким образом, Банников подтверждает существование в 30-х годах XIX века слухов о существовании в Чердынском крае и тайных поселений беглых.

⁸ Банников. Чердынские серебряные рудники // Горный журнал. — 1837. — Кн. 7. — С. 64.

⁹ Там же. — С. 69.

¹⁰ Там же. — С. 56—57, 67, 69.

В ГАСО хранится интересное дело, посвященное этому же сюжету, относящееся к 50-м годам XIX века (ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 225). Из него видно, что крестьянин села Ильинского Аммос Матвеевич Поносов, крепостной Н. П. Строгановой, «по случаю побега из разных сел имени графини Строгановой нескольких человек крестьян, принадлежащих к раскольничьей секте», был послан строгановской администрацией «для тайного разведывания о месте укрывательства сих беглецов». «Разыскивая их, — доносил Поносов, — я открыл убежище не только сих беглецов... но и других бродяг. Все они скрываются в Чердынском уезде в дремучих лесах между селением Ныробским и рекою Луньей, в расстоянии от этого селения примерно в 200 верстах, близ Вологодской границы (т. е. границы Вологодской губернии. — В. М.). Там беглецы сии занимаются, как я лично видел, разработкою золотых и серебряных руд, имеют небольшое хлебопашество, и устроено ими несколько скитов. Людей сих будет, по моему соображению, не менее 100 человек — все бродяги. Узнал я об этом достоверно посредством тайных сношений с некоторыми из них, выдавая себя притворно за беглого раскольника». Далее Поносов показал, что эти руды весьма богаты, «золото и серебро беглые сбывают чердынским жителям, которые и пропитывают их»; что, возможно, чердынская земская полиция оказывает покровительство беглым, «оставляя их без преследования целые годы»; что «многие из укрывающихся в Чердынском уезде беглецов имеют с нашими мужиками (т. е. строгановскими крепостными. — В. М.) сношения»¹¹.

Несколько ранее тот же Поносов в Чердынском земском суде показал, что беглые крепостные, как узнал он от крестьянина села Бондюг Степана Карлова, «проживают в верховьях реки Кимшеры (Тимшера. — В. М.) на Красной горке, построив для занятия хлебопашеством дома, где с ними находится на жительстве беглецов до 30 человек», что «на реке Пильве выше Белого Камня на месте, где прежде находился чудской завод, имеется серебряная руда, которая добывается проживающими там крестьянами»¹².

В апреле 1853 года А. М. Поносов был доставлен Бондюжским сельским правлением в Чердынский земский суд

¹¹ ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 225, л. 1—200.

¹² Там же, л. 14—14 об.

с просроченным отпускным билетом и списком беглых, допрошен там и пообещал показать тайные поселения, но сбежал из Чердыни, был пойман в Соликамском уезде и посажен в Чердынскую тюрьму. В конечном итоге он был выслан по этапу в строгановское правление с предписанием, чтобы он, как человек, склонный к ложным доносам, «не был употребляем ни к каким розыскам». Строгановское правление, видимо в порядке наказания, отправило его летом 1855 года на рубку дров для Билимбаевского завода¹³.

Пользуясь близостью этого завода к Екатеринбург, А. М. Поносов в августе 1855 года подал донесение главному начальнику уральских заводов В. А. Глинке, чтобы «оказать услугу открытием золотых и серебряных руд». По-видимому, это было сделано для того, чтобы избавиться от тяжелых лесных работ.

После допроса Поносова в горном правлении В. А. Глинка распорядился послать с Поносовым для розыска руд в Чердынский уезд горного инженера поручика Кашкуля. В декабре 1855 года, побывав в Чердыни и, по указанию Поносова, в селах Коса, Гайны, Вильгорт и Ныроби, экспедиция безрезультатно вернулась в Екатеринбург, не обнаружив никаких месторождений. В результате этой поездки Кашкуль пришел к выводу, что по геологическому строению месторождений серебра в Чердынском уезде вообще быть не может. Сам Поносов во время этой поездки бежал от Кашкуля, был снова пойман и посажен в тюрьму, а затем выслан на место жительства¹⁴.

Важна не судьба незадачливого строгановского сыщика Аммоса Поносова и его довольно странное поведение, а другое: из его дела ясно, что и в 50-е годы XIX века в Прикамье упорно циркулировали слухи о существовании поселений беглых крестьян в глухих уголках Чердынского уезда, живших там «вольной жизнью», не подчинявшихся никаким властям и, возможно, занимавшихся добычей горных богатств (во второй половине столетия в уезде были найдены небольшие месторождения россыпного золота). Ясно, что эти островки «вольной жизни» были притягательны для строгановских крепостных и части тех беглых, которые пробирались по старой Вишерской дороге через

¹³ ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 225, л. 14—14 об.

¹⁴ Там же, л. 1—2, 14—15.

Урал со Всеволодоблагодатских золотых промыслов Всеволожских и с казенных Богословских заводов¹⁵.

Таким образом, мы вправе утверждать, что легенды о счастливой жизни на землях, свободных от социального угнетения, в частности легенда о «Беловодье», имели в первой половине XIX века определенное распространение на Урале и, по всей вероятности, служили определенным стимулом для бегства крепостных в Сибирь. Вместе с тем в 30—50-х годах XIX столетия в крае была распространена и местная легенда о существовании такого островка вольности в глухих чердынских лесах, где существовало одно или несколько тайных поселений беглых. Это, без сомнения, также активизировало в какой-то мере бегство крепостных Прикамья.

И. С. Сергеев

Камский Китеж

В горьковском лесном Заволжье бытует легенда о граде Китеже, опустившемся на дно озера Светлояр. А жители нашего Верхнекамья готовы рассказать не легенду, а быль о своем граде Дедюхине, ушедшем на дно реки Камы. Легендарный Китеж и существовавший веками Дедюхин разделили одну судьбу.

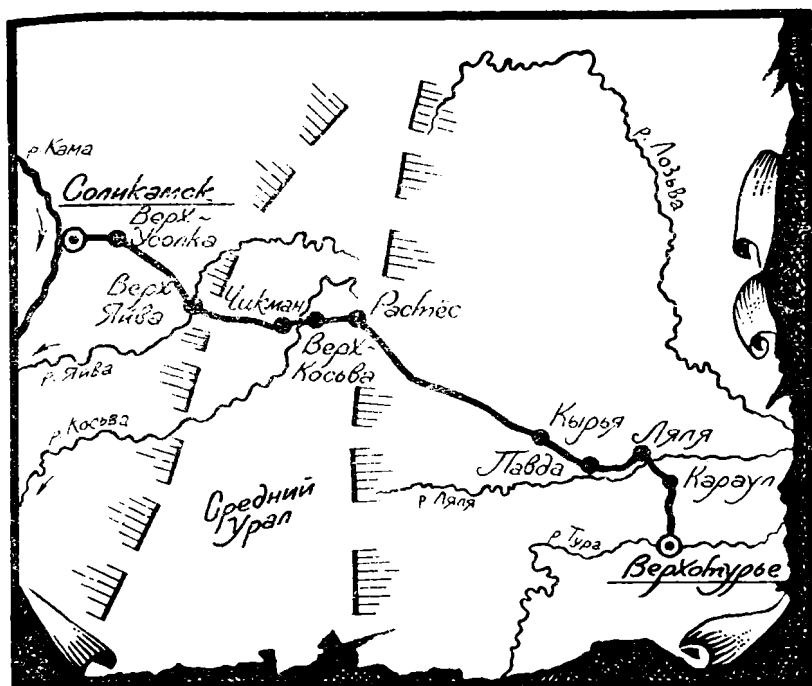
Эти мысли родились у меня при встрече с книгой Дмитрия Петухова «Горный город Дедюхин и окольные местности», изданной в Петербурге в 1864 году. Более двухсот страниц текста на бумаге, которая за 125 лет почти не пожелтела. Четкая печать. Разнообразное, интересное содержание. Чувствуется, книгу писал человек, любивший и знавший свой неповторимый Дедюхин.

Автор знакомит с историей Дедюхина. Подобно Усолю, Ленве, Соликамску, город был рожден природными соляными рассолами, построенными варницами. Он родился у соли и некоторое время назывался Рождественским Усольем, в отличие от Камского Усолья (Соликамска) и Нового Усолья (Усолья).

¹⁵ Мухин В. В. Некоторые связи Чердынского уезда с горнозаводским хозяйством Урала во второй половине XVIII — первой половине XIX веков // Из истории Чердынского края. — Пермь, 1974.

Г. И. Немтинова с учащимися
в кабинете родного языка

Бабиновская дорога

Солеварение и обслуга его составляли основное занятие жителей Дедюхина. Понятно, почему в книге Петухова только три страницы посвящены хлебопашеству. Хлеб дедюхинцы покупали (на соль все можно было купить).

Дедюхин, все более развивавшийся как город, с XVII века стал давать стране соль-пермянку. Ранней весной, по высокой, быстрой воде, уходили отсюда на Волгу суда, груженные солью.

Автор рассказывает, каковы природные условия жизни в прикамском городе, как эти условия меняются по временам года, чем питаются жители Дедюхина, что одевают и обувают. Много говорится о досуге дедюхинцев. 20 страниц посвящены играм, 43 страницы — свадебным обрядам, относительно много, 15 страниц, — знахарству и колдовству. Автор, дедюхинский врач середины прошлого века, хорошо знал, какие помехи в медицинском обслуживании жителей чинили ему знахари. Книга щедро насыщена этнографическим материалом.

Уроженец Дедюхина краевед-историк Александр Алексеевич Дмитриев (1854—1902) в своем труде «Пермская старина» очень лестно отозвался о книге Дмитрия Петухова, назвав ее энциклопедией жизни горного города Дедюхина.

С развитием добычи соли на поволжском озере Баскунчак соляное дело на Верхней Каме, в том числе в Дедюхине, пошло на убыль. Хотя соль Верхнекамья добывалась дешевым трудом крепостных, которые беспощадно эксплуатировались, она была выварочной, для получения ее требовалось много топлива. Упадок солеварения, конечно, сказался на самом городе. После Октябрьской революции город Дедюхин был «разжалован» в поселок.

В 1932 году Дедюхин вошел в состав образованного на Верхней Каме города Березники.

В 1956 году, с подъемом воды в Камском водохранилище еще на восемь метров, территория Дедюхина ушла под воду. К полному затоплению ее освободили от строений.

Интересно отметить, что появлению книги Дмитрия Петухова о горном (заштатном) городе Дедюхине предшествовала статья врача Петухова об этом городе, опубликованная в 1863 году в «Записках Русского географического общества». Нельзя не помнить и о том, что исчезнувший с лица уральской земли Дедюхин явился родиной многих замечательных людей Пермского края.

Назовем в качестве примера одно имя. Родом из Дедюхина врач Елена Ивановна Карнаухова, поборница развития женского медицинского образования в России. В 1896 году она окончила Пермскую женскую гимназию, в 1908 году — женский медицинский институт в Петербурге. Восемь лет работала земским участковым врачом в Пермском уезде. В 1916 году была приглашена на работу в Пермский бактериологический институт (ныне НПО «Биомед») и проработала в нем более сорока лет. В 1935 году, по совокупности выполненных научных работ, без защиты диссертации, Елене Ивановне Карнауховой была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук. Е. И. Карнаухова была удостоена почетного звания «Заслуженный врач РСФСР».

И. Л. Мюллер

Пути через Уральские горы

Русские люди стали заселять Северное Прикамье, впоследствии получившее название Пермь Великая, еще в XI веке. Это были переселенцы с Двинских земель Великого Новгорода — сильного северного славянского государства. По мере освоения Северного Прикамья русскими его земли были присоединены к Великому Новгороду.

Когда в XIV веке значение Новгорода стало утрачиваться и на политическую арену вышло Московское государство, московские князья стали интересоваться и Северным Прикамьем. Их привлекали сюда не только богатства пермской земли — пушнина, соль, «закамское серебро». Москва преследовала и политические цели: присоединение Перми Великой помогло ей в борьбе с Казанским ханством. Через Прикамье открывался путь за Урал — в Сибирь.

Законодательно переход Перми Великой под власть Москвы был подтвержден в 1471 году, когда новгородское вече дало Москве отступную грамоту на Двинские и Пермские земли.

Центром Перми Великой до 1535 года было село Покча, а в 1535 году центр ее переместился в Чердынь, город на Колве, притоке Вишеры. До прихода русских Пермь Великая была заселена коми-пермяками, удмуртами, ман-

си. Русские землепашцы принесли сюда новые занятия, обычаи, культуру. Аборигены увидели в русских своих защитников от набегов кочевников из-за Уральских гор.

С 1558 года земли Северного Прикамья по щедрым царским грамотам Московского государства стали принадлежать Строгановым. При Строгановых значительно расширились связи Прикамья с Москвой. В целях обороны от кочевников из-за Урала создавались крепости — «городки» и «острожки».

Возникновение в Прикамье русских поселений влекло за собой и формирование дорожной сети. Основными транспортными путями в те времена были реки. Население селилось по берегам рек, и по рекам же шло основное общение между людьми. Во многих случаях русским помогали прокладывать дороги коренные жители, хорошо знающие родные места. Благодаря этому русские шагнули в новые, ранее неизвестные районы, в частности в Сибирь.

К концу XVII века русские знали уже семь основных путей через Урал в Сибирь. Это дороги Сось-Елецкая по Елецкому перевалу через Полярный Урал, где ныне действует самая северная в мире железная дорога Сейда (близ Воркуты) — Лабытнанги, Щугорская, Илычская, Чердынская, Бабиновская, Чусовская и Старая Казанская.

Наиболее известный на первых порах путь, связывавший Пермь Великую с Сибирью, проходил по рекам Вишере и Лозьве. Называли его Вишерско-Лозьвинским, или **Чердынским**. Путь, за незначительным исключением, был водный. Именно по нему в 1483 году проследовали в Сибирь дружины князя Федора Курбского и воеводы Салтыка Травина. Они были посланы царем Иваном III с целью пресечь набеги на Прикамье со стороны Пелымского княжества. Поднявшись вверх по Вишере и ее притоку Вёлсу, «судовая рать» преодолела горный волок и вышла на восточный склон Урала — к реке Толгуй. По ней ратники спустились до Пелымского городка, резиденции тамошнего князя. Там произошло главное сражение. Несмотря на большие трудности в пути, поход был совершен в очень короткие по тому времени сроки. Начался он в Вологде 9 мая 1483 года. Сражение на реке Пелым произошло 29 июня, а осенью (1 октября) «судовая рать» уже возвратилась в Устюг Великий. Воевода Салтык Травин вернулся в Вологду 9 ноября. Всего за полгода русские дру-

жинники проплыли на своих ладьях не менее 4,5 тыс. километров.

С того времени Вишерско-Лозьвинский путь стал для русских важнейшей дорогой через Урал в Сибирь.

Чрезвычайно трудно было подниматься по быстрой и извилистой Вишере, бегущей между обрывистыми берегами, образующей стремнины, перекаты, пороги. Чтобы течение не сносило суда вниз, корабельщики перекидывали веревки за стволы деревьев и подтягивались на них. Если деревьев у берега не было, то в дно реки вбивались сваи и на них заводились веревки.

Еще труднее было тащить ладьи и их грузы по 20-километровому волоку. Волок проходил на высоте около 800 метров над уровнем моря, где уже не леса, а горные тундры и каменные россыпи. Выводил он к верховьям Толгуя, притока Ивделя.

В начале существования этого пути корабельщики все делали своими силами. Позднее на волоке появились люди с лошадьми и подводками, которые за плату помогали передвигать суда и грузы.

Спустившись по Толгую и Ивделю, караван попадал на Лозьву. Первым и единственным здесь русским оплотом был построенный в 1558 году Лозьвинский городок. Обычно в нем зимовали караваны, приводились в порядок суда, изрядно потрепанные при перетаскивании по волоку. Весной, после вскрытия рек, продолжали путь уже в Сибири.

Лозьва несет свои воды на юго-восток, стремится отойти от восточного склона Урала, приняв справа несколько притоков, становится полноводной. Слившись с Южной Сосьвой, образует Тавду. Долог путь по Тавде, пока она впадет в Тобол. А отсюда путь на Тобольск, стольный город Сибири.

Путь по этому маршруту от Соли Камской до Тобольска составлял около 2 тыс. километров. Преодолеть его могли только могучие, отважные люди. Грузов становилось все больше. Доставка их занимала очень много времени. Сибирь в ту пору себя еще не кормила, жила за счет привозного продовольствия. В этих условиях потребовалось разведать новую дорогу через Урал в Сибирь, короче, надежнее и такую, чтобы она действовала круглый год.

В 1595 году царь Федор Иоаннович (сын Ивана Грозного) повелел посадскому человеку из Соликамска Артемию Софонову Бабинову разведать прямую сухопутную дорогу через Уральские горы для сообщения с Сибирью.

Артемий Бабинов был родом из деревни Верх-Усолка близ Соликамска. По сведениям старожилов, однажды около Чаньвенской пещеры он встретил вогулов (манси), которые приходили сюда из-за гор поклониться своим богам. Пещера на Чаньве почиталась у них святым местом. Бабинов тайно увязался за ними. Чтобы не терять тропу, заламывал ветки деревьев. Так прошел за Уральские горы. Затем доложил московскому правительству, что может провести прямую грунтовую дорогу, намного сокращающую расстояние между Солью Камской и Тюменью. Получив царское благоволение, Бабинов приступил к устройству дороги и в 1597 году вывел ее к реке Туре неподалеку от вогульского городища Нером-Кар.

От Соли Камской дорога шла на восток — юго-восток, вдоль рек Усолки и Сурмога, мимо верхнего течения Яйвы и ее притоков Чикмана и Молчана, далее по северному берегу реки Косьвы, мимо горы Косьвинский Камень, по притоку Косьвы — Кырье — через перевал Павдинского Камня на реку Павду — приток Ляли, и по левому берегу последней. Не доходя до устья речки Рассохи, дорога пересекала Лялю и направлялась к Мостовой, притоку Туры. Отсюда она поворачивала к устью речки Калачик и заканчивалась там, где вскоре был основан город Верхотурье.

Новый путь получил название новая сибирская Верхотурская дорога, но исторически за ним закрепилось название **Бабиновская дорога**. Этим народ отдал дань уважения первооткрывателю и строителю первой сухопутной дороги через Урал.

За выполненную работу царь пожаловал «Ортышке Бабинову» царскую грамоту. Она освобождала его от всяких податей и оброков. Кроме того, он получил пашню, сенные покосы и всякие угодыя по Яйве-реке, по новой дороге. Позднее Бабинов получил вторую жалованную грамоту — от Василия Шуйского. Действие этих грамот впоследствии подтвердил царь Михаил Романов.

Бабинов проложил дорогу в кратчайший срок. В его распоряжении были два целовальника и сорок пѣсошных людей. Они работали одними лопатами и топорами. На всю работу по прочистке трассы и устройству мостов ушло около двух лет. Был создан путь длиной 263 версты (около 280 километров).

Прокладка этой дороги явилась не только событием большой государственной важности, но и беспорным сви-

детельством незаурядных организаторских и инженерных способностей ее строителя — малограмотного крестьянина Бабинова. Новая дорога сразу стала важной транспортной артерией Восточной России. С открытием движения на ней утратил свое значение Вишерско-Лозьвинский путь.

Понятно, дорога, построенная за столь короткий срок через леса и болота, не могла быть совершенной: она была рассчитана на использование только в зимнюю пору. А весной поехали по ней воеводы, боярские дети и чуть было не утонули в грязи. Дорога оказалась совсем худой. «Заломамы по дороге великие, а многие мосты совсем снесло вешней водой. Сама дорога оказалась прочищенной узко, двум возкам не разъехаться», — жаловались царю воеводы.

Целовальники стали винить во всем «Ортышку», а он, в свою очередь, подал жалобу царю. Писал, что виноваты в плохой работе целовальники и посошные люди: они не слушались его указов.

Два года спустя после постройки дороги, 22 апреля 1599 года, царь Борис Годунов направил указ верхотурскому воеводе Василию Головину. В нем предписывалось благоустроить дорогу и поддерживать ее в надлежащем порядке. Опять послали целовальников и посошных людей. Вместе с ними отправился и Бабинов. Дорогу сделали лучше и шире прежнего.

С того времени Артемию Бабинову предписывалось «неоплошно и со всем тщанием» дорогу улучшать и ремонтировать. Сам он с семьей поселился в селении Чикман и вел крестьянский образ жизни. До конца своих дней занимался ремонтом дороги. В случае нужды поднимал местных крестьян, и те выходили ремонтировать Верхотурский тракт. Имеются сведения, что позднее Бабинов продолжил дорогу на восток и довел ее до Тюмени.

Для обеспечения нормального движения по Верхотурской дороге через каждые 20 верст строились ямы. Ям представлял собой казенную избу для отдыха проезжающих ямщиков, имел конюшню и складские помещения для хранения перевозимых товаров. Здесь можно было заночевать, накормить лошадей. В ямах велся учет всех проезжающих и их грузов. Все регистрировалось в подорожных книгах. Около ямов выросли села: Верхняя Усолка, Сурмог, Половодово, Верхняя Яйва, Чикман, Молчан, Верхняя Косьва, Растес, Кырья, Павда, Ляля и др. С годами

эти селения разрастались, в них строились специальные лабазы для длительного хранения грузов.

Бабиновской дорогой пользовались так, чтобы грузы, в первую очередь хлеб, доставить от Соликамска в Верхотурье до вскрытия рек. Переезд из Соликамска в Верхотурье зимой занимал 8—10 дней.

Позднее были предприняты попытки спрямить отдельные участки пути, по обеим сторонам от полотна дороги устраивались канавы, местами дорога подсыпалась щебнем или песком. Это позволяло ускорить передвижение по тракту. «Гоньба» (движение) стала не только зимней, но и летней.

Содержание дороги требовало средств и значительной рабочей силы. Поэтому правительство поощряло заселение этих мест. Окрестные крестьяне постоянно выполняли «ямские отпуска», т. е. дорожные повинности. А жители других волостей платили соликамскому воеводе крупные суммы на «ямскую гоньбу» по Бабиновской дороге.

За Верхней Яйвой, на другом берегу реки, находится деревня Махнево, еще дальше — Шубино, в 10 километрах от нее — Скопкартная, еще в пяти — Верхняя Березовка. Около старинной деревни Чикман дорога пересекает реку Чаньву и идет по ее правому берегу до впадения речки Молчан, в устье которой стоит деревня того же названия. Отсюда дорога направляется к верхнему течению реки Косьвы. Здесь находилось ямское село Верх-Косьва (большинство из названных деревень сейчас нежилые).

Верх-Косьва расположена на левом берегу реки, у подножья лесистой горы Дикарь-Камень. Географически это место примечательное. Здесь находится «полюс влажности» Европы. В среднем выпадает 840 миллиметров осадков в год (в славящемся своей сыростью Ленинграде выпадает в среднем только 550 миллиметров осадков).

Через 20 километров от Верх-Косьвы следующее ямское село — Растес. Оно находится уже в горах. Дальше дорога направляется на Павду. От нее ответвление на Кытлым. В районе Кытлыма подъем достигает своего максимума. На север от поселка выше всех взметнулся к небу Конжаковский Камень (1569 метров). Это высшая точка Северного Урала. К востоку от него находится скалистый гребень Серебряного Камня, к юго-западу — куполообразная вершина Тылайского Камня. На востоке и юго-востоке вытянулись скалистые гребни Васильевского и Сухогорско-

го Камней, горы Семичеловечьей, а на юге возвышается гора Колпак.

В том месте, где Бабиновская дорога подошла к Туре, в 1598 году и был основан город Верхотурье. Царь строго наказал воеводе Василию Головину поставить город и острог к весне 1599 года. В той же грамоте было указано: «Лозьвинскому городку впредь не быти, а быти ему разорену». Так год рождения Верхотурья стал годом кончины Лозьвинского городка.

Город Верхотурье быстро вырос в важный центр снабжения Сибири. В нем была учреждена таможня, и все проезжающие и «гуляющие» люди по дороге в Сибирь или обратно должны были платить десятипроцентную пошлину (от стоимости провозимых товаров) и брать проезжие грамоты. В 1600 году в Верхотурье был построен гостиный двор. Город стал крупным торговым центром.

Никто из Московии в Сибирь или обратно не мог миновать Верхотурье. В осеннюю распутицу 1653 года по Бабиновской дороге проследовал в ссылку глава раскольников мятежный протопоп Аввакум. В 1727 году по этой дороге проехал в березовскую ссылку низложенный «светлейший князь» А. Д. Меншиков с семьей. Здесь проезжали и ученые И. И. Лепехин, П. С. Паллас.

После постройки Бабиновской дороги царским указом было категорически запрещено ездить в Сибирь другими путями. Так было легче контролировать провоз товаров в Сибирь и в обратном направлении и легче взимать в государеву казну пошлину за провозимые грузы. Заметное значение имело и то, что к Сибири стали проявлять повышенный интерес иностранцы. Ограничение передвижения и таможенный контроль препятствовали проникновению их в восточные районы Российского государства.

С другой стороны, это запрещение тормозило развитие дорожного строительства и привело к тому, что даже известные прежде пути через Урал оказались практически заброшенными, не говоря уже о разведке и строительстве новых дорог, которые были запрещены на многие годы. К тому же этот запрет остановил географическое изучение громадной территории на тысячу километров к северу от дороги и на столько же к югу от нее. Богатства Уральского региона оставались неизученными и неиспользованными.

Верхотурская таможня просуществовала до 1753 года. Через десять лет была открыта новая дорога в Сибирь —

великий Сибирский тракт. Этот тракт проложили значительно южнее Бабиновской дороги. Основные грузопотоки устремились по нему. Оставшиеся в стороне Соликамск и Верхотурье утратили свое прежнее значение, а дорога, служившая людям более двух столетий, стала угасать.

Все товары из сибирских земель собирались в Екатеринбург, который к середине XVIII века стал крупнейшим торговым центром Зауралья. Из Екатеринбурга путь шел прямо на запад — через невысокие в средней части Уральского хребта горы, далее через Кунгур, Осу на Казань, из Казани — на Арзамас и Нижний Новгород, от Волги через Владимир — на Москву. Позднее на некоторых участках проводилось спрямление пути. Этот путь был значительно короче дороги через Соликамск — Верхотурье. Возрождение его стало возможным только после победы над Казанским ханством и присоединения его земель к Русскому государству.

По природным условиям резко выделялся участок пути, проходивший через Кунгурскую лесостепь — лесостепной остров в море темнохвойных лесов. Эта лесостепь находится в междуречье реки Сылвы и ее притока Ирени, представляет собой волнистую равнину. Почвы лесостепи в основном темноцветные, относительно богатые гумусом и, как следствие, выделяются повышенным естественным плодородием. Неудивительно, что за Кунгуром по обе стороны дороги раскинулись поля, занятые хлебами и кормовыми культурами.

Со второй половины XVIII века тракт стали обсаживать с обеих сторон березками в два ряда. На отдельных участках тракта эти березы сохранились до наших дней. Они стоят как немые свидетели всего, что происходило на Сибирском тракте в течение двухсот лет.

Сибирский тракт называют «дорогой слез». По нему направлялись большие партии уголовных преступников, а также политически неблагонадежных людей, противников царизма. Связанные одной веревкой или скованные цепями, они брели в Сибирь на каторгу. Пешее движение по тракту было очень изнурительным, на путь от Петербурга до Иркутска уходило до двух лет. Через каждые 25—30 верст были построены этапные тюрьмы, а в больших городах — Казани, Екатеринбурге, Тюмени, Ишиме, Омске и дальше на восток — массивные здания, которые назывались «конвойными ротами». Такое здание имелось и в Перми. В 1790 году здесь останавливался по дороге в

Якутию А. Н. Радищев. Через Пермские конвойные роты прошли в 1850 году петрашевцы и среди них Ф. М. Достоевский, а в 1864 году — Н. Г. Чернышевский. С августа 1826 года по Сибирскому тракту следовали в Сибирь декабристы. 121 участника выступления на Сенатской площади в столице сопровождала усиленная охрана. Вслед за декабристами проехали по тракту их мужественные жены — А. Г. Муравьева, М. Н. Волконская, Е. И. Трубецкая. Последовали туда же две юные француженки, почти не знавшие русского языка, — Камилла Дантю и Полина Гёбль, невесты декабристов В. П. Ивашева и И. А. Анненкова.

Было и другое движение по тракту. Так, летом 1870 года через Пермь по Сибирскому тракту промчалась карета, в которой под именем члена Русского географического общества Николая Любавина ехал выдающийся революционер Герман Лопатин, друг Карла Маркса, первый переводчик его «Капитала» на русский язык. Он направлялся в Нерчинские рудники, чтобы организовать побег Чернышевского, но был схвачен жандармами.

По тракту везли и переселенцев на новые русские земли, целыми семьями, везли отдельные партии девок «для восполнения недостатка в женщинах».

В 1883 году стали строить новый тракт. Он прошел значительно южнее, минуя Пермь, направлялся сразу на Уфу, Челябинск, Курган, Тюмень, Ишим, Омск. Позднее эта дорога была еще более спрямлена, от Кургана шла прямую, через Петропавловск, на Омск. По этой дороге в сибирскую ссылку, в село Шушенское, проследовал В. И. Ленин. После падения царизма с марта 1917 года по тракту шло обратное движение: из Сибири возвращались в центральные губернии России политзаключенные и политссыльные. Подсчитано, что по Сибирскому тракту прошло на каторгу не менее 1,5 млн. человек.

В последние десятилетия большая часть его получила твердое покрытие. На больших скоростях проносятся тяжело груженные автомашины, легковые автомобили, в автобусах совершают поездки туристы. Дорога работает, служит людям.

Первая железная дорога пересекла горы Урала в 1878 году. Это была горнозаводская дорога Пермь — Екатеринбург. Вторая дорога пересекла Урал на участке Челябинск — Уфа. Третьей была дорога Пермь — Кунгур — Екатеринбург. В 1923 году было окончено строительство

Казанской железной дороги — четвертой перевальной дороги через Урал. В послевоенные годы дорога, дошедшая до Воркуты, вышла к Оби.

Строительство шоссейных и железных дорог, соединяющих европейскую часть Союза с Сибирью, ведет к дальнейшему развитию экономики обеих частей страны.

Л. С. Рафиенко

Памятники старой Мотовилихи

Символом Перми — крупного административного, промышленного и культурного центра — стала композиция, изображающая паровой кузнечный молот с наковальней и серп над ним, олицетворяющая нерушимое единство рабочего класса и крестьянства. Это изображение легло в основу памятника Борцам революции 1905 года, ставшего одним из главных памятников Перми. Он стоит в Мотовилихинском районе на горе Вышке — самой высокой точке города. Отсюда далеко виден силуэт мощного парового молота, боек которого замер над наковальней. С этого места открывается величественная панорама: водные просторы Камы, трубы одного из старейших на Урале заводов — Мотовилихинского (ныне пермский машиностроительный завод имени В. И. Ленина), многоэтажные дома. В этом памятнике отразилось неповторимое своеобразие города Перми, навеянное ходом его истории, трудовыми и боевыми традициями.

На левом берегу Камы у впадения в нее речки Мотовилихи в 1736 году по проекту и под руководством выдающегося горного деятеля, одного из образованнейших людей России, историка и географа В. Н. Татищева (1686—1750) был заложен медеплавильный завод — Мотовилихинский, а рядом с ним — заводской поселок¹. С этого момента и началась история Мотовилихи, бывшего пригорода Перми, а ныне крупного индустриального района областного центра. Более 120 лет Мотовилихинский завод выплавлял чистую медь, которая шла на Екатеринбургский монетный

¹ Козлов А. Г. В. Н. Татищев и заводское строительство на Урале // Материалы к биографии В. Н. Татищева. — Свердловск, 1964. — С. 76.

двор для чеканки монеты. К сожалению, памятники производственной деятельности и промышленной архитектуры XVIII — первой половины XIX века в Мотовилихе не сохранились. Не дошли до нас и мемориальные памятники, связанные с именами основателя завода В. Н. Татищева и русского архитектора академика И. И. Свиязева (1797—1874), который в 1825 году построил здание главной фабрики (цеха) Мотовилихинского медеплавильного завода².

Из-за истощения медных руд завод был закрыт в 1863 году, но в том же году началось его второе рождение. На месте старого завода построили сталепушечный завод, который вскоре приобрел всемирную известность. Здесь работали выдающиеся представители русской технической мысли.

Строителем нового завода был металлург и механик, сподвижник П. М. Обухова Н. В. Воронцов (1833—1893), впоследствии директор Петербургского горного института. В Мотовилихе на высоком берегу Камы стоит кирпичное двухэтажное здание с одноэтажными боковыми пристройками. Построено оно в конце 1860-х годов как дом горного начальника (ул. Свердлова, 32). Здесь до 1876 года жил Н. В. Воронцов и создал проект крупнейшего 50-тонного парового молота двойного действия, который на Всемирной промышленной выставке в Вене в 1873 году был удостоен высшей награды. В Мотовилихе в 1873 году Н. В. Воронцовым был отлит чугунный стул для наковальни этого молота, причем отливка такого громадного чугунного монолита не имела прецедента в истории мировой металлургии.

Строительство гигантского молота завершилось в 1875 году. Молот стал достопримечательностью Перми и объектом показа вплоть до 1916 года. В 1923 году он был демонтирован, а его знаменитый стул под наковальню до сих пор покоится в земле на своем месте.

Мотовилихинский завод, выпускавший русские стальные и чугунные пушки, был в 1870—1880-х годах одним из крупнейших в Европе. Сохранилось одноэтажное кирпичное здание механической фабрики, построенное Н. В. Воронцовым в 1876 году. На здании «воронцовской фабрики» установлена памятная доска. До нас дошло и здание литейной, построенное в 1865 году горным инженером Л. Г. Грасгофом, также отмеченное памятной доской. Здесь

² Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. — Свердловск, 1960. — С. 36.

в 1868 году была отлита пермская царь-пушка — 20-дюймовая чугунная гладкоствольная пушка, предназначенная для русского флота. Ныне эта пушка установлена у входа в управление завода имени В. И. Ленина и является выдающимся памятником производственной деятельности.

В истории Мотовилихинского завода значительную роль сыграл инженер-изобретатель, один из создателей дуговой электросварки Н. Г. Славянов (1854—1897). С 1883 года он работал на заводе, а в 1888 году разработал метод сварки металлическим электродом. Н. Г. Славянов начал широко применять этот метод, особенно при сварке корпусов пароходов, и в 1891 году открыл на заводе электролитную мастерскую.

В Мотовилихе сохранился одноэтажный кирпичный дом, построенный в 1888 году, где изобретатель жил до 1893 года (ул. 1905 года, 37). Здесь размещалась и его лаборатория. На доме установлена мемориальная доска³.

В 1893 году Н. Г. Славянов был назначен горным начальником и переехал в дом, где раньше жил Н. В. Воронцов (ул. Свердлова, 32). Здесь он скончался в 1897 году. В этом доме в 1893—1897 годах жил сын Н. Г. Славянова — ученый-гидрогеолог, член-корреспондент АН СССР Н. Н. Славянов (1878—1958).

Позднее, в связи с перепланировкой территории и ликвидацией кладбища в центре Мотовилихи, прах Н. Г. Славянова был перезахоронен в сквере у механического техникума (ул. Уральская, 78). На могиле установлены четырехгранный бетонный обелиск с фотографией изобретателя и чугунная плита с надписью: «Великий русский изобретатель, творец электросварки Николай Гаврилович Славянов. 1854—1897». Рядом в сквере в 1954 году установлен бюст Н. Г. Славянова работы скульптора З. В. Баженовой и архитектора А. Л. Прозоровского.

Большую ценность как мемориальный памятник, связанный с именами многих деятелей науки и техники, представляет собой двухэтажное кирпичное здание бывшей главной конторы завода (ныне ул. 1905 года), построенное в начале 1870-х годов. Здесь работали Н. В. Воронцов (до 1876 года) и А. А. Иосса (1841—1907) — металлург, осуществлявший первые в России опыты по бессеменованию чугуна и в 1868 году выдвинувший проект «О вве-

³ Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Пермская область. — М., 1978. — С. 63.

дении бессемерования на Уральских горных заводах», хотя и не получивший поддержки в Петербурге. С 1883 по 1897 год в этом здании работал Н. Г. Славянов, в 1883 и 1886 годах бывал и помогал заводу известный металлург, строитель первой в России мартеновской печи А. А. Износков (1845—1911), в 1891 году — председатель Артиллерийского комитета, ученый в области артиллерии и механической обработки металлов, академик А. В. Гадолин (1828—1892), в 1894 году — ученый в области механики, один из основателей науки о резании металлов, профессор Петербургского горного института И. А. Тиме (1838—1920). И, наконец, здесь работал с 1910 по 1920 год ученый-металлург, член-корреспондент АН СССР, создатель уральской научной школы металлургов С. С. Штейнберг (1872—1940), который совместно с инженером И. П. Грамолиным изобрел в 1915 году первую однотонную сталеплавильную электропечь сопротивления, известную под названием «печь Штейнберга-Грамолина». В 1919 году С. С. Штейнберг возглавил в Мотовилихе только что открытый рабочий университет.

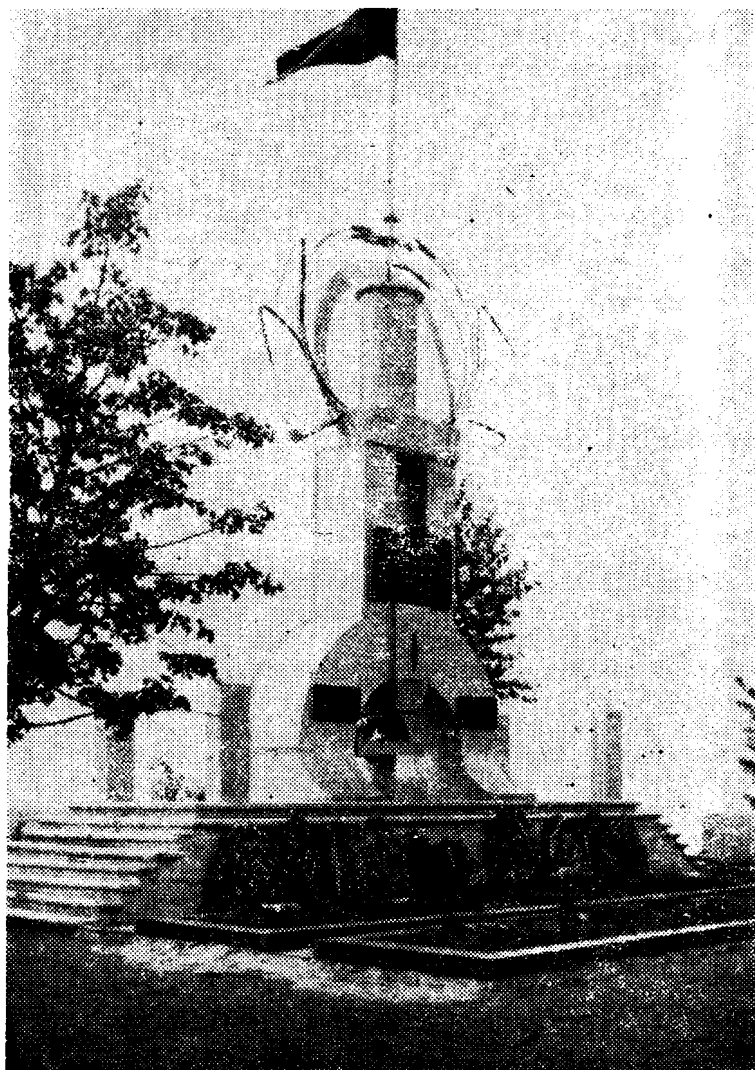
Мемориальные памятники, связанные с именами ученых и изобретателей завода, являются ценным источником в познании трудовых традиций Мотовилихи.

Но этот рабочий район славится и своим революционным прошлым, о чем также свидетельствуют сохранившиеся здесь памятники.

Яркой страницей в истории Урала явились революционные события в Мотовилихе в 1905 году. Летом 1905 года рабочие объявили забастовку и 10 июля устроили политический митинг на горе Вышке. Сотня вооруженных казаков напала на рабочих, женщин и детей и устроила кровавую расправу.

В декабре 1905 года рабочие Перми готовились под руководством большевиков к вооруженной борьбе. Большевики развернули на заводе агитацию, считая, что пролетариат этого крупнейшего завода должен стать главной силой вооруженного восстания в Перми. Известие о баррикадных боях в Москве послужило сигналом к вооруженному восстанию в Мотовилихе.

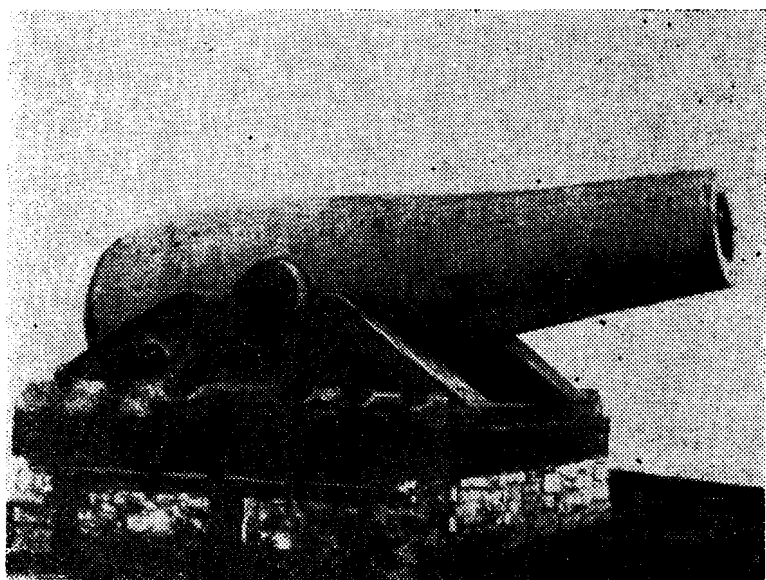
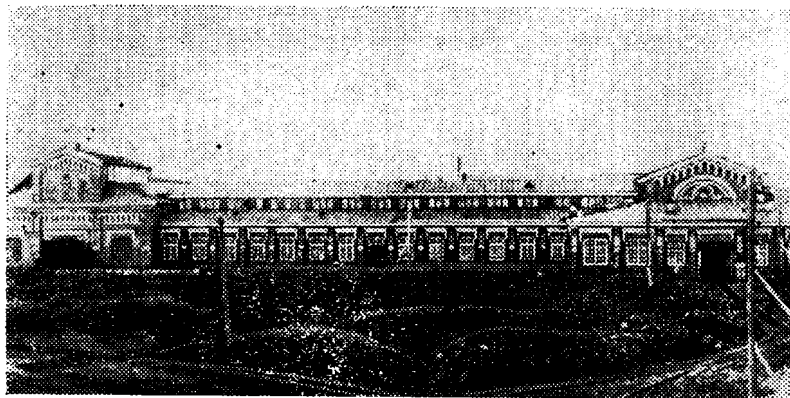
12 декабря по призыву большевиков рабочие решили поддержать забастовку железнодорожников. Собравшиеся на железнодорожной станции Мотовилиха, они (около 2 тыс.) разобрали железнодорожное полотно, остановили поезд. Вскоре по приказу губернатора на станцию прибыл

←
Памятник Борцам революции
1905 года в Мотовилихе

Дом горного начальника
(ул. Свердлова, 32)

Воронцовская фабрика (1876)

Пермская 152-миллиметровая
гаубица

Дом, где в 1888—1893 годах
жил Н. Г. Славянов (ул. 1905
года, 37)

отряд вооруженных казаков, которому удалось потеснить рабочих за заводские стены⁴.

На площади шли баррикадные бои между мотовилихинскими рабочими и царскими войсками. На доме № 18 по улице 1905 года, выходящем на эту площадь, установлена мемориальная доска⁵. В центре баррикадных боев в доме № 24 (ул. Пролетарская) был Мотовилихинский комитет РСДРП(б)⁶. Недалеко по Соликамскому тракту в доме № 6 12—13 декабря 1905 года размещался штаб вооруженного восстания, который возглавлял один из создателей большевистской организации в Перми А. Л. Борчанинов (здание не сохранилось). На Вышке был наблюдательный пункт восставших. Баррикадные бои в Мотовилихе были кульминационным моментом в революции 1905 года на Урале.

Пролетариат Мотовилихи шел в авангарде революционной борьбы и в период социалистической революции, о чем напоминают сохранившиеся памятники — свидетели этих событий. В доме № 16 по улице Лифанова в 1917—1918 годах размещались Мотовилихинский райком РСДРП(б) и районный штаб Красной гвардии. В первые годы Советской власти это здание называли Домом республики. Здесь формировались отряды рабочих, которые уходили отсюда на фронты гражданской войны защищать молодую Советскую Республику⁷. В доме № 10 (ул. 1905 года) в 1917—1918 годах размещался первый комитет Союза социалистической рабочей молодежи Мотовилихи, в память о нем на доме установлена мемориальная доска⁸. На той же улице 1905 года в сквере у райкома КПСС сохранилась братская могила участников гражданской войны, на которой в 1927 году был установлен памятник.

В Мотовилихе сохранились также памятники, связанные с именами видных советских государственных и партийных деятелей. На здании парткома завода имени В. И. Ленина вывешена доска, напоминающая о том, что

⁴ Горовой Ф. С. Очерки революции 1905—1907 гг. на Урале. — Молотов, 1955. — С. 116; Мельников Ф. Е. Западный Урал в революции 1905—1907 гг. — Молотов, 1946. — С. 105.

⁵ Памятники истории и культуры Пермской области. — Пермь, 1971. — С. 131.

⁶ Там же. — С. 130.

⁷ Там же. — С. 155.

⁸ Там же.

12 августа 1919 года на площади перед этим зданием на митинге рабочих завода выступала Н. К. Крупская, а на одноэтажном деревянном доме (ул. 1905 года, 22) установлена доска с текстом: «Здание, в котором в 1926 году работала секретарем Мотовилихинского райкома ВКП(б) тов. Землячка»⁹.

Завершает группу памятников, связанных с трудовыми и революционными традициями Мотовилихи, историко-революционный мемориальный комплекс на Вышке. Прообразом парового молота памятника Борцам революции 1905 года был гигантский кузнечный молот, созданный Н. В. Воронцовым. Памятник венчается алым стягом, который реет высоко над городом, воскрешая в памяти людей далекие революционные события в Мотовилихе. Этот монумент создан по проекту техника-чертежника Мотовилихинского завода, участника революции 1905 года В. Е. Гомзиков. Памятник был сооружен рабочими завода и открыт 7 ноября 1920 года¹⁰. В верхней части монумента надпись: «Слава павшим борцам». Позднее у подножия монумента были установлены чугунные мемориальные доски. Здесь стали хоронить урны с прахом участников трех русоких революций, а с начала 1930-х годов — старых членов партии.

В 1963 году у монумента был зажжен Вечный огонь. Его доставили от первой мартеновской печи завода, построенной в 1875 году. 22 апреля 1970 года на Вышке была открыта озвученная диорама «Революция 1905 года в Мотовилихе», выполненная художниками Московской студии имени М. Г. Грекова Е. И. Данилевским и М. А. Ананьевым по проекту пермского архитектора К. Э. Кунофа¹¹.

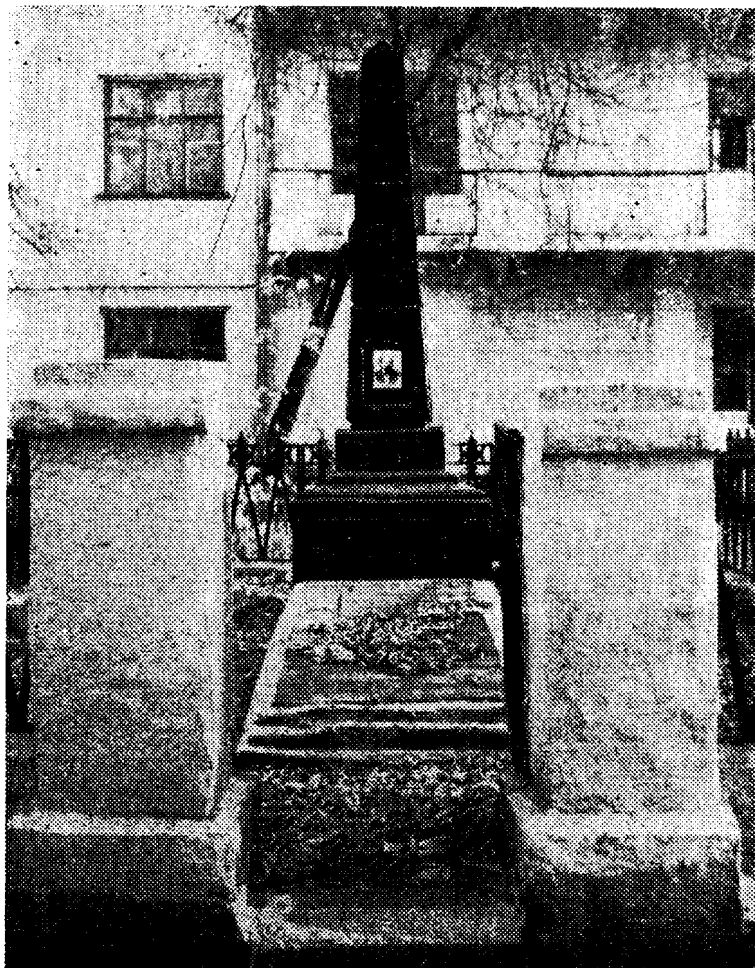
Все эти памятники, воссоздающие славное прошлое Мотовилихи, имеют большое познавательное значение. Целе направленная работа по их выявлению, изучению, охране, пропаганде и использованию способствует эффективному воздействию культурного наследия на личность и сохранению исторической преемственности поколений.

Однако выявление новых памятников, их изучение — это лишь первый этап. Второй, не менее важный, — сохра-

⁹ Памятники истории и культуры Пермской области. — С. 156, 184.

¹⁰ Там же. — С. 128—130.

¹¹ Там же. — С. 153.

Могила Н. Г. Славянова по
ул. Уральской, 78

Памятник Н. Г. Славянову в
сквере у механического тех-
никума

нение памятников, их использование. Так, на Вышке проводятся встречи ветеранов партии и труда с молодежью, школьники вступают в комсомол, молодожены приносят к монументу живые цветы. Тысячи экскурсантов посещают диораму. Большая часть перечисленных памятников, связанных с революционным прошлым этого индустриального района, включена в экскурсионные маршруты Пермского областного бюро путешествий и экскурсий: «По памятным местам революции 1905 года в Перми», «Слово о Мотовилихе» (обзорная), «Этих дней не смолкнет слава» (о событиях гражданской войны в Прикамье) и др.

Большое значение имеет также расширение музея на Вышке. В пристроенном к диораме помещении развернуты экспозиции, посвященные не только революционным событиям 1905 года, но и положению и быту рабочих завода. В выставочном зале размещена выставка работ художников, отражающих революционные события двух революций.

В бывшем Доме республики (ул. Лифанова, 16) 22 апреля 1988 года открыта новая экспозиция народного музея пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, где рассказывается об истории завода.

Хуже обстоит дело с памятниками науки и техники. Мемориальными досками в Мотовилихе отмечены лишь два дома, связанные с именем Н. Г. Славянова. Такие же ценные мемориальные памятники, как дом горного начальника, здание бывшей главной конторы Мотовилихинского завода, совсем не изучены.

Крупным вкладом в оптимальное использование мемориальных памятников деятелей культуры Мотовилихи является открытие 14 сентября 1988 года дома-музея Н. Г. Славянова по улице 1905 года, приуроченное к празднованию 100-летия изобретения электродуговой сварки металлов. Это первый мемориальный музей выдающегося представителя русской технической мысли в Прикамье и второй на Урале.

Завершающим этапом в процессе сохранения памятников прошлого могло бы стать создание заповедной зоны «Трудовые и революционные традиции Мотовилихи», которая объединила бы все эти памятники и музеи. Создание такой зоны способствовало бы сохранению исторической окружающей среды, предотвратило утрату ценных объектов культурного наследия в условиях новой застройки.

ки и заставило бы по-новому зазвучать в едином ансамбле сохранившиеся реликвии Мотовилихи.

**Список памятников истории и культуры,
которые желательно включить в заповедную зону**

1. Дом горного начальника Пермских пушечных заводов (ул. Свердлова, 32).
2. Дом помощника горного начальника Пермских пушечных заводов, ныне дом-музей Н. Г. Славянова (ул. 1905 года, 37).
3. Здание главной конторы Пермских пушечных заводов (улица 1905 года).
4. Царь-пушка.
5. Здание, где в 1917—1918 годах размещался первый комитет Союза социалистической молодежи Мотовилихи (ул. 1905 года, 10).
6. Здание, где в 1926 году работала секретарем Мотовилихинского райкома ВКП(б) Р. С. Землячка (ул. 1905 года, 22).
7. Братская могила участников гражданской войны (Красная площадь).
8. Здание, где в 1905 году размещался Мотовилихинский комитет РСДРП(б) (ул. Пролетарская, 24).
9. Здание железнодорожного вокзала станции Мотовилиха, у которого 12 декабря 1905 года произошло вооруженное столкновение рабочих с казаками.
10. Здание, где в 1917—1918 годах размещались Мотовилихинский райком РСДРП(б) и районный штаб Красной гвардии — Дом республики (ул. Лифанова, 16).
11. Памятник Борцам революции 1905 года на Вышке.
12. Диорама «Декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Мотовилихе» на Вышке.
13. Могила Н. Г. Славянова в сквере по ул. Уральской, 78.
14. Бюст Н. Г. Славянова по ул. Уральской, 78.

Л. В. Перескоков

**Роль Пермских пушечных заводов
в вооружении армии и флота
на рубеже веков**

Рубеж XIX—XX веков для России характеризуется полной победой капиталистического способа производства. Состав, организация и система комплектования вооруженных сил приводились в соответствии с утвердившимися социально-экономическими отношениями. С 1874 года была введена всеобщая воинская повинность. Россия располагала значительными людскими ресурсами. Население страны возросло со 133 млн. человек в 1900 году до 170 млн.

в 1913 году. С развитием промышленности росла численность рабочих, за счет которых комплектовались артиллерийские и инженерные войска. К началу XX столетия русская армия насчитывала немногим более 1 млн. солдат и около 40 тыс. офицеров и генералов.

Войны XIX века показали определяющую роль артиллерии. В 1895 году были пересмотрены штат и вооружение артиллерийских подразделений в соответствии с новыми требованиями. К началу века артиллерийское оснащение армии составляло 530 батарей по 8 орудий в каждой. Батареи сводились в дивизионы. Общее число полевых орудий русской армии определялось в 5532 ствола, которые обслуживались 151 142 артиллеристами.

С переходом в 1915 году к позиционной войне выяснилось, что пехота может действовать только при наличии артиллерийского сопровождения, обеспечивающего прорыв укреплений противника. Сначала для этой цели использовали 76 мм горные пушки, затем была разработана более легкая, 37 мм, к серийному производству которой приступили лишь в конце 1915 года. Одновременно возросла роль бомбометов и минометов.

Производство оружия в России было сосредоточено главным образом на государственных предприятиях. Изготовление артиллерийских орудий велось на заводах Военного, Морского и Горного ведомств, а также на некоторых частных заводах. Военное ведомство располагало всеми государственными арсеналами и Петербургским орудийным заводом. Морское ведомство имело одну производственную базу по выпуску артиллерии — Обуховский сталелитейный завод. Наиболее крупным в производственном отношении являлось Горное ведомство. Сюда входили Пермские пушечные заводы и частные: Путиловский, Брянский, Гельсингфорский, Геруа, Абосский, Балтийский. Кроме этого, заводы так называемой царицынской группы: Петербургский металлический, Коломенский машиностроительный, Сормовский паровозостроительный и завод Леснера. Однако из всех заводов Горного ведомства изготовлением орудий занимались только Пермские пушечные и Путиловский заводы, остальные либо производили ремонт, либо готовили отдельные части к артиллерийскому вооружению. По численности работающих и технической оснащенности Пермские пушечные заводы, наряду с Путиловским, представляли крупнейшее предприятие данной отрасли производства.

Количество людей, занятых на производстве (чел.)

Завод	Начало века	1914 г.	1917 г.
Путиловский	12 440	13 510	29 332
Пермские	4 530	14 010 (1915)	
Обуховский	4 000	5 195	11 388
Петроградский	975	1 278	3 690

В начале XX века Мотовилихинский завод изготовлял в среднем по 180—200 орудий различных систем в год, при этом около половины составляли легкие орудия, значительное количество 152 мм пушек и небольшие партии орудий более крупного калибра. Кроме этого, для окончательной отделки на других заводах из Мотовилихи отгружалось ежегодно до 250—300 черновых комплектов артиллерийских орудий и до 70—100 лафетов.

Пермские пушечные заводы (ППЗ) являлись одной из важнейших производственных баз и по выпуску артиллерийских снарядов. Это производство было развернуто вскоре после основания предприятия. Сначала шел выпуск чугунных, а с 1885 года — стальных снарядов самых разнообразных калибров и назначений, в том числе бронебойных, представлявших для производства существенные трудности. В 1899 году построена и пущена в ход штамповочная фабрика по изготовлению корпусов к снарядам, что значительно повысило производительность. С 1901 года начато производство 76 мм шрапнелей, выпуск которых впоследствии увеличился до больших размеров. В 1906 году завод приступил к производству морских фугасных бомб всех калибров, а с 1910 года те же снаряды готовились с закаленной головкой для стрельбы по броневым целям.

В предвоенное десятилетие общая производительность ППЗ составляла 140—150 тыс. снарядов различных типов и калибров в год. С началом первой мировой войны производство резко возросло, превысив довоенный уровень почти в 3 раза. По данным 1915 года, Пермские заводы поставили армии около 400 тыс. гранат, бомб, шрапнелей и снарядов для различных артиллерийских систем и 35,7 тыс. снарядов по заказу Морского министерства. В начале XX века Пермские пушечные заводы считались предприятием номер один по числу и весу выпускаемых артиллерийских снарядов.

**Количество артиллерийского оружия, изготовленного
Пермскими пушечными заводами с 1899 по 1910 год (шт.)**

Стальные 6-дюймовые пушки	186
„ 8-дюймовые пушки	44
„ 6-дюймовые скорострельные пушки системы Канэ	126
„ 6-дюймовые пушки в 100 пудов	199
„ 6-дюймовые мортиры	100
„ 8-дюймовые мортиры	8
„ 9-дюймовые мортиры	36
„ 11-дюймовые мортиры	26
Легкие полевые 3-дюймовые пушки	189
„ 3-дюймовые скорострельные пушки	700
„ 75 мм скорострельные пушки системы Канэ	69
„ 57 мм скорострельные пушки системы Норденфельда	94
Учебные 37 мм стволы	37
Исправлены 6-дюймовые пушки и мортиры	78
Черновых комплектов орудий:	
3-дюймовых пушек	2450
57 мм пушек	29
лафетов (для различных систем)	700

Производство морских артиллерийских орудий было сосредоточено на трех крупнейших заводах: Обуховском (Морское ведомство), Путиловском и Пермских (Горное ведомство).

Заказы для морского флота начали поступать на Мотовилихинский завод сразу же после его закладки и специализации на выпуск артиллерии. Знаменитая пермская царь-пушка — 20-дюймовое чугунное гладкоствольное орудие, изготовленное в Мотовилихе в 1868 году по заказу Морского ведомства, — предназначалась для установки в Кронштадте. В последующие годы Пермские пушечные заводы постоянно выполняли заказы для военно-морского флота.

Пермские пушечные заводы за 1900—1914 годы для вооружения русского военно-морского флота поставили:

11-дюймовые береговые мортиры	34
6-дюймовые береговые пушки	52

6-дюймовые морские скорострельные пушки системы Канэ	74
6-дюймовые пушки в 200 пудов	200
6-дюймовые крепостные пушки	76

Накануне и во время первой мировой войны, когда петербургские заводы оказались перегружены заказами Главного артиллерийского управления, заказы Морского министерства переместились почти полностью на Пермские заводы. Сравнительный анализ производства всех трех предприятий, выполнявших заказы Морского ведомства, показывает, что из 1397 артиллерийских орудий, выпущенных в 1900—1914 годах, на долю Пермских приходится 436, т. е. на вооружении русского военно-морского флота к началу первой мировой войны приблизительно каждая третья (31%) пушка — мотовилихинская. А орудия, изготовленные во время войны, практически все пермские.

Сотрудничество Морского ведомства и Пермских пушечных заводов не ограничивалось заказами артиллерийского вооружения. С 1899 года ППЗ начали изготавливать крупные поковки в отдельном виде для броненосцев и крейсеров флота, а также поставлять тяжеловесные стальные кованные болванки и листовое железо для судостроительных заводов. Только за 1899—1903 годы заводом исполнялись прямые коленчатые валы и шатуны для следующих броненосных судов: «Орел», «Император Александр III», «Князь Суворов», «Победа», «Иоанн Златоуст», «Евстафий» и крейсеров «Алмаз», «Кагул», «Олег» и «Очков».

Итак, Пермские пушечные заводы — одно из крупнейших отечественных предприятий по выпуску артиллерийского вооружения. Здесь применялись самые передовые технические средства и производственные технологии. Это подтверждается приведенным кратким обзором и некоторыми цифровыми данными. Но эта роль, одна из наиболее важных в ходе подготовки России к империалистическим войнам, неоднозначна. Эксплуататорские классы преследовали не столько цели обороны, сколько цели наживы. Не подготовленная в полной мере к войне Россия, выступив участницей дележа добычи в мировой войне, обрекла тем самым себя на великие жертвы, страдания, лишения и социальные катаклизмы. В то же время Мотовилихинский завод своей деятельностью готовил, приближал революционные преобразования, явился уральской кузницей новой исторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века: Очерки военно-экономического потенциала. — М., 1986.

Перескоков Л. В. На рубеже веков: Роль Пермских пушечных заводов в вооружении армии и флота // Мотовилихинский рабочий. — 1989. — 6, 20 сент.

Пермские пушечные заводы и их технические средства. — Пермь, 1911.

Слово о Мотовилихе: Годы, события, люди / Сост. Т. Вершинин. — Пермь, 1974.

**Из копилки
краеведа**

«ЧЕРДЫНСКИЙ КРАЙ»

В марте 1927 года вышел первый сборник Общества изучения Чердынского края, который знакомил читателей с историей создания местного музея, рассказывал о народной медицине, экскурсиях к Полюду-великану.

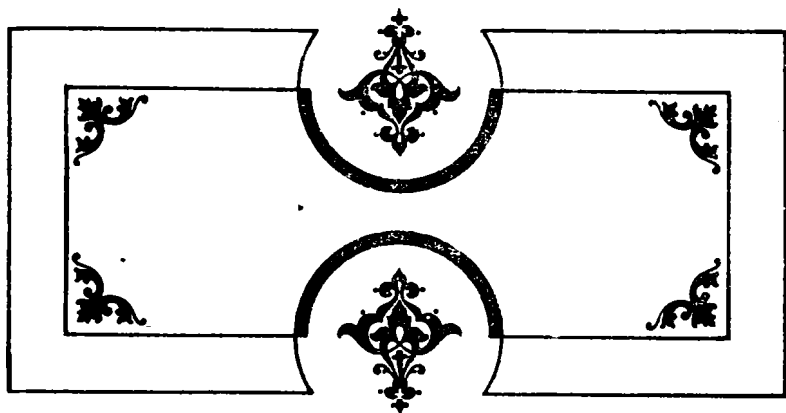
В декабре 1927 года появился второй сборник «Чердынский край». Известный краевед А. Теплоухов поместил в нем статью «Связь Пермского края с севером и западом по историческим данным, географическим названиям и фамилиям жителей». Статья проливает свет на происхождение коми-пермяков и до сих пор представляет значительный научный интерес.

В августе 1928 года читатели получили третий сборник Общества изучения Чердынского края. Среди материалов были статьи из истории солеварения в районе Чердыни, сведения о рыбах Чердынского края, первая печатная работа известного краеведа И. А. Лунегова «Запуги» (о предрассудках, суевериях и приметах жителей Вильгортского сельсовета).

IV
ПОИСКИ,
НАХОДКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ

А. Коротков. Братья Коротковы из Осы
С. Николаев. Геоботаник, эколог, луго-
вед
В. Слободинюк. Наша малая родина
И. Шестаков. Памятник у деревни

А. И. Коротков

Братья Коротковы из Осы

Во второй половине прошлого века в камском городке Осе жила семья моего деда, портного Андрея Яковлевича Короткова. Он был скромным ремесленником, самостоятельно научился грамоте. Бабушка, Анисья Ивановна, была неграмотной. Жили они на Почтовой улице (ныне ул. Свердлова, 13), снимали квартиру в полуподвальной части дома.

О дедушке и бабушке я знаю только по отрывочным воспоминаниям моего отца, Ивана Андреевича. Вот что он рассказывал о своих родителях: «Отец слыл талантливым шашкистом, побеждал во всех осинских турнирах. Держался народного стиля игры: если не заперта шашка противника — победа не засчитывается. Часто его приглашали на соревнования в Пермь. Мама была мягкой, доброй, приветливой хозяйкой. Вставала до рассвета и весь день хлопотала по дому. В квартире поддерживались чистота и уют.

Семья была бедной, кормить и содержать детей было трудно. Отдельных кроватей у детей не имелось, спали на кошке, которую расстилали по полу. Во втором этаже жили обеспеченные хозяева дома. Хозяйская домработница приносила нам горшок с пенками — лучшее лакомство.

Колбаса для нас была недоступным удовольствием. Мама покупала в лавке колбасные обрезки, это было большой радостью. Сапоги передавались от старшего брата к следующему и дальше. Однажды шел я с отцом по улице и стал постукивать каблуками по булыжнику. Мне очень попало. С тех пор обувь берег и ходил в ней только по деревянным мосткам тротуара.

Отец иногда выпивал, но я ни разу не слышал в доме бранного слова. Не помню случая, чтобы родители ссорились в присутствии детей.

Любимым занятием в детстве была рыбалка. Уходили на весь день на Каму, взяв с собой две-три вяленые воблы и кусок хлеба.

У Андрея Яковлевича висел на стене широкий ремень. Когда дети оказывались в чем-нибудь виноватыми, он выразительно смотрел на этот ремень, но так ни разу его и не снял».

В семье росли четыре сына: Николай, Иван, Геннадий и Алексей.

Николай Андреевич родился в 1896 году. Отец смог дать ему только трехклассное образование в церковноприходской школе. Об остальном образовании Николай позаботился сам — окончил начальное городское училище, после него двухгодичные учительские курсы. После курсов стал работать учителем в деревнях под Пермью.

В первую мировую войну Николая забрали рядовым солдатом в армию. Он чудом остался жив.

После свершения Октябрьской революции Николай Андреевич работал в кооперации, стал энергичным хозяйственником. В начале 20-х годов поступил на физико-математический факультет Пермского университета, где сразу выделился как талантливый студент. По окончании университета был оставлен преподавателем на кафедре высшей математики. В этой должности работал до начала Великой Отечественной войны.

В войну Николай Андреевич, прекрасный организатор, был назначен заместителем начальника военного госпиталя в Перми. Во время войны моя мама с двумя детьми (мной и младшим сыном Владимиром) была эвакуирована в Пермь. Три года мы прожили на квартире у Николая Андреевича. Утром вставали — дяди уже не было дома, ложились — он еще не пришел; госпиталь забирал все его силы.

В войну Николай Андреевич не преподавал, но его репутация блестящего лектора была настолько велика, что

администрация эвакуированного в Пермь военно-механического института пригласила Николая Андреевича работать на кафедре высшей математики, и сразу после войны он переехал в Ленинград.

Ленинградский период жизни — это работа в военно-механическом институте и на архитектурном факультете Академии художеств, а с середины 60-х годов — заведование кафедрой высшей математики в Ленинградском химико-фармацевтическом институте. Мне приходилось встречаться с бывшими студентами Николая Андреевича, учившимися у него в Академии художеств. Математика была для них далеко не главным предметом, но благодаря Н. А. Короткову — любимым и интересным. Он читал легко, изящно, остроумно. Таким он был и в жизни — человеком обаятельным, эрудированным в самых разных областях, блестящим рассказчиком, человеком, никогда не унывающим, требовательным к себе и другим, полным юмора, гостеприимным хозяином, хлебосолом. Умер Николай Андреевич в 1975 году.

Второй брат, Иван Андреевич, мой отец, родился в 1902 году и тоже окончил городское училище, после которого совсем еще мальчиком работал писцом на железной дороге, а потом сельским учителем. С детства у него проявилась страсть к рисованию. После установления Советской власти в Перми Иван Андреевич принял активное участие в организации художественного техникума; в нем одновременно стал и учащимся, и преподавателем. По окончании техникума в 1922 году был откомандирован в Петроград в Академию художеств. Окончил ее в 1926 году.

Вся дальнейшая творческая деятельность Ивана Андреевича связана с Ленинградом. Здесь руководил изокружками на заводах, преподавал в художественно-педагогическом техникуме, работал главным художником Дворца культуры имени С. М. Кирова. Иван Андреевич оформлял праздничные демонстрации. По его эскизам украшались к праздникам Исаакиевская площадь, набережная Невы, мосты через Неву. Это была очень ответственная работа. Тогда же Иван Андреевич начал работать художником в театре пролетарского актера.

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинградская организация Союза художников направила Ивана Андреевича на маскировку крупных военных объектов Ленинграда и Ораниенбаума (ныне Ломоносов).

С февраля 1942 года И. А. Коротков становится главным художником Ленинградского театра кукол, оформляет спектакли бригады актеров-кукольников, которая выступала и на фронте, и на сибирских заводах. После войны работу в кукольном театре Иван Андреевич совмещал с педагогической — в высшем художественно-промышленном училище имени В. И. Мухомовой, стал одним из ведущих театральных художников страны. За красочно оформленные кукольные представления неоднократно награждался дипломами и медалями на всесоюзных и международных фестивалях.

В 1962 году И. А. Короткову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР».

Иван Андреевич вел большую общественную работу. Трижды избирался депутатом Ленинградского городского Совета, в течение 18 лет возглавлял секцию театра и кино в Ленинградском отделении Союза художников РСФСР.

С 1963 года и до конца жизни преподавал на впервые созданной в стране кафедре театра кукол в Ленинградском театральном институте. Он был чутким, вдумчивым педагогом, воспитал целое поколение художников-кукольников, работающих теперь во многих городах страны и за рубежом.

Смолоду Иван Андреевич мечтал писать акварели, но обстоятельства сложились так, что смог заниматься ими только последние восемь лет жизни. И вот пожилой человек, которому уже под 80, пишет более 300 акварелей, удивительных по красоте и проникновенности. Красивые уголки Ленинграда, северная природа Карелии и Прибалтики, неприхотливые букеты полевых цветов — все радовало художника, постигавшего скромную красоту окружающего мира.

Умер Иван Андреевич в 1985 году в расцвете творческих сил. Посмертная выставка «Акварели последних лет», развернутая в мае 1986 года в залах Ленинградской организации Союза художников, удивила многих, знавших Ивана Андреевича только как художника театра.

Геннадий Андреевич Коротков родился в 1905 году. Из братьев был самым мягким, мечтательным. У него рано появился интерес к литературе. В 1923—1924 годах он член президиума первого объединения пермских писателей — литературной мастерской «Мы». Это было замечательное время становления Пермской писательской организации. Молодые пермские литераторы, по нынешним

временам совсем мальчики, публиковали живые, задорные, в новых ритмах стихи, очерки и даже романы. Одним из самых активных среди этих литераторов был Г. А. Коротков.

В 1924 году Г. А. Коротков отправился в Ленинград. Поступил там на историко-филологический факультет университета, в 1927 году окончил его. Через год, к 100-летию Л. Н. Толстого, опубликовал книгу «Толстой и пролетариат». В ней Г. А. Коротков подробно проанализировал работы Ленина и Плеханова о Толстом, дал любопытные рекомендации, как рабочим праздновать юбилей Толстого, поместил ноты приписываемого Толстому вальса. В эти же годы началась активная журналистская и редакторская деятельность Г. А. Короткова в «Красной газете» и газете «Литературный Ленинград», в журналах «Резец» и «Вокруг света».

В самом начале Великой Отечественной войны Г. А. Коротков вступил добровольцем в Советскую Армию. Служил в военно-топографическом отряде, участвовал в боях за Ленинград; в последний год войны сотрудничал в Воениздате.

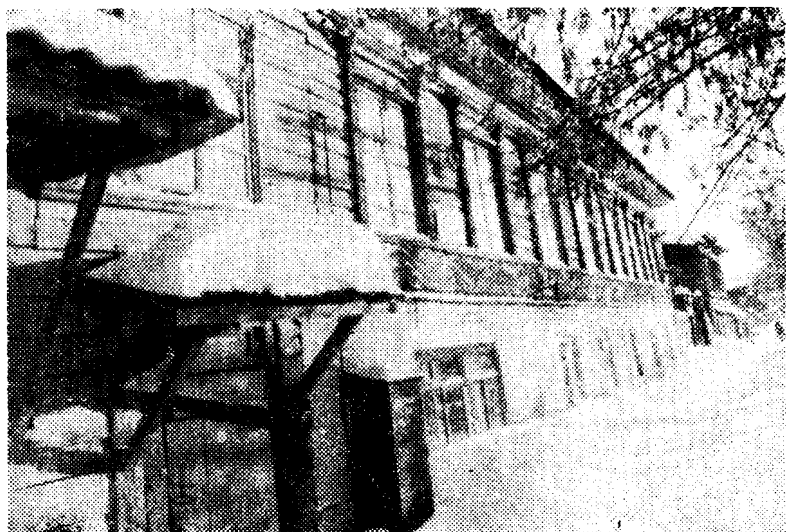
В послевоенные годы Г. А. Коротков работал художественным редактором журнала «Архитектура Ленинграда», заведовал редакцией сборника «Архитектура и строительство Ленинграда», редактировал монографии по архитектуре города на Неве, жизнеописания русских архитекторов. Работал очень активно, напряженно.

Умер Геннадий Андреевич Коротков рано — в 1961 году, в возрасте 56 лет.

Младший брат, Алексей Андреевич, родился в 1910 году. Когда семья переехала из Осы в Пермь, Алеше было всего два года. Учился он в 17-й школе Перми, прекрасно успевал не только по математике, физике, химии, но и по гуманитарным предметам, рисовал, любил и знал русскую поэзию. В школе Алексей был активным комсомольцем, заводилой во всех общественных делах.

В 1927 году Алексей Андреевич поступил на химический факультет Ленинградского университета; в 1930 году, в связи с реорганизацией университета, перевелся в Ленинградский химико-технологический институт.

Тогда ученые и производственники решали очень важную для нашей страны проблему получения синтетического каучука. А. А. Коротков принял самое непосредственное участие в решении этой проблемы.

Дом Коротковых в Осе по ул. Почтовой (ныне ул. Свердлова, 13).

Братья Коротковы (слева направо): Иван, Геннадий, Алексей, Николай. Снимок конца 30-х годов

Профессор В. А. Крюгер

После окончания института в 1931 году Алексей Андреевич был направлен на Ленинградский опытный завод синтетического каучука, где участвовал в работах по получению каучука из синтезированного на основе крекинга нефти бутадиена. Перед молодым инженером открывалась перспектива аспирантуры и дальнейшей научной работы в Ленинграде, но в 1933 году Алексей Андреевич решил иначе — попросился на Воронежский завод синтетического каучука. А. А. Коротков считал, что должен сам участвовать в получении нового каучука. Вернувшись через два года в Ленинград, Алексей Андреевич снова работал на опытном заводе, одновременно занимался в аспирантуре Ленинградского университета. В 1937 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1938 года работал главным инженером опытного завода синтетического каучука в Москве, с 1942 года — в Казани.

Уже в 30-летнем возрасте А. А. Коротков — один из ведущих в стране специалистов по синтезу каучука. Поэтому естественно, что в 1941 году его не отпустили на фронт.

В 1943 году Алексей Андреевич с группой ведущих советских инженеров-химиков направился в США для того, чтобы обменяться опытом изготовления синтетического каучука. Переговоры с американцами проходили с большими трудностями, и я хорошо помню приехавшего из Америки раздосадованного Алексея Андреевича, атаковавшего Сталина письмами о необходимости более гибкого ведения переговоров. Тогда же, в 1944 году, Алексей Андреевич приступил к работам по полимеризации изопрена тяжелыми металлами, принесшим ему мировую известность.

Работы эти начинались в трудных условиях. Алексей Андреевич с небольшой группой сотрудников в вечернее время «контрабандой» проводил сотни опытов, из которых лишь единичные давали положительный результат. Только благодаря исключительному упорству Алексея Андреевича, его таланту и научной интуиции к 1950 году были достигнуты ощутимые результаты. Под руководством А. А. Короткова было организовано промышленное производство советского изопренового каучука.

С 1953 года А. А. Коротков работал в Институте высокомолекулярных соединений, где руководил исследованиями и промышленным внедрением одной из марок изопренового каучука.

В 1958 году А. А. Короткова избрали членом-коррес-

пондентом Академии наук СССР. Он был единственным в стране членом-корреспондентом без докторской степени. Некогда было защищать докторскую диссертацию. В последние годы жизни Алексей Андреевич тяжело болел, торопился довести до конца главное дело своей жизни — изопреновый каучук. В 1964 году А. А. Коротков был удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1967 году он скончался. Уже посмертно ему вместе с коллективом советских ученых и инженеров была присуждена Ленинская премия за создание советского синтетического каучука (в 1969 году в память о выдающемся советском химике А. А. Короткове на здании пермской школы № 17, где он в 20-х годах учился, установлена мемориальная доска. — *Ред.*).

Когда братья оказывались вместе, все обращали внимание на четырех высоких, статных, с благородной осанкой мужчин, похожих друг на друга, хотя и очень разных. Они действительно были разные: вальяжный, обходительный Николай, мудрый и спокойный Иван, мягкий, доброжелательный Геннадий, активный, экспрессивный Алексей. Их замечательные качества были заложены с раннего детства в простой русской семье Андрея Яковлевича и Анисьи Ивановны Коротковых.

С. Ф. Николаев

Геоботаник, эколог, луговед

Около четверти века на биологическом факультете Пермского государственного университета трудился Валерий Августович Крюгер, геоботаник, эколог, луговед. Помнятся его содержательные лекции, пытливые исследования в природе, внимательное отношение к коллегам по работе и к студентам, большое добродушие.

На Урал В. А. Крюгер приехал после долгих лет жизни и работы в Казахстане и Западной Сибири. Казахстан — его родина. Там, в городе Усть-Каменогорске Семипалатинской области на Иртыше, в предгорьях рудного Алтая, он родился (ныне Усть-Каменогорск — крупный промышленный центр с развитыми цветной металлургией, машиностроением и металлообработкой, административный центр Восточно-Казахстанской области).

С детства у Валерия Крюгера появился интерес к природе. Родители (отец — почтовый служащий) позаботились дать сыну образование в этом направлении. В 1908 году после окончания гимназии в Семипалатинске он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета — одного из старейших высших учебных заведений страны (в 1989 году Казанскому университету исполнилось 185 лет).

Занятия в Казанском университете захватили юношу из Усть-Каменогорска. Особенно его интересовали ботанические дисциплины. Геоботанике он учился у Андрея Яковлевича Гордягина, создателя Казанской геоботанической школы, уроженца Перми. Экологию растений Валерий Крюгер изучал под руководством Бориса Александровича Келлера, будущего академика.

Ученые университета заметили любознательного студента. Общество естествоиспытателей при Казанском университете поручило студенту IV курса Крюгеру провести ботанико-географические исследования на его родине — в Семипалатинской области. Летом 1912 года такие исследования были проведены. По их материалам студент Крюгер выполнил три работы. Две из них были напечатаны в изданиях Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, а одна работа опубликована в «Трудах Общества естествоиспытателей при Казанском университете».

Публикация двух работ совпала с окончанием университета (в 1913 году). Он окончил его с дипломом первой степени и был оставлен в университете при кафедре ботаники для подготовки к профессорскому званию.

Два года Валерий Августович работал у профессора В. В. Лепешкина, выполнил оригинальное исследование об искусственном изменении формы у плесневых грибов и передаче этих изменений потомству. Одновременно он успешно руководил практическими занятиями студентов по физиологии и анатомии растений.

Болезнь (туберкулез легких) вынудила молодого ученого Крюгера оставить в 1915 году Казанский университет и по совету врачей вернуться на родину — в Семипалатинскую область с ее резко континентальным климатом.

С этого времени начался почти 20-летний период педагогической, производственной и научной деятельности Валерия Августовича Крюгера в Казахстане и Западной Сибири.

Ботаник Крюгер вел занятия в учебных заведениях Семипалатинска, в отдельные годы преподавал в Томске, Новосибирске, Омске.

Педагогическую деятельность Валерий Августович Крюгер тесно сочетал с производственной работой и научными исследованиями. Так, в 1925 году он принял участие в качестве ботаника в экспедиции на Южный Алтай для почвенно-ботанического исследования обширной территории Чингистайской волости Бухтарминского уезда Семипалатинской губернии, благоприятной для развития скотоводства. В 1926 году Крюгер проводил исследования в южной части Павлодарского уезда Семипалатинской губернии, в 1928 году — почвенно-ботаническое и мелиоративное обследование орошаемых земель на северо-востоке Минусинской котловины, обратив главное внимание на долины притоков Енисея — рек Тубы и Сыды.

Позже Валерием Августовичем Крюгером были обследованы травянистые фитоценозы междуречий и березовые колки на территории огромного Алейского совхоза в Западно-Сибирской низменности. В обработке части собранных здесь материалов участвовала супруга Валерия Августовича — Елена Александровна Крюгер. Один из выводов исследователя заключался в том, что многие временные сенокосы совхоза можно распахивать под посевы зерновых культур и этим самым использовать землю более производительнее.

Одно из геоботанических обследований в Казахстане Крюгер проводил вместе с Иваном Васильевичем Лариным, который впоследствии стал крупным специалистом по луговодству.

Во время геоботанических исследований Крюгер уделял большое внимание сбору растений для гербария. Часть сборов он обработал в гербарии Томского университета. При обработке материалов его консультировали профессора Томского университета Василий Васильевич Сапожников и Порфирий Никитич Крылов, наши земляки.

По материалам изучения растительности Казахстана и Западной Сибири Крюгер опубликовал одиннадцать работ. Они напечатаны в Семипалатинске, Оренбурге, Кызыл-Орде, Новосибирске и Перми. Эти работы явились значительным вкладом в познание растительного покрова степных просторов Казахстана и Западной Сибири. За них без защиты диссертации Валерию Августовичу Крюгеру в

1935 году была присуждена ученая степень кандидата биологических наук.

В 1934 году Валерий Августович Крюгер был приглашен на работу в Пермский государственный университет, избран его профессором, стал заведовать кафедрой морфологии и систематики растений. Одновременно он был избран действительным членом биологического научно-исследовательского института при Пермском университете. В жизни Валерия Августовича начался пермский период деятельности, очень насыщенный событиями и плодотворный.

Профессор Крюгер вел большую педагогическую работу, читал лекции по нескольким предметам, в частности по систематике высших растений. Немало времени Валерий Августович тратил на аспирантов-геоботаников. Под его руководством было выполнено несколько диссертационных работ.

В 1935—1937 годах профессор Крюгер руководил Камской почвенно-геоботанической экспедицией. Перед этой экспедицией, организованной по заданию проектировщиков Камской ГЭС, была поставлена задача: исследовать почвы и растительность в зоне затопления и подтопления будущего Камского (Пермского) водохранилища. Требовалось охватить исследованиями огромную территорию общей площадью 240 тыс. гектаров. В состав экспедиции вошли четыре почвоведов, три геоботаника, агрохимик, несколько аспирантов, лаборантов и студентов университета.

Под руководством Валерия Августовича Крюгера проведены маршрутные исследования от Левшино до Соликамска. Ими охвачены долины Камы и ее притоков: Чусовой, Сылвы, Косьвы, Яйвы, Обвы, Иньвы и Кондаса. Для детального изучения почв, растительности, а также геологических, геоморфологических, гидролого-климатических условий были заложены два стационара: Усть-Туйский в узкой части Камской долины у деревни Усть-Туй Добрянского района длиной около 3 километров и Лодейный в широкой части Камской долины у деревни Лодейной того же района длиной около 12 километров. На стационарах подробно изучалось влияние водного режима на почвы и растительность.

За три года работы этой комплексной экспедиции были получены данные, которые позволили охарактеризовать почвы и растительность зоны затопления и подтопления будущего водоема, дать их сельскохозяйственную оценку

и наметить прогноз тех изменений в почвах и растительности, которые можно было ожидать в зоне подтопления.

Результаты работы экспедиции опубликованы в «Известиях» и «Трудах биологического научно-исследовательского института при Пермском университете». Они представляют большой интерес для науки и практики. К ним в последнее время не раз обращались ученые Перми, ведущие комплексное изучение камских водохранилищ.

Говоря о работе, проведенной Камской почвенно-геоботанической экспедицией под руководством Крюгера, профессор Пермского университета А. Н. Пономарев писал: «В то время (30-е годы. — С. Н.) подобные исследования были еще немногочисленны, а потому их постановка и полученные результаты представляли большой интерес и в методическом отношении, и с фактической стороны».

Профессор Крюгер руководил геоботаническими экспедициями в сельскохозяйственных районах Пермской области — Карагайском и Щучье-Озерском (ныне Октябрьский). Эти экспедиции обследовали естественные сенокосные и пастбищные угодья колхозов и совхозов с целью помочь землепользователям улучшить эти угодья и правильно их использовать.

Значительное место в научной работе Валерия Августовича заняли его ботанические поездки по Каме с целью изучения происхождения, эволюции и хозяйственной оценки пойменных лугов Камы, а также для познания зональных явлений в растительности камской поймы. Ученый побывал на следующих отрезках Камы: Лойно — Гайны, Бараново — Соликамск, Березники — Пермь, Пермь — Оханск, Сайгатка — Сарапул. Здесь, в пойме верхней, средней и нижней Камы, было встречено 353 вида покрытосеменных, голосеменных и папоротникообразных растений. Это более одной трети видов, зарегистрированных П. В. Сюзевым во флоре всей Пермской губернии. Валерий Августович обследовал луга в долинах ряда притоков Камы.

По материалам изучения камских лугов Крюгер подготовил несколько публикаций. В «Ученых записках Пермского университета» были опубликованы его статьи о формировании луговой растительности в пойме верхней Камы, о лугах реки Бабки и др., в «Ботаническом журнале» (1952) — статья о зональном распределении растительности поймы Камы.

Фитоценозы пойменных лугов было принято с некото-

рыми оговорками относить к фитоценозам азональным. Крюгер убедительно показал, что фитоценозы поймы Камы зональны. В подзоне пихтово-еловых лесов с липой в подлеске они одни, в подзоне пихтово-еловых лесов с липой в древесном ярусе — другие, а в подзоне липово-еловых лесов с примесью дуба — уже третьи.

За десятки лет непосредственного участия в экспедиционных работах Валерий Августович собрал значительные гербарии. Главнейшие из них хранятся в учебных заведениях и научных учреждениях Казани, Семипалатинска, Алма-Аты, Омска и Перми. Совместно с сотрудниками экспедиций он составил серию геоботанических карт. В частности, по поручению Ботанического института имени В. Л. Комарова Академии наук СССР, Крюгер в сотрудничестве с А. А. Генкелем и М. М. Даниловой составил в 1940 году карту растительности Пермской области.

В течение многих лет Валерий Августович был председателем общества естествоиспытателей при Пермском университете и Пермского отделения Всесоюзного ботанического общества.

Многолетняя безупречная научно-педагогическая деятельность В. А. Крюгера высоко оценена Родиной: он награжден орденом Трудового Красного Знамени в 1949 году.

В последние годы жизни Валерий Августович тяжело болел, однако, как только начинал чувствовать себя лучше, принимался за работу. В некрологе, посвященном памяти В. А. Крюгера, его коллега, профессор Пермского университета Анатолий Николаевич Пономарев писал: «Валерий Августович Крюгер был очень скромным и деликатным человеком, доброжелательно настроенным к людям. Он был настоящим тружеником».

Большая любовь Валерия Августовича к труду, его преданность работе могут служить примером и сейчас.

В. К. Слободинюк

Наша малая родина

Осенью 1988 года в жизни Аряжской восьмилетней школы произошло большое событие, к которому коллектив учителей и учащихся готовился около десяти лет: здесь открылся музей школы и одновременно села Аряж. На от-

крытие музея пришли и сельчане. Многие из них в свое время сами учились в Аряжской школе, затем помогали своим детям узнать историю школы и села, собрать экспонаты для музея.

У школы небольшое здание, выделить в нем специальное помещение под музей не представлялось возможным. И сельсовет помочь не смог. Экспонаты, прежде всего многочисленные фотографии с текстами, показываются в коридоре и в трех классных аудиториях.

Материалы для музея собирала группа «Поиск», в которую входят учащиеся с четвертого по восьмой класс. Долгое время группой руководила учительница русского языка Олимпиада Павловна Мальцева. Состав группы каждый год меняется: уходят окончившие школу, вливаются четвероклассники. Участники группы собирали материалы не только в самом селе Аряж, но и в окрестных деревнях, например в Губанах, обращались за справками в районный центр — поселок Куеду (от Аряжа до Куды 10 километров), в город Осу. Учащиеся писали запросы в государственный архив Пермской области (ГАПО), партийный архив Пермского обкома КПСС (ПАПО), в другие архивы. Говоря об этом, хочется отметить, что, получив из ГАПО первые сведения о создании в селе Аряж двухклассного училища, мы по-настоящему заболели поисковой работой. Поисковики обращались к книгам, вышедшим в Перми в дореволюционные годы, к газетам, беседовали с жителями. Учителя помогали школьникам советами, подсказывали, к кому обратиться, как оформить запрос. В частности, повседневно помогала школьникам учительница математики Татьяна Павловна Красноперова.

Важную роль в сборе материалов для школьного музея сыграли экскурсии учащихся в окрестности села, в районный центр и за пределы района.

Инициатор изучения истории школы и села учительница Олимпиада Павловна Мальцева ушла на заслуженный отдых и переехала в Куеду. Руководителем группы «Поиск» стала учительница русского языка Анна Александровна Русина. Краеведческая работа продолжается. Она воспитывает в учащихся, да и не только в учащихся, любовь к малой родине — к селу, колхозу, окружающей природе.

Поисковики собрали материалы по истории деревни, ныне села Аряж (в прошлом часто писали Аряжское), раскинувшегося у одноименной речки, притока Буя. При

сборе возникло много вопросов. Далеко не все удалось выяснить. Так, не смогли установить, что же означает само название речки и, стало быть, села.

Аряж — село старинное. Уже в 1781 году, когда было учреждено Пермское наместничество, оно было довольно широко известно. В составе наместничества образовались уезды, в частности Осинский. Первоначально он делился на три стана: Аряжский, Дубровский и Ординский. Аряжский стан по территории — это два нынешних южных района Пермской области: Куединский и Чернушинский, вместе взятые. С образованием стана Аряж стал значительным административным центром. Но в конце XVIII века в Аряже было только 11 дворов, 48 жителей. Эти данные сообщил нам Центральный государственный архив древних актов. В 1834 году в Аряже насчитывалось 37 дворов, 327 жителей. Обращает на себя внимание то, что, в отличие от первопоселенцев (конец XVIII века), семьи стали уже большие. В 1836 году была построена церковь, и Аряж из деревни стал селом. Его населяли государственные крестьяне, не находившиеся в зависимости от помещиков и монастырей. Таким крестьянам жилось, конечно, относительно легче. В 1843 году было открыто мужское приходское училище. Дети пошли в школу, но только мальчики. Аряжская восьмилетняя школа ведет свое начало от Аряжского мужского приходского училища. В 1993 году ей исполнится 150 лет! Женское училище появилось в селе много позже.

В 1871 году произошло новое важное событие в жизни села — открылся фельдшерский пункт (называли его фельдшерской лечебницей). Об этом сообщил ГАПО. Кстати, он же помог установить многие знаменательные даты в жизни села, в частности, что в 1912 году здесь открылась народная библиотека.

В 1873 году фельдшерский пункт преобразовали в больницу. Она была призвана обслуживать население нескольких волостей. В 1877 году уездное земство построило для больницы специальное здание. Это было, конечно, достижением в развитии земской медицины, но существенного сдвига в медицинском обслуживании сельского населения все-таки не вызвало.

В 1884 году, после окончания медицинского факультета Казанского университета, приехал в Аряж врач Николай Иванович Тезяков (1859—1925). Он проработал здесь пять лет. Наряду с лечебной работой этот врач-энтузиаст изу-

чал санитарное состояние села, школ в районе, обслуживаемом Аряжским врачебным участком, очень заботился о снижении заболеваемости населения. После свершения Октябрьской революции земский врач Н. И. Тезяков был приглашен на работу в Москву, в Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, стал заниматься организацией санитарно-курортного дела в молодой Советской Республике.

В дореволюционном Аряже имелось несколько небольших предприятий, обслуживавших нужды крестьянских хозяйств. В 1908 году в селе работали кузница, два небольших кирпичных завода, заведения по выделке кож, две мельницы. Большинство этих предприятий принадлежало зажиточным крестьянам.

В 1918 году в Аряже установлена Советская власть, образован сельский Совет. В истории села начался новый период. В августе 1918 года была организована Аряжская ячейка РКП(б). На 14 марта 1920 года она насчитывала 12 коммунистов. Первыми коммунистами в Аряже были учительница Анна Дмитриевна Иванова, крестьянин Иван Иванович Шивенко, заведующий почтой Михаил Кузьмич Гарбузов, народный судья Георгий Иванович Немытых и др.

В мае 1921 года в Аряже состоялась районная конференция РКП(б). На нее приехали коммунисты из сел Бикбарда, Федоровск, Бедряж, Верх-Буй, Большой Гондыр (село, населенное удмуртами).

Комсомольская организация в Аряже родилась в октябре 1919 года. Организатором ее был энергичный юноша Алексей Божеволин. В ячейку стекалась молодежь со всей Аряжской волости. В 1919 году большинство комсомольцев ушло на фронт гражданской войны защищать молодую Советскую Республику. Многие из них не вернулись обратно.

42 аряжца не пришли домой с фронтов Великой Отечественной войны. Это Мамат и Самат Абдульмановы, Аркадий, Валентин и Иван Башмаковы, Александр, Павел и Прокопий Маркеловы, Геннадий и Сергей Поповы, Андрей и Павел Чагины...

На планшетах рассказано о 28 воинах-аряжцах, вернувшихся домой, о их боевом пути, наградах. Одна из участниц Великой Отечественной войны — наша землячка Любовь Васильевна Шипунова (до замужества Симонова). С 1942 года и до конца войны служила в войсках связи.

После демобилизации из Советской Армии вернулась домой, долгое время работала бухгалтером. Сейчас Любовь Васильевна находится на заслуженном отдыхе. Школьники приняли ее в почетные пионерки школы.

Многое еще в деятельности музея можно улучшить, и группа «Поиск» Аряжской школы упорно, с интересом продолжает работу.

И. В. Шестаков

Памятник у деревни

Диктор объявляет: «Станция Кишертъ, следующая остановка — Камаи». Идущая из Шумково электричка быстро набирает ход. Через несколько минут поезд пересекает живописную долину Клеповского лога, покрытого с одной стороны молодняком липы, с другой — ельником (где склон теплее, там липа). Вдали виднеется страж округи — камень Глазырь; его «глаза» зорко стерегут покой этих мест. За выемкой с высокой насыпи открывается вид на реку Сылву.

Раннее утро. Над рекой местами еще держится белая дымка тумана, берега окаймлены зеленым бархатом кустов. Вот и деревенька моя — Верхние Частые, где протекало босоное детство. Все лето здесь слышатся звонкий смех детворы из пионерского лагеря, голоса студентов-практикантов из Пермского университета — будущих биологов, географов; утром, как и раньше, выгоняют на пастбище стадо коров.

Деревне Верхние Частые повезло: не умерла она, как расположенные рядом Ерши и Веснята, Багали и Кашевята... Первые упоминания о ней относятся к XVII веку. На левой стороне реки высоко в горах стоят, как бойцы, каменные скалы-бастионы: Коронка, Белый камень, Камайские зубцы.

Старинная деревня Верхние Частые (названа по имеющимся на реке островам Частые) развивается как усадьба заказника «Предуралье», основанного в 1943 году Пермским университетом. Заказник ботанический и геологический. Он создан с целью охраны обнажений толщ, образовавшихся в пермский период жизни планеты (примерно 250 млн. лет назад), и остатков растительности прошлых геологических эпох.

Много написано об этих местах — об их растительном и животном мире, о геологическом прошлом, неплохо изучены недра земли. Мы же скажем о людях, ушедших защищать Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Из жителей Верхних Частых почти каждый четвертый был на фронте.

Как только началась Великая Отечественная, ушел защищать Родину участник боев с японскими милитаристами на Халхин-Голе младший лейтенант запаса Александр Петрович Шестаков. Вскоре он пропал без вести. Только после многолетних поисков через земляка из деревни Грибушино Степана Красильникова удалось узнать, что Александр Шестаков участвовал в Смоленском сражении.

Погиб под Сталинградом Александр Александрович Рожков. Погиб под Тулой его однофамилец Александр Степанович Рожков. Отец Александра, Степан Михайлович Рожков, вернулся с фронта раненый и вскоре умер.

Во многие избы деревни Верхние Частые пришло горе: либо вовсе не стало отца, сына, либо вернулись инвалидами.

В одном из номеров кишертской районной газеты автор этих строк обратился к жителям деревни Верхние Частые, к сельскому Совету, к дирекции созданного на частинских землях заказника «Предуралье» с предложением общими усилиями поставить памятник не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны. Общественность горячо откликнулась на призыв.

Кишертская строительная организация выделила для устройства памятника панель, дорожно-строительный участок дал гравий, дирекция заказника обеспечила цементом. Все эти материалы были подвезены к месту сооружения памятника. Группа пермских спелеологов вырыла котлован под фундамент и сделала опалубку.

Студенты университета, научные работники, жители деревни и просто отдыхающие приняли участие в сооружении памятника. Среди них были профессор-геолог Б. К. Матвеев, сыновья ветерана войны Ивана Григорьевича Рожкова — трактористы Сергей и Николай... Каждый считал своим долгом что-то сделать для создания памятника погибшим воинам.

Летом 1987 года работы по сооружению памятника были завершены. 27 июня состоялось его открытие. Собрались около двухсот человек — втрое больше, чем жителей деревни. Тишина стояла над Сылвой, над лесом, над ста-

рыми подворьями, когда ветеран войны Григорий Иванович Рожков снял покрывало с плиты и все увидели имена не вернувшихся с поля боя. В это время за Сылвой раздался гудок проходившего по путям железнодорожного состава электровоза. Это был салют в память погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

В летнюю пору у подножия памятника алеют цветы — символ признательности советских людей участникам сражений с врагом.

**Из копилки
краеведа**

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ГОРОД!

Говорят, с одним англичанином, путешествовавшим по России в прошлом веке, произошел такой случай.

Пасмурным осенним вечером коляска подъехала к окраине какого-то селения. «Что это?» — спросил путник. «Кунгур, ваше благородие!» — ответил ямщик.

Англичанин задремал. Когда он проснулся среди ночи, коляска выбиралась из грязи около каких-то торговых рядов. «Какой это город?» — снова поинтересовался путешественник. «Кунгур, ваше благородие!» — снова отозвался ямщик.

Пассажир задремал снова и проснулся только утром, когда выбившиеся из сил лошади вытягивали коляску из лужи на окраине. «А это что за селение?» — «Кунгур, ваше благородие!»

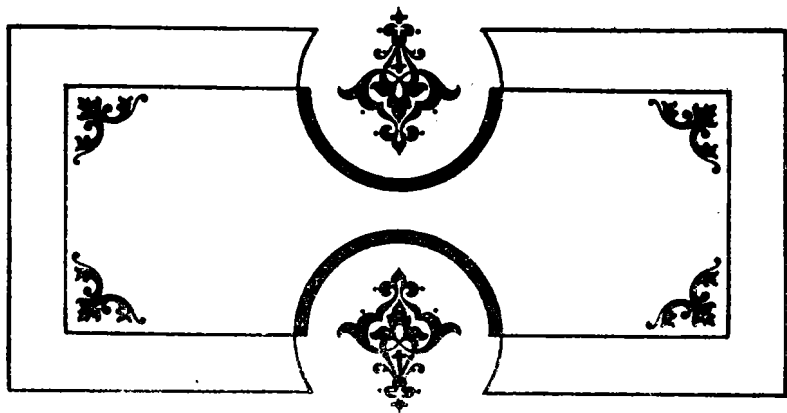
Старый Кунгур славился непролазной грязью.

Путешественник написал друзьям: «Самый большой город в России — Кунгур: мы через него ехали всю ночь».

V
ЛИТЕРАТУРА,
ИСКУССТВО,
КУЛЬТУРА

- В. Гладышев. Промелькнувший талант
Д. Красноперов. Пермские переводчи-
ки Оссиана
Р. Белов. Фома-непоседа первый
А. Чепкасов. Слово о земляке
В. Семянников. Иогансон в Прикамье

В. Ф. Гладышев

Промелькнувший талант

Старый мастер умирал в Саратове. В этой бурной жизни — не жизнь, а роман, говорили о нем — последнюю точку поставила болезнь. Гущина всегда тянуло жить у реки, у большой воды. Это с детства: вырос он на берегах Камы. В городе на Волге оказался отчасти не по своей воле: вернувшись на Родину из Франции, хотел поселиться «на постоянно» в Перми, да не приняли «блудного сына» пенаты.

И в творчестве его тема воды — тема глубины, тайны и беспокойствия. Прожив в Париже лет десять, он переехал к морю, в карликовое государство, княжество Монако. Может быть, поэтому, уже в 60-е годы, когда жить ему оставалось всего ничего, Николай Михайлович рванулся к морю, не Средиземному — к Черному. Его лебединая песня — работы, сделанные в Коктебеле, в доме, оставленном для художников, писателем Максом Волошиным, давним знакомым Гущина.

...Старый мастер умирал. Он попросил достать яду, чтобы оборвать мучения: рак не оставлял никаких надежд. «У нас это невозможно», — сказали ему. «Даже умереть нельзя, как хочешь», — прошептал художник...

До недавнего времени считалось, что существует толь-

ко словесное описание первого советского памятника в Перми. В начале 1987 года мне посчастливилось — иначе не скажешь — увидеть рисунок самого автора, реконструкцию по памяти, вид монумента в честь павших героев. Произошло это в Саратове, в дни работы первой персональной — посмертной — выставки творчества Н. М. Гущина.

На выставке я познакомился с владельцами работ Гущина, хорошо знающими автора. В экспозиции было представлено более 170 работ, и только 24 — из фондов художественного музея имени А. Н. Радищева, который и организовал в своих стенах выставку. Раиса Азарьевна Резник, до выхода на пенсию заведовавшая кафедрой западной литературы в Саратовском университете, рассказывала о творчестве, о личности Гущина как о чем-то очень важном, сущностном в этой брэнной жизни.

Комната Раисы Азарьевны, в которой мы беседовали с ней, показалась мне странно опустевшей. Только потом я понял, откуда это впечатление: главным украшением и содержанием коммунальной комнатухи, помимо книг, были картины Гущина. Восемь работ из своей коллекции Резник отдала на выставку художника, о котором она написала первое на Родине Николая Михайловича исследование его творчества, напечатанное, увы, опять же только после его кончины.

Перебирая папку с материалами о художнике, моя собеседница показала скромный карандашный рисунок, скорее небрежный набросок:

— Это эскиз памятника Борцам революции в Перми. Николай Михайлович попытался вспомнить, как выглядел памятник, когда я писала о нем свою статью (опубликована она была в сборнике «Материалы и сообщения» Саратовского художественного музея).

Памятник состоял из двух частей — арки и горельефа. Группа красноармейцев на фоне знамени несет раненого или убитого товарища. Одна из фигур как бы выламывалась из всей композиции, образ идущего впереди красноармейца с винтовкой в руке придавал памятнику динамичность. Романтический пафос реквиема виделся в этом порыве, устремленность единомышленников, сплоченных идей и чувством, готовность к отражению грозного врага...¹

¹ В сборнике «Отчий край», вышедшем в Пермском книжном издательстве в 1987 году, опубликована фотография, якобы запечатлевшая момент перед открытием памятника Н. Гущина. Здесь неточность:

Другой саратовский знакомый Гущина вспоминает, со слов автора, что пермский памятник содержал изображение символа новой власти — серп, молот, колосья — и на задней стороне монумента небольшой портрет автора.

На памятник в честь погибших героев гражданской войны Хохрякова, Большакова, Светлакова был объявлен конкурс, но провести его по всем правилам не удалось: колчаковцы наступали. Памятник создавался очень быстро: в октябре был утвержден проект художника Гущина. Эскиз из глины он лепил вместе с молодым скульптором Кузнецовым, только что окончившим скульптурное отделение Екатеринбургского художественного училища.

Смотрел я на гушинский эскиз и думал: мог ли автор такого памятника творить с холодной душой, не сочувствуя революционным идеям, не пытаюсь проникнуться убежденностью тех, кого в торжественной обстановке похоронили в 1918 году на улице Сибирской?

У художника был свой путь, очень непростой, непрямой. В пользу того, что пермский монумент не был лишь грамотной халтурой, говорит очень многое в биографии Николая Гущина.

Автор монографии о Гущине, изданной за рубежом, восторженный поэт и критик Луи Каппатти, например, создает образ юного Гущина однозначно: малообщительный, держащийся в стороне от сверстников, не интересующийся злобой дня молодой человек, убежденный в том, что «основной интерес должен заключаться в познании духовной жизни отдельной личности, которая в массе может только раствориться».

Во время учебы в Пермском реальном училище Николаем больше всего были довольны учитель рисования и регент. Да-да, одно время мальчик сильно увлекался церковным пением, сам участвовал в хоре. Много читал, выделяя поэтов-романтиков, писал стихи.

Страсть к рисованию пришла к нему с ранних лет. Еще малышом он увидел во сне красно-голубой карандаш. Проснувшись, мальчик упросил бабушку купить ему такой же, а затем краски. Когда учился, сделал удачную копию с работы своего преподавателя, настолько удачную,

под покрывалом угадываются очертания явно другого монумента, скорее всего, это открывают восьмиметровый памятник Л. Старкова, тоже недалеко от городского театра.

**Художник Н. Гущин во время
учебы в Московском училище
живописи, ваяния и зодчества**

«Автопортрет» Н. Гущина

что, когда копия была выставлена в витрине одного из пермских магазинов, ее быстро купили.

Вскоре Коля Гуцин рискнул участвовать в художественной выставке, и о нем как о подающем надежды таланте написала местная газета. Пейзаж его кисти за 100 рублей приобрел городской музей — большие деньги по тем временам, тем более для семьи с весьма скромным достатком.

Единственный пример участия Гуцина в революционном движении — сходка рабочих. Николаю было тогда 20 лет, он пошел вместе со своим знакомым митинговать. Собрание было жестоко разогнано казаками. Били всех без разбора, сильно перепало и Николаю: он еле добрался до дому, после этого проболел с год. Мало того, пострадал и его отец, столь же не опасная для властей личность. За то, что «плохо смотрел за сыном», Гуцина-старшего приговорили к тюремному наказанию, замененному крупным денежным штрафом.

Это был удар для семьи. Отец — сельский учитель, выходец из вятских крестьян, как и его жена. Родители на Николая не очень-то обращали внимание, да и его семья занимала не очень. Нервный, очень восприимчивый юноша уже тогда отстаивал свое право на «величайшее, единственное благо в мире, — как он объяснял французскому критику, — благо, которое возвышает человека и позволяет ему достичь божества — внутреннюю жизнь».

С этими умонастроениями вполне согласуется и вступление Николая Гуцина в Общество художников московской школы. Общество возникло в 1917 году по инициативе выпускников Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Вместе с Гуциным в него входило более 60 молодых мастеров, прежде всего тех, кого привлекала возможность, как гласил устав, «проявить себя художником вне направлений и кружковщины возможно ярче и полнее».

Одна из училищных работ Гуцина называлась «Фантазия». Начинающий художник чутко прислушивался к вибрации своей души, любил одиночество, пропадал в лесу, бродил по полям. Учителей постоянных у Николая не было, уроки брал от случая к случаю. Мир человека поглотил его настолько, что после реального училища Гуцин поступает в Петербургский психоневрологический институт, где учится два года.

Так вынашивались жизненные принципы художника,

своеобразие которого пытались анализировать, постигнуть многие отечественные и зарубежные исследователи.

Принципы эти не размылись, но только упрочились, отграничились, обогатились во время учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Гущин — художник нового поколения. Он поступил учиться, когда стены здания на Мясницкой еще живо помнили Валентина Серова. Авторитет его как живописца и человека был необычайно высок среди молодежи. Выход Серова из Академии художеств в знак протеста против неблаговидной, грязной роли «августейшего» президента в связи с кровавыми событиями 9 января 1905 года — этот поступок запомнился питомцам училища, многому учил молодежь.

Выходец из демократических кругов, человек свободлюбивых, независимых убеждений, Николай Михайлович вернулся в Пермь профессионалом — художником первой степени. В Перми он активно занялся творчеством и — что не очень на него похоже — вел организаторскую работу.

Весной 1918 года в Перми организовался Союз свободных художников, а вскоре в городе появилось художественное училище. Сбылась мечта многих прогрессивно мыслящих горожан: ведь до революции не раз подавались в Министерство просвещения предложения, записки, прошения с просьбой организовать в губернском центре такое заведение, но все было тщетно.

Николай Гущин принимал участие в организации Дома народных искусств, вел класс живописи и рисования. На фотографии того времени Гущин среди преподавателей, расположившихся полукругом за столом, — самый молодой, красивый, черноволосый и единственный, кто не смотрит в объектив, а склонился к столу, что-то набрасывает...

Гущину, а также другому пермскому художнику и педагогу И. С. Семерикову было поручено съездить в Москву, утвердить смету, получить материалы для училища и обязательно добиться встречи с Лениным. В Москву Гущин поехал с радостью: он проучился в этом городе почти шесть лет и полюбил его, здесь встретил и свою жену, красавицу Наташу.

С Лениным встретиться не удалось, но все остальные поручения были выполнены. Смету утвердили, гипсы и кое-что из инструментария художников добыли.

Покинув Москву, напоминавшую растревоженный улей,

Гущин со своим старшим коллегой вернулись в родной город. Каким же тихим он показался после столицы! Но и в Перми жизнь начинала бурлить. Чего стоили одни поиски помещения для будущего училища! На первое организационное собрание Союза свободных художников пришло сорок человек. А количество учащихся вскоре перевалило за сотню. Были открыты и вечерние классы.

Близость Гущина к революционным исканиям предоктябрьского периода несомненна. Данное обстоятельство определялось и кругом новых знакомых молодого художника. Профессионал вполне реалистической закваски, ученик Сергея Малютина, Константина Коровина, Николая Касаткина (в их классах занимался Николай в Московском училище), Гущин тем не менее не мог не интересоваться весьма необычными течениями и направлениями в искусстве тех лет.

Как писал Велимир Хлебников в стихотворении, посвященном Давиду Бурлюку — предприимчивому поэту, художнику, который и Гущина пытался покровительственно взять под свое крыло, — «странная ломка миров живописных была предтечею свободы, освобождением от цепей».

Непросто было Николаю нащупать свою дорогу. Добротную школу он все-таки получил. Из училища был исключен Маяковский, в 1910 году «вылетели» наиболее левые студенты: Ларионов, Куприн, Фальк, Рождественский. А Гущин учился, и успешно. На все у него был свой взгляд. Знакомые его футуристы относились к нему с уважением, поскольку чувствовали: перед ними особый человек.

Стихотворение Василия Каменского так и называлось: «Рисунки Николая Гущина» (подлинник хранится в ЦГАЛИ). Оно несколько растянуто: Каменский в ту пору еще овладевал формой, здесь приведен только фрагмент:

Пусть Америка и Атлантический океан
Ради песни хрустальной
Помнят твой

промелькнувший талант
На заре солнцевстальной.
Верю: будет пора, и воистину свет
Всех возрадует славой цветущей.
Это будет художник-поэт
Николай изумительный

Гущин...

Выставку современной живописи в Благородном собрании организовал тот же неутомимый Каменский. Он и

Гущина привлек к участию в этом предприятии. По каталогу у Гущина значатся два десятка произведений!

Выставка 36-ти — так она называлась — оказалась весьма пестрой по составу и течениям: от реалиста С. Малютина, представившего портрет дочери, до футуриста Д. Бурлюка...

Гущин привлекал к себе людское внимание. Брюнет, с пышной шевелюрой, пылкий, горячий, душевный человек, он не скрывал своих антипатий к старой школе академистов, очень правильной и заслуженной.

Каждый учащийся сам вынужден был разбираться, что ему ближе, какой метод работы. Виктор Орешников, ставший позднее народным художником, к Гущину не пошел. А вот Старков спустя многие годы вспоминал: «Гущин вложил в мои руки кисть и краски, понимание цвета. Если у Седова я понял принцип рисования, то Гущин указал мне путь к живописи...»

Однажды во время работы над головой натурщика Николай Гущин подошел к Старкову, потребовал мастихин (нож у художников) и... вмиг счистил с холста только что нарисованную голову старика. Ученик чуть не заплакал с досады: ему казалось, что голова хорошо удалась. Затем педагог потребовал убрать с палитры «землянки» (коричневые краски, мумие и пр.). Обмакнув кисть в ультрамарин, Гущин нанес твердый рисунок головы натурщика, а затем начал накладывать краски. Делал он это быстро, горячо, одновременно показывая принцип лесировки на бороде старика.

Закончив наглядный урок, сказал:

— Вот так, Старков, и дальше продолжайте. Чувство у вас есть, будете писать.

В ноябре 1918 года у местных художников разразился небольшой, но очень неприятный скандал. Повод был, в общем-то, незначительный — предпринятый Союзом художников отзыв из состава оргкомиссии Дома народных искусств нескольких человек.

Но в результате Николай Гущин пишет заявление в правление Союза, в котором отмечает, что инцидент развивается в сторону усиления, «...и потому имею честь заявить правлению, что я с 14 ноября 1918 года прекращаю свою деятельность в оргкомиссии впредь до окончательной ликвидации в положительном смысле данного инцидента».

То, что инцидент принял нешуточные размеры, под-

тверждает приписка одного из отозванных, Г. К. Козьминых. Это даже не приписка, а гневная отповедь, написанная прямо на машинописном уведомлении Союза об отзыве. В ней есть такие выражения: «Я таким глупостям не только не могу подчиниться, но смеюсь вам в физиономию, стыдитесь!.. 15 человек — не общее собрание, а кучка педагогов, заинтересованных в своих постановлениях! Не прикрывайтесь именем Союза! Экая гадость говорить от имени 70 человек!» и т. п.

Противостояние двух систем преподавания, двух школ не кончилось миром. В местных «Известиях» эта стычка названа недоразумением.

Не пришли к общему мнению художники и по поводу приглашения заведующего гончарно-керамической мастерской. Гушин не мог не принять сторону своих единомышленников, сторону, за которой, убежден он, прогресс и развитие нового искусства. Со всей принципиальностью, с горячностью молодости отстаивал он свое мнение. Это отразилось в хронике под рубрикой «Местная жизнь», которая через десятки лет доносит до нас мнение обозревателя, что «недоразумение приняло особо острую форму после того, как председатель оргкомиссии И. А. Семериков был заменен другим художником, Н. М. Гушиным».

Вспыхнувший в ноябре конфликт не мог, однако, отвлечь Гушина от выполнения конкурсной работы — памятника Борцам революции. Памятник создавался в спешном порядке. Эти темпы можно было объяснить и революционным энтузиазмом: обстановка в городе становилась все напряженнее, положение на Восточном фронте ухудшалось.

Первый советский памятник в Перми простоял всего два месяца. Ворвавшиеся в город колчаковцы не только вешали и расстреливали «краснопузую сволочь». Они с ненавистью уничтожали и все признаки Советской власти, и людей, помогавших «совдепии».

Скульптурный монумент-реквием на могиле борцов за народное счастье был взорван, сама могила разорена. Автора памятника Николая Гушина занесли в черные списки...

Год спустя, когда Гушина «вынесло» за пределы России, в Китай, он активно зарабатывал деньги на прожитие, на дорогу в Париж, вел студию, организовал выставку. Народ шел на нее все разный: от бывших царских чиновников до солдат. Но посетитель был, успех — налицо.

Когда выставка демонстрировалась в Харбине, автор услышал, как двое мужчин, переговариваясь между собой, упомянули про Пермь. Художник насторожился. Посетители спросили, не тот ли он Гушин, что создал памятник в Перми.

— Тот самый, — ответил Николай.

Ничего страшного, однако, не произошло. Новые поклонники его творчества, явно военной выправки, расшаркались перед художником. Но уходя, один из посетителей сказал:

— Хорошо, что мы тогда не расстреляли вас, иначе бы не было этой интересной выставки.

Бывшие колчаковцы удалились. Николай опустился на стул у двери зала. В голове мелькнула горькая догадка: «А ведь эти вояки, наверно, считают, что я с ними сейчас в одинаковом положении — человек без Родины...»

...Тогда, в Перми, в первые дни 1919 года, на сборы ему оставалось около суток. Своему ученику, случайно зашедшему к нему, Гушин сказал: «Прощайте, Старков, я уезжаю в Индию». И протянул ему коробку постелей.

В 1920 году ученик оправдывает надежды, возлагаемые на него Гушиным: он, как и его преподаватель, проявит себя в не совсем привычном амплуа — как автор скульптурного монумента, второго советского памятника, установленного неподалеку от того места в Театральном саду, где стоял и гушинский монумент. Свято место пусто не бывает...

Сам Гушин в этот период творчески работал в Китае, устраивал выставки в Харбине, Тяньцзине, Пекине, Шанхае.

Ранее ему уже приходилось бывать за рубежом. В начале 1914 года, после успешной четырехлетней учебы, он получил право на поездку в Америку (в художественных училищах царской России такие «пенсии» были обычным явлением. Средства поступали в основном от благотворителей). Николаю Гушину одно время помогал Николай Мешков, знаменитый камский пароходчик, миллионер, «пермский Савва Морозов», как называли купца потому, что он помогал своим «могильщикам» — большевикам.

Во Францию он ехал с целью продолжать художественное развитие. Своими юношескими впечатлениями от французов Николай поделился в беседе с Луи Каппатти, и французский биограф склонен, пожалуй, преувеличивать роль тех впечатлений. Утверждение Каппатти, что выстав-

ка французских импрессионистов — в русских коллекциях Морозова, Щукина оказались превосходно подобранные работы знаменитых новаторов в живописи — открывает Гущину его гидов и учителей, с этим утверждением можно согласиться только отчасти, так же, как и с тем выводом, что перед картинами художников из России Гущина всегда охватывало ощущение холода, чего-то чопорного, застывшего. Не всех соотечественников не уважал Николай Гущин. О своих учителях — Коровине, Малютине, Серове, Врубеле — он с восхищением рассказывал, работая в пермском Доме народных искусств.

Да, крупные русские мастера были близки Гущину. Очень напоминает, например, литографированный автопортрет Н. Гущина, выполненный в 1920 году, врубелевского «Пана». Напоминает, конечно, не внешним видом, манерой и т. п., но духом своим, известным пантеизмом и чем-то еще неуловимым.

На первый взгляд, художник с Урала получил в «Мекке художников» все, о чем мечтал. Устроиться удалось на Монмартре, на улице Рошешуар. Пропадал в Лувре, Люксембургском музее, изучал картины великих французских мастеров. Участвовал в выставках — Осеннем и Весеннем салонах, у «Независимых», в «Салоне Тюильри», устраивал ряд персональных выставок.

Через несколько лет Николай Гущин получает приглашение на выставку Королевской академии в Лондоне, затем в Брэдфорде. Гущинские работы начинают приобретать коллекционеры, а также крупные западноевропейские музеи: Голландии, Бельгии, Англии, Швейцарии, Италии, Франции, Монако.

Первые годы за границей — это и годы самоутверждения, поиски заказчиков, добыча средств на жизнь. Приходилось порой ломать себя, поступаться принципами. С юмором рассказывал Николай Михайлович, как он стал знаменит. Случай помог. Одна богатенькая графиня, которой порекомендовал Гущина его знакомый, заказала свой портрет. Приходит художник в замок, а там его встречает... обнаженная хозяйка. В таком виде портрет и требовался ей. Выполнил художник заказ. Той понравилось, позвонила потом своим светским знакомым. Проблема материального обеспечения жизни была разрешена.

Гущин стал модным художником. Известность приносит и участие в выставках вместе с Матиссом, Пикассо, Руо, Браком.

Побывав в мастерской Гущина в Монте-Карло, на выставке его работ, организованной в Монако в Национальном бюро по туризму, автор одной из двух монографий, изданных о нашем земляке за рубежом, Луи Каппатти, не может сдержать своего изумления: «Неужели один этот человек — автор столь разных работ?» Критик приходит к выводу, что широкое разнообразие — это проявление глубокого единства, поиск выражения души, сущности всего и вся, гармонии.

Индус с огненным взглядом... Фея, девушка со смуглыми скульптурными формами, рядом с белокурым ребенком... Прекрасная женщина со взглядом, устремленным к некоей мистической лазури... Отрешенный клоун... «Автопортрет» художника, который загадочен и притягателен... Впечатление критик уносит такое: «Мощная стать, лицо, отмеченное бороздами переживаний и силой духа, не то карие, не то серые глаза, в которых холод металла смешивается с острым блеском напряженной внутренней жизни. Все это не лишено дисгармонии. Мне выпал счастливый случай смотреть на художника, перед которым позировало столько моделей...»

В пронизательности Луи Каппатти, поэту и критику, нельзя отказать. Далеко не все гладко было в жизни Гущина на чужбине. Он познал и вероломство человеческое, и низость поступка соотечественника на себе испытал: доверил крупную сумму знакомому эмигранту, а тот исчез.

Но не это самое страшное. Деньги — дело наживное, — житейскую мудрость эту Николай Михайлович вполне разделял. Ему довелось работать в самый трудный период французской жизни и маляром, и таксистом, играть в оркестре. А вот развод с женой пережил с трудом.

...С Наташей, студенткой медицины, Николай познакомился в Москве. Поженились, привез молодую жену в Пермь, с этим городом Гущин вообще связывал свое будущее. А когда вынужден был спешно бежать из захваченной белогвардейцами Перми, с Наташей договорились, что она будет догонять мужа, для чего разработали специальную систему нахождения «указателей»: Гущин оставлял в разных городах записки в условленных местах с обозначением дальнейшего своего маршрута.

Образ Наташи, Тоси, как звали ее близкие, — это и творческие удачи художника. Журнал «Мэлер колери» опубликовал «Композицию» Гущина: в зеленых волнах лунного света — запрокинутое лицо красивой молодой

женщины, она закрыла глаза и словно сама светится тихим, неземным, ирреальным светом. Но не мечтательность — тоска, предощущение беды исходит от этого призрачного образа, в его символике — что-то ностальгическое, надломленное.

Чувство кончилось, ушло. Она встретила другого. В их большой квартире было венецианское зеркало, перед разводом оно вдруг треснуло... Художник уходил на яхте в открытое море, в непогоду, искал смерти.

Он переломил себя — во имя искусства. Самый тяжелый период — когда ему не хотелось работать, а работа, творчество для него были все. Николай Михайлович не поддерживал с бывшей женой никаких контактов. Она осталась во Франции. В Саратове, услышав о том, что она умерла, он сказал: «Странно: словно речь идет о чужом человеке».

Гущин научился управлять жизнью своего духа. Да, духовная измена близкого человека выбивала почву из-под ног, и он нашел в себе силы преодолеть психологический кризис.

Наташа была для художника частицей России, с другими эмигрантами он не очень-то общался. Нравы, царившие в белоэмигрантской среде, ему были не по душе. «Мы бесконечно одиноки на дне своей души — тюрьмы», — все чаще всплывала в его памяти брюсовская строка. Он несколько раз обращался с просьбой о возвращении к Советскому правительству. В 1933 году возбуждал ходатайство — ответа не последовало.

«Только тот может сполна оценить свою великую Родину, кто был оторван от нее на многие годы», — так пишет позднее Николай Михайлович своему ученику.

Возвращение художника на Родину активно поддерживал Союз художников. Через него и добился своего; в 1947 году по иностранному паспорту, выданному советским генеральным консульством в Париже, приехал в Советский Союз.

Последней работой, которую выполнил Гущин в зарубежный период, был портрет Сталина. Он подарил его в знак благодарности советскому посольству.

С возвращением на Родину не кончились для художника мытарства. «Блудного сына» не принял наглухо закрытый город Пермь. Даже галерея отказалась принять его работы — его дар!

Обосновавшись в Саратове, он плодотворно работал

реставратором в художественном музее, писал картины. Долгое время бедствовал в прямом смысле слова. Продолжал писать картины, но на выставки пробиться не было возможности. Его считали чуть ли не «идеологическим диверсантом», дело доходило до слезки за «парижанином». Его уволили из училища, где он начал было преподавать.

У Николая были, конечно, друзья, была любимая работа, за которой он все забывал. Но как все же живучи дряхлые стереотипы в человеческом сознании! На недавней выставке в Москве, посвященной 100-летию Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева, «Автопортрет» Н. М. Гущина в экспозицию опять не попал. На выставку к 100-летию самого Гущина в Саратове широкие массы прийти не смогли: афиши разрешено было повесить на здании музея и неподалеку от него.

Булат Окуджава после знакомства с Николаем Гущиным написал стихотворение «Как научиться рисовать», посвятив его нашему земляку.

Если ты хочешь стать живописцем,
ты рисовать не спеши.
Разные кисти из шерсти барсучьей
перед собой разложи.
Белую краску возьми, потому что
это — начало, потом
желтую краску возьми, потому что
все созревает, потом
серую краску возьми, чтобы осень
в небо плеснула свинец,
черную краску возьми, потому что
есть у начала конец.
Краски лиловой возьми пощеднее,
смейся и плачь, а потом
синюю краску возьми, чтобы вечер
птицей слетел на ладонь,
красную краску возьми, чтобы пламя
затрепетало, потом
краски зеленой возьми, чтобы веток
в красный подбросить огонь.
Перемешай эти краски, как страсти,
в сердце своем, а потом
перемешай эти краски и сердце
с небом, с землей, а потом...
Главное — это сгорать и, сгорая,
не сокрушаться о том.
Может быть, кто и осудит сначала,
но не забудет потом.

Пермские переводчики Оссиана

В 1765 году Джеймс Макферсон (1736—1796) издал двухтомник, состоящий из нескольких поэм под названием «Сочинения Оссиана». Это была литературная мистификация английского поэта, приписавшего себе честь открытия поэзии Оссиана.

Поэмы Оссиана — это цикл лиро-эпических сказаний с центральным героем Фингалом, королем легендарного древнего государства Морвен на западном побережье Шотландии. Здесь находился королевский дворец Сельма. Автором поэм объявлялся Оссиан, воин и бард, старший сын Фингала.

Двухтомник Макферсона (на русский язык переведен в 1792 году) имел сенсационный успех. Было много споров о подлинности этих поэм. Песни Оссиана сильно повлияли на предромантическую литературу. Их переводили, ими зачитывались, их прославляли. Молодой Гете упивался Оссианом, ставил его выше Гомера и вложил свой восторг в уста Вертера:

«Оссиан вытеснил из моего сердца Гомера. В какой мир вводит меня этот великан!»

Позднее образами Оссиана вдохновлялись Байрон и Гюго.

Россия тоже не осталась в стороне от этого европейского литературно-общественного движения. «Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!» — восклицал молодой Карамзин. Он пропагандировал поэзию Оссиана в своих журналах, помимо собственных переводов, печатал стихотворные переложения шотландского барда, выполненные И. Дмитриевым, В. Капнистом, П. Кайсаровым и др. Увлекался Оссианом и Державин, поэзию которого называли «лирой русского Оссиана». Позднее Жуковский, Озоров, Гнедич, Рылеев, Кюхельбекер, Пушкин, Лермонтов — все они испытали на себе мощное воздействие оссиановской поэзии, что способствовало становлению русского романтизма. Для примера можно сослаться на оссиановские ассоциации в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»:

Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары

И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.

Приглашение побежденного противника на пиршество — характерный сюжетный мотив в поэмах Оссиана.

В. А. Жуковский в 1815 году опубликовал балладу «Эолова арфа». Тема ее — несчастная любовь царской дочери и бедного незнатного певца. Одним из источников поэтической образности служил для него Оссиан. Из этого же источника почерпнул Жуковский и сюжетный центр баллады — поверье об арфе, повешенной на ветвь, чтобы сообщать живым о смерти и отзываться на прикосновение пролетающей тени.

Увлечение Оссианом переживали самые разные поэты — и знаменитые, и менее известные, жившие в глухой провинции.

Одновременно с «Эоловой арфой» Жуковского в «Трудах Казанского общества любителей отечественной словесности» в 1815 году была опубликована баллада пермского поэта Алексея Протекинского «Рыцарь золотой брони». Она имела большое сходство с «Эоловой арфой»: те же имена, та же обстановка средневекового рыцарства, тот же северный романтический колорит. В ней рассказывается о могучем и коварном черном рыцаре, «ужасе стран окрестных», который всех побеждал на рыцарских турнирах и странствовал в поисках приключений и славы. Наконец его страсть к турнирам привела

В область Сельмы — там жила
Милая Минвана!
Сельмы красотой слыла
И единая была
Дочь царя Морвена.

Минвана пленяла своей красотой всех рыцарей, но ей был мил лишь «рыцарь брони золотой». Добрый царь Морвен, видя их взаимную любовь, дал согласие на брак, но в день обручения после турнира и пиршества черный рыцарь, подкупив стражей, похитил Минвану. «Рыцарь золотой брони» пустился на поиски похитителя. Нашел его замок, убил злодея, спас Минвану, и оба они, счастливые, поспешили в родную страну.

Кто же такой Алексей Протекинский? В государственном архиве Пермской области (ГАПО) в деле Пермской палаты уголовного суда за 1815 год имеется послужной список его отца, надворного советника Павла Ульяновича Протекинского, служившего сначала ассессором, потом

судьей Пермского уездного суда и прибывшего в Пермь из Рязани (служил там канцеляристом в Казенной палате) в 1783 году. Сын его, Алексей, в год опубликования баллады служил губернским секретарем. Было ему тогда 24 года.

У пермского судьи имелось десять детей. Алексей — второй ребенок в семье. Старший его брат Александр был штабс-капитаном в Екатеринбургском пехотном полку. На военную службу потянуло и Алексея. В деле против его имени записано: «...по желанию его отправлен в Белосток к господину генералу от инфантерии князю Лобанову-Ростовскому». Дальнейшая судьба Алексея Протекинского неизвестна, как неизвестно и то, написал ли он еще что-нибудь, или «Рыцарь золотой брони» — его единственное произведение.

В начале 50-х годов прошлого столетия в Перми жил еще один переводчик Оссиана — Василий Евграфович Вердеревский. В эти годы он уже отошел от литературы, но в молодости отдал дань увлечению шотландским бардом. Его переводы некоторых песен Оссиана были опубликованы в журналах «Благонамеренный» (1822) и «Мнемозина» (1824). Кроме Оссиана, он переводил Горация, Байрона, Шенье.

Выпускник Московского университета, В. Е. Вердеревский служил сначала в полку, затем ушел в отставку и пытался преуспеть на поприще гражданской службы. Один за другим следовали повышения в чине и новые назначения. Его послужной список, хранящийся в ГАПО, состоит из восемнадцати пунктов. Здесь служба и в департаменте внешней торговли, и в военном министерстве, и в канцелярии петербургского генерал-губернатора, и т. д. В 1847—1853 годах он уже действительный статский советник и занимал должность председателя Пермской казенной палаты. Его дом на Набережной улице, отделанный с купеческим размахом, был одним из самых больших и богатых чиновничьих домов в Перми.

В 1853 году высланный в Пермь известный русский писатель Н. Ф. Павлов, автор нашумевших «Трех повестей» (1835), успел встретиться в Перми с В. Е. Вердеревским, который собирался покинуть Пермь и выехать по новому назначению в Нижний Новгород. Вот что писал Павлов об этой встрече своему другу, поэту и критику С. П. Шевыреву: «Встретил здесь давнишнего знакомого, Вердеревского, который, впрочем, уехал. Он давал мне

обед, на котором племянник его пел мой романс, и сказывал, как они в лицее прятали под подушки мои повести».

Племянник Вердеревского — это Евграф Александрович Вердеревский, известный журналист и поэт, редактор газеты «Кавказ» в 1853—1856 годах, автор путевых очерков «От Зауралья до Закавказья» (1857). В 1848—1853 годах он жил у дяди в Перми и служил сначала чиновником особых поручений при губернаторе, потом заседателем от дворян в Пермском совестном суде.

Эти два малоизвестных переводчика Оссиана, в разное время проживавшие в Перми, хотя и считаются второстепенными поэтами, оставили свой след в истории русской поэзии. Поэтому их имена не должны быть забыты.

Р. П. Белов

Фома-непоседа первый

В коротенькой аннотации-справке, которой снабжена книга Афанасия Матросова «Лисье горе» (Пермь, 1959), литератор и журналист Савватий Михайлович Гинц, редактор многих книг поэта, говорил о нем так: «Уральский поэт Афанасий Матросов писал в разных жанрах. Он выступал как поэт-лирик, как автор полных юмора и тонкой наблюдательности стихов для детей, наконец, как баснописец. И именно в трудном жанре басни, представителей которого не так-то много в нашей литературе, приобрел он широкую известность среди читателей. Человек этот был необычайно острый на язык, обладавший великолепной способностью к экспромту, и в пермской литературной среде языка его крепко жалящих эпиграмм побаивались, хотя самого автора любили все, кто его знал».

Как пишут биографы, «пестрой была жизнь этого талантливое человека». С 15 лет работал учеником кузнеца. В 1928 году уехал на Урал, с которым с тех пор навсегда связал свою судьбу. Был молотобойцем, инструктором кузнечного дела, учился на рабфаке, окончил в 1937 году литературный факультет Пермского учительского института. Много лет посвятил работе в пермских газетах, в выездных редакциях «Правды», «Известий», «Звезды», на предприятиях и крупнейших стройках области и страны. При жизни выпустил 14 книг.

Судьба у него складывалась скорее драматическая, чем веселая, но юмор из него выпирал, как из квашонки

тесто в тепле на хорошей опаре: соленый, грубоватый, но вечный и здоровый.

Медведь попал на службу в Лессовет
И там работал много лет.
Топтыгин был исправен до предела:
Не тер штаны, как говорят, без дела.
Являлся раньше всех он в кабинет,
Просматривал полдюжины газет,
Покуривал от скуки папиросы
И разрешал квартирные вопросы.

Не случайно Алексей Домнин назвал Матросова «главнокомандующим сатирой».

Как-то Афанасий лежал в госпитале: у него был туберкулез горла, и ему часто приходилось обращаться к врачам. Но болезни не могли лишить его жизнелюбия. Вот и тогда он — играючи, конечно, — решил поухаживать за хорошенькой медсестрой.

«Роман» начал развиваться весьма своеобразно и плачевно: на следующее же утро после знакомства сестра вошла в палату и, посмеиваясь, сказала: «Укольчик, Афанасий Лазаревич...» И всадила ему шприц. Это ухажеру-то!

На следующее утро — то же самое. Но Матросов встретил ее уже во всеоружии. Пока она готовила свой унизительный инструмент, он, лежа на кровати, прочитал:

В палату каждый день с утра
Приходит Клава, медсестра,
Втыкает грамм стрептомицина.
А что же дальше? Медицина...

Матросову принадлежит идея фельетонов-раешников «Лесные беседы Фомы-непоседы», которые, по слухам, и по сию пору читают не без удовольствия. Он был их первым и наиболее удачливым автором.

Еще один печально-смешной эпизод из его жизни. Его басню «Кот на базе» очень любили читать с эстрады — вероятно, ничуть не меньше, чем «Зайца во хмелю». Ну, а поскольку не шибко литературно грамотные чтецы во многих концах страны фамилию Матросова не знали и предполагали, что все самые выдающиеся басни могут принадлежать только Михалкову, то и «Кот на базе» приобрел новое авторство. Соответственно — и авторские отчисления с концертов.

Однажды, встретившись с Михалковым, Матросов попросил восстановить справедливость: «Знаете, неувязочка получается, моего «Кота» читают за вашего». До «сытого» Михалкова дошел только юмор этой анекдотической

ситуации. Он ответил что-то такое: «Ну что ж, сочтемся славою. Авань и мои где-нибудь прочтут за ваши...»

Афанасий всю жизнь был абсолютным бессребреником, тем, кому «и рубля не накопили строчки».

А. Л. Матросов скоропостижно скончался в августе 1966 года. Сегодня ему бы исполнилось 80 лет. Но не дожил он до этого юбилея, зато остались его книжки, эпиграммы и басни, неизбывный юмор и остроумие на долгие годы в памяти тех, кто знал его, и навсегда — в памяти читателей.

У Льва кружилась голова.
И, говорят, тому причина,
Что Лев достиг большого чина,
Обрел огромные права.
Его болезнь пугала Львицу:
Она вздыхала день и ночь:
«Ну, чем Вам, Левушка, помочь?
Везти прикажете в больницу?»
Но тот ответил: «Я к врачу?
Принципиально не хочу!»
И зарычал он, как всегда:
«Пусть доктор явится сюда!..»
Неделю с лишним проболев,
На службе появился Лев,
И сразу на Хорька-главбуха
Он зарычал протяжно-глухо:
«Ты почему мне, старый пес,
Зарплату на дом не принес?»
«Так Вы же более недели
В начале месяца болели
И почему-то по сей день
Не предъявили бюллетень», —
В ответ начальнику Хорек
Довольно вежливо изрек.
На это разъяренный Лев
Еще страшней разинул зев:
«С кого больничный просишь лист?
Ох, бюрократ! Ох, формалист!
Сообразил бы головой,
Что я не кролик рядовой!»
Хорек, хотя и трусоват,
Но не ответил: «Виноват».
И, не вступая в долгий спор,
Сказал начальнику в упор:
«Вы Лев... И можете позволить
Меня сегодня же уволить.
Но я одно прошу учесть:
На львов управа тоже есть».
Как жаль, что мы, читатель, с вами
И в нашей местности нет-нет
Еще встречаемся со львами,
Которым чин большой — во вред.

Слово о земляке¹

Отдалившись на значительное расстояние от своих сверстников, по закрайке лога резво ехал верхом на молодой лошади малыш. Его конь был впряжен в волокушу, сделанную из свежих березовых веток. То и дело она цеплялась за крупностебельные сорняки, выпрыснувшие на пашню, подступавшую к ложбине. За всадником поднималось пыльное облачко. Когда верховой стал приближаться к вершине угодья под названием Толоконник, собравшиеся на уборку сена колхозницы узнали наездника:

— Так это же Ванюшка-конопатый, Михайла Байгулова младший сын! Расторопным растет парнишка!

— Увальнем-то не по кому быть, — отозвался кто-то из пришедших.

Один за другим подъезжали мальчишки, наряженные бригадиром на подвозку копен к стогам. Подошли припоздавшие бабенки. Старшие вилы несли, кто помоложе — грабли. Я хотя тоже невелик был, но метать сено поставили в пару с дядей Сергеем. Это был первый послевоенный мирный сенокос. Мужики, кои живы остались, еще не успели вернуться с войны.

Ванюшке в тот год всего лишь девять лет исполнилось. Как сейчас помню его, веснушчатого, слегка рыжеволосого. Ко всему проявлял необычайный интерес, но никак не праздное любопытство. Его внимание сосредоточивалось на том, как мужики ловко и умело стожары ставили на выбранном сухом пригорке, мастерски стога вершили, придавливая сверху большим разлапистым сучком на случай непогоды, как волокуши собирали.

Очень уж привлекал Иванка в тот страдный день небольшой топорик, прикрепленный дужкой к Сергееву ремню. Много раз прикасался Ванюшка к драгоценному сокровищу с мечтой изладить что-нибудь с его помощью. Но Сергей побаивался оставить без надзора орудие труда: чего доброго, порежет мальчуган руки, хлопот не оберешься.

¹ О писателе Иване Михайловиче Байгулове (1936—1981), уроженце деревни Дубленевка Пантелеевского сельсовета Куединского района.

Ходко подвозил Ванятка сено от прокосов. Глядя на него, не ленились остальные возчики. Ладилась работа. Как грибы, выростали в Толоконнике стога. Когда собрали последнее сено, дождик брызнул. Сергей распорядился расходиться по домам. Первыми сообразили мальчишки. Захватив пустые от паузинок наволочки, мигом во главе с Ванюшкой мчались конники в сторону деревни.

Другой раз наш герой за увалом боронил пары. Мой брат Павка пахал. Измотались пахарь и бороноволок от изнурительной дневной жары, неотступно атакующих слепней. Но пыл ребячий не угас. Выпрягали пораньше лошадей и решили прокатиться с ветерком, чтоб назойливую мошкарю разогнать по сторонам. Вобразившись стоя на коней и потуже натянув поводья, вначале рысью, а потом галопом поскакали по вспаханному полю. В пыльной туче просмотрели председателя, выехавшего из-за поворота на колхозном «воронке».

— Опять Пашка проказничает! Оштрафую озорника на десять трудодней за баловство и потворство пацану! — услышали юные «чапаевцы» от раздраженного Калабина.

Припоминается и такая встреча с юным Иваном. После окончания первого курса института приехал я в родную деревню на каникулы. Иду мимо усадьбы Байгуловых. Светлый пятистенный дом весело смотрит со взгорка в сторону того самого Толоконника, в котором довелось вместе с Иванком убирать сено в первое послевоенное лето. Ползая по палисаднику на четвереньках, Ванюшка выбирал жирных червяков из только что опрокинутого черноземного пласта. Обернувшись, живо поздоровался. Услышав нас, со двора вышел его брат Николай (мой ровесник). Сколько ни упирался я, затащили-таки вдвоем в избу. День был воскресный, в доме стряпали. От угощений не смог отговориться. За большим обеденным столом потчевали меня всякой всячиной гостеприимные родители Анастасия Капитоновна и Михаил Филиппович. Заодно расспрашивали об учебе на чужбине и не скучаю ли я в большом непривычном городе. Ванятка весь был во внимании, ни на шаг не отступал от взрослых.

Яркое, веселое солнце светило в окна избы. Уют в комнате дополняла нехитрая деревенская мебель тех лет, старательно убранная салфетками, скатертями, вытканными рукодельной хозяйкой. Пол во всю избу был застелен разноцветными половиками тоже собственного изделия. Вся

эта обстановка невольно располагала к внутреннему спокойствию, неторопливой деловой и откровенной беседе.

Если чистоту и опрятность в доме соблюдала хозяйка, то за двором и порядком в надворных постройках следил глава семейства. Супруги Байгуловы достойно дополняли друг друга своей деловитостью, усердием, порядочностью и скромностью.

Окончив школу, Иван уехал на учебу в Омский педагогический институт. Встретаться с ним уже почти не удавалось. Если и приезжал Иван на каникулы или в отпуск, то проводил досуг в основном на водяной мельнице, за деревней, где после смерти отца жил его брат Николай в перевезенном со старой усадьбы доме и, как родитель, работал мельником.

Сейчас в Дубленевке нет ни мельницы, ни избы Байгуловых. Не осталось и родственников в деревне. Родной брат Ивана, Николай, уехал в поселок Пионерский Талицкого района Свердловской области.

Встретился я уже со взрослым Иваном Байгуловым в Перми, когда он стал зрелым журналистом, а затем и писателем².

ОСНОВНЫЕ КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

Горсть колосьев: Рассказы. — Пермь, 1966.

Васильковый венок: Повесть. — Пермь, 1971.

Жили-были: Рассказы. — Пермь, 1974.

Поздние дожди: Повесть, рассказы. — М., 1976.

Свет полночной луны: Повесть, рассказы. — Пермь, 1977.

Отэмки: Повесть. — Пермь, 1981.

За тридевять земель: Повести и рассказы. — Пермь, 1984.

В. В. Семянников

Иогансон в Прикамье

Телефон дочери художника Б. В. Иогансона подсказал мне его внук, скульптор И. А. Иогансон. Мы созвонились —

² И. М. Байгулов в 1961 году окончил историко-филологический факультет Омского пединститута. С тех пор работал журналистом, редактором книжного издательства. В 1975 году был принят в члены Союза писателей СССР. Лауреат областной премии имени А. Гайдара.

и вот я в гостях у Натальи Борисовны. Она показала мне письма, отправленные отцом из Москвы и Свердловска в Чермоз и Пермь.

В сугубо личных письмах отразились не только заботы художника о близких, но и те проблемы, которые стояли в это время перед всеми советскими людьми. Они и воспоминания дочери позволяют более детально представить пермский отрезок жизни народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, Героя Социалистического Труда Бориса Владимировича Иогансона (1893—1973).

В 1941 году оргкомитет Московской организации Союза художников приступил к эвакуации семей художников. Нина Федоровна Иогансон с дочерью Наташей и четырехгодовалым внуком Игорем отправились в Чермоз. Вместе с ними на Урал поехали семьи художников Г. Г. Ряжского, Я. Д. Ромаса, Н. А. Соколова, Н. М. Ромадина и др. Их сопровождали несколько мужчин, в том числе Б. В. Иогансон. Позднее он вернулся в Москву и узнал, что его отъезд вызвал много слухов. В письме в Чермоз художник говорил: «Мой приезд, как громом, поразил всех. Они уже считали меня беглецом, себя героями, оставшимися в Москве, и вдруг такое разочарование и не о чем судачить...»

Тем временем обстановка на фронте становилась все напряженнее. На тревожные письма жены Борис Владимирович отвечает: «...будет опасно, меня вывезут, не беспокойся. Может быть Москва осаждена? Может быть. Может быть окружена? Тоже нет ничего невероятного. Может ли быть взята? А вот это не может быть».

В середине октября 1941 года, когда в Москве шла массовая эвакуация, художник вместе с сыном Андреем — студентом архитектурного института, освобожденным от военной службы по болезни, — выехали в Чермоз. Андрей устроился на работу в Чермозский филиал мастерских агитплаката, а Борис Владимирович уехал в Свердловск, куда его настойчиво приглашали Г. Г. Ряжский, скульптор С. Д. Меркуров и др.

В письме, отправленном из Свердловска Н. Н. Серебренникову, директору Пермской галереи и председателю правления Союза художников (письмо хранится в государственном архиве Пермской области), Б. Иогансон сообщает: «Несмотря на то, что здесь меня всячески соблазняют обосноваться и перевезти семью, у меня не лежит

сердце к этому городу... С заработками здесь очень хорошо. Можно заработать очень много, но деньги всегда для меня были последнее дело. Дело в окружении. В Молотове есть люди, которые искренне ко мне относятся. Вас, конечно, я считаю первым. Думаю, что я смогу наладить творческую жизнь именно в Молотове».

В Перми художнику предоставили место в гостинице речного вокзала, куда в марте 1942 года он перевез из Чермоза всю семью.

«Культурная жизнь в городе, — вспоминает Наталья Борисовна Иогансон, — несмотря на военное время (а может быть, как раз благодаря ему), была на высоте. Во-первых, там находился Ленинградский оперный театр имени Кирова. Мои родители да и я были большими театралами, и все спектакли этого театра мы посмотрели. Помню «Лебединое озеро» с Улановой, «Дон Кихот» с балериной Шелест, слушали «Фауста». Большое впечатление на нас произвели концерты Эмиля Гилельса, который тогда гастролировал в Перми. Часто ходили на концерты чтеца Д. Н. Журавлева».

С сентября 1941 года в Перми начала работу агитмастерская. Выпуском агитплакатов и окон занимались М. М. Черемных, В. Г. Одинцов, Н. В. Кашина, Ф. И. Дорошевич, И. И. Россик, П. А. Оборин, А. Б. Бриндаров, В. М. Орешников, В. А. Оболенский, П. И. Львов и другие местные и эвакуированные в Пермь художники. Приход Б. В. Иогансона в агитмастерскую имел большое значение для повседневной творческой работы художников. Участие такого крупного, авторитетного мастера было особенно ценно тем, что у него имелся опыт работы над окнами ТАСС в Москве.

Художник выполнил для мастерской несколько плакатов и агитокон, принимал участие в оформлении города к 1 Мая. Под его руководством группа художников в составе 25 человек провела комплексное оформление площади Обороны, Комсомольского сквера, улицы Карла Маркса, зданий обкома партии и облисполкома, вокзала Пермь II. Эта работа стала заметным событием в жизни Перми.

Кроме того, Иогансон выполнял эскизы декораций для спектакля драматического театра по пьесе К. Симонова «Русские люди», а также ряд портретов. Так, в 1943 году в собрание Пермской художественной галереи поступил «Портрет профессора В. Н. Парина», который был напи-

сан зимой 1943 года. Этот портрет, «Портрет профессора В. А. Кондакова» и литографский плакат «Подпиской на военный заем поможем освободить наших женщин от позора и поругания фашистских извергов» экспонировались на открывшейся в июне 1943 года выставке. Выставка была приурочена к межобластной научной конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», но Борис Владимирович Иогансон к этому времени был уже в Москве и продолжал творчески и настойчиво работать.

Из копилки
краеведа

ЛЕБЕДИХА ФЕНЬКА

Лет девяносто назад на окраине Перми жил большой любитель животных — служащий Пермской казенной палаты С. Л. Ушков. Как-то весной ему принесли подстреленную лебедиху. На семейном совете было решено назвать ее Фенькой. Лебедиха довольно быстро оправилась от ранения, привыкла к необычной для нее обстановке. Она свободно разгуливала по усадьбе; если встречала собаку, то непременно отгоняла ее.

Быстро промчались теплые месяцы. Деревья уже сбросили листву. Над городом пролетала лебединая стая. Фенька подала голос своим собратьям. На крик лебедихи стая начала снижаться. Лебедиха кричала, но не поднималась в воздух. Стая улетела.

Прошел год. Опять над городом пролетала в теплые края стая лебедей. Вновь Фенька подала голос. Стая закружила над усадьбой. Лебедиха присоединилась к сородичам.

Фенька улетела, но, оказалось, только до следующей весны. Когда засинел лед на Каме, она вновь появилась. Появление ее было полной неожиданностью. Над городом к северу тянула лебединая стая. Вдруг от стаи отделилась белоснежная птица и начала снижаться. Это была Фенька. Она прожила на усадьбе до осени, а осенью улетела, теперь навсегда.

Летопись событий в жизни Пермской области

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1988 ГОДА¹

6 июля. Состоялся пленум обкома партии. С докладом «Об основных политических итогах XIX Всесоюзной конференции КПСС и участии в ее работе делегации Пермской областной партийной организации» выступил руководитель делегации, первый секретарь обкома КПСС Б. В. Коноплев (Звезда. — 1988. — 7 июля).

18 авг. Пленум обкома партии освободил Б. В. Коноплева в связи с уходом на пенсию от обязанностей первого секретаря областного комитета партии и члена бюро обкома КПСС. Пленум тайным голосованием избрал первым секретарем областного комитета партии, членом бюро обкома КПСС Е. Н. Чернышова, работавшего заместителем заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС, а ранее — первым секретарем Пермского горкома партии (Звезда. — 1988. — 19 авг.).

14—16 сент. В Перми проведены славяновские дни, посвященные 100-летию изобретения мотовилихинским инженером Н. Г. Славяновым электросварки металлическим электродом с предварительным подогревом изделия. На площади Дружбы открыт памятник Н. Г. Славянову (авторы скульптор А. Уральский, архитектор С. Тарасов). Во Дворце культуры и техники имени В. И. Ленина проведено торжественное собрание, состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция «100-летие изобретения сварки по методу Н. Г. Славянова и современные проблемы сварного производства». К славяновским дням вышел специальный номер «Мотовилихинского рабочего» — многотиражной газеты пермского машзавода имени В. И. Ленина, на котором в 1883—1897 годах работал Н. Г. Славянов. Среди многочисленных гостей самыми почетными были Славяновы: два внука, два правнука, правнучка

¹ О событиях первой половины 1988 года см. книгу: Николаев в С. Ф. Годы свершений. — Пермь, 1988. — С. 169—176.

и праправнучка Николая Гавриловича (по газ. «Звезда» и «Веч. Пермь» за сент. 1988).

20—24 сент. Ботанический ин-т АН СССР, Пермский ун-т и Пермское отделение Всесоюзного ботанического общества провели в заказнике «Предуралье» (Кишертский р-н) Всесоюзную школу-семинар по флористике (по личным материалам).

23 сент. В Перми состоялось торжественное собрание трудящихся, посвященное 250-летию пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина (Звезда. — 1988. — 24 сент.).

25 сент. Проведен праздник областной газеты «Молодая гвардия» (Звезда. — 1988. — 27 сент.).

Сент. На соревнованиях XXIV летних Олимпийских игр (Сеул, Южная Корея) по борьбе дзюдо серебряную медаль в весовой категории до 86 кг завоевал 27-летний пермский динамовец, воспитанник Куединской спортшколы Владимир Шестаков (Звезда. — 1988. — 1 окт.).

1 окт. Состоялось торжественное заседание областного и Пермского городского комитетов партии, областного и городского Советов народных депутатов с участием представителей трудящихся, посвященное 50-летию Пермской области. С докладом выступил председатель обл-исполкома В. А. Петров. За полвека область превратилась в один из крупнейших индустриальных районов страны. Выпуск промышленной продукции увеличился в 25 раз (Звезда. — 1988. — 2 окт.).

29 окт. К 70-летию ВЛКСМ удостоены премий Пермского комсомола в области производства: комсомольско-молодежный коллектив фрезеровщиков пермского машзавода имени В. И. Ленина (бригадир М. Саранин), зональный студенческий отряд «Урал-сервис» (командир Е. Шляхов), механизатор колхоза имени В. И. Ленина Сивинского р-на М. Мальцев (Молодая гвардия. — 1988. — 29 окт.).

30 окт. В «Звезде» впервые опубликован экологический бюллетень для освещения хода природоохранной работы (Звезда. — 1988. — 30 окт.).

Окт. Госбанк СССР зарегистрировал кооперативный банк «Заря», г. Пермь. Одним из учредителей банка выступило п. о. «Моторостроитель» имени Я. М. Свердлова (Экономическая газета. — № 43). Банк обслуживает кооперативы, организованные при этом объединении. На 30 дек. их было уже 28 (Веч. Пермь).

В Соликамске состоялась научно-практическая конференция «Историко-культурный комплекс Верхнекамья». Участвовали архитекторы, реставраторы, археологи, историки, этнографы, экономисты из Перми, Москвы, Челябинска, Березников, Соликамска. Поставлен вопрос о создании заповедника в центре города Соликамска (Звезда. — 1988. — 1 нояб.).

На Чусовском металлургическом заводе проведена первая внепечная выплавка феррованадия. Оборудование для автоматизирован-

ного участка выплавки спроектировал и разработал Центральный НИИ черной металлургии. Сам автоматизированный участок выплавки создали заводчане. Выплавка прошла без применения ручного труда, получен чистый феррованадий (Звезда. — 1988. — 1 нояб.).

Проведена уникальная операция по транспортировке крупногабаритного химического оборудования (металлическая колонна длиной более 100 м) из порта Чайковский до Чайковского завода синтетического каучука (по бетонной трассе длиной 20 км). Транспортировку вели пять «Ураганов» (Огни Камы. — 1988. — 3 нояб.).

К 71-й годовщине Октября. За выдающиеся достижения в труде удостоены Государственной премии: капитан-механик теплохода «Волго-Дон 5064» КРП П. В. Хамитов; работники Лысьвенского металлургического завода — директор А. И. Клементьев, бывший главный инженер Е. В. Иванов, начальник центральной заводской лаборатории Б. А. Шитов, зам. начальника лаборатории Н. К. Косьвинцева, зам. начальника цеха А. Е. Кривошеев (Известия. — 1988. — 6 и 7 нояб.).

11 нояб. Состоялась первая областная конференция работников народного образования. Обсуждены проекты документов по народному образованию, избраны делегаты на Всесоюзный съезд работников народного образования (Звезда. — 1988. — 12 нояб.).

11 нояб. В Пермской художественной галерее открыта выставка золотого шитья XVII—XVIII веков. Большинство экспонатов привезено экспедициями искусствоведа Н. Н. Серебrenникова в 20—40-е годы. Их создали рукодельницы, работавшие в мастерских Строгановых. Многие экспонаты выставлены впервые. В дек. 1988 года в галерее впервые в Союзе состоялась научная конференция музеев Урала «Русское золотое шитье. Проблемы и исследования». На выставке побывали представители Пермской епархии. Епископ Пермский и Соликамский Афанасий выразил удовлетворение прекрасной выставкой и пожелал дальнейших успехов сотрудникам галереи (Звезда. — 1988. — 11 нояб.; Веч. Пермь. — 1989. — 19 янв.).

25—26 нояб. Общественность отметила 70-летие Пермского сельскохозяйственного ин-та имени академика Д. Н. Прянишникова. Ин-т явился родоначальником высшего сельскохозяйственного образования на Урале, подготовил более 22 тыс. специалистов сельского хозяйства. Здесь повысили квалификацию свыше 50 тыс. руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий (Звезда. — 1988. — 26 нояб.).

27 нояб. Во Дворце культуры и техники имени Я. М. Свердлова (Пермь) состоялся экспресс-конкурс молодых артистов балета театров Урала и Сибири. Его организовало пермское любительское объединение «Арабеск» (Звезда. — 1988. — 27 нояб.).

29 нояб. Совместное советско-испанское предприятие «Телур» выпустило первую партию своей продукции — 50 телефонных аппаратов

«Телур-201». У них улучшенная акустика, элегантный внешний вид (Звезда. — 1988. — 1 дек.).

Нояб. В Доме культуры Пермской областной организации Всероссийского общества слепых проведен день белой трости (впервые). Собрались работники ПО ВОС «Кама», преподаватели вузов, техникумов, школ. Работала выставка прикладного искусства, состоялся большой концерт художественной самодеятельности (Звезда. — 1988. — 15 нояб.).

Пермский облпотребсоюз отправил японской фирме «Ниссо-Бозки» 600 кг папоротника орляка (улиткообразно свернутые листья). Японская кухня использует папоротник орляк для приготовления салатов. Заготовка велась в Кунгурском и Суксунском р-нах (Звезда. — 1988. — 28 дек.).

12 пермских альпинистов (Б. Седунов, Ю. Круташинский и др.) совершили восхождение на три вершины Тянь-Шаня — пики Ленина (7134 м), Коммунизма (7495 м) и Корженевской (7105 м) (Звезда. — 1988. — 1 дек.).

2 дек. В Кизеловском угольном бассейне произошло землетрясение силой 5 баллов. Эпицентр его находился в 20 км северо-восточнее Кизела. Разрушений и жертв нет (Звезда. — 1989. — 31 янв.).

4 дек. В выставочном зале Пермской организации Союза художников РСФСР открылась персональная выставка мастеров эмали Елены и Степана Калюпановых (к сожалению, посмертная). Первая выставка работ Калюпановых прошла в 1967 году (Звезда. — 1988. — 3 дек.; 1989. — 24 янв.).

5 дек. В Кудымкаре проведен вечер, посвященный 40-летию творческой деятельности первого коми-пермяцкого композитора А. И. Клещина. К юбилею в Кудымкаре вышел сборник произведений композитора «Солнце землю красит». Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила большой диск коми-пермяцких и русских песен Клещина в исполнении уроженки Коми-Пермяцкого округа Екатерины Плотниковой (По ленинскому пути. — 1988. — 8 дек.).

9 дек. На помощь пострадавшей от разрушительного землетрясения братской Армении из Перми специальными рейсами улетели 50 строителей. Вместе с ними отправлена мощная техника — краны, экскаваторы и др. К концу года жители области собрали для оказания помощи пострадавшим от землетрясения 8 млн. 148 тыс. руб. (Звезда. — 1988. — 10 дек.; 31 дек.).

10—13 дек. В Перми проведен фестиваль творческой молодежи социалистических стран. В нем участвовало более 150 артистов балета, вокалистов, артистов эстрады. Средства от первого концерта поступили в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении (Звезда. — 1988. — 11 дек.; Веч. Пермь. — 1988. — 14 дек.).

16—17 дек. Проведена XXII отчетно-выборная конференция областной партийной организации. Делегаты представляли 171 227 коммуни-

стов. С отчетным докладом выступил первый секретарь обкома партии Е. Н. Чернышов. В работе конференции участвовал и выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев (Звезда. — 1988. — 16—18 дек.).

17 дек. Общественность Перми отметила 75-летие Пермского речного училища. Оно подготовило более 8 тыс. судоводителей, судомехаников, путейцев. В училище свыше 600 учащихся (Веч. Пермь. — 1988. — 17 дек.).

В канун нового года бюро Коми-Пермяцкого окружкома КПСС одобрило организацию и основные направления деятельности Коми-Пермяцкого научно-исследовательского отдела общественных наук Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР (Наука Урала. — 1989. — 2 февр.).

В Канаде на чемпионате мира по борьбе самбо мастер спорта международного класса Василий Швая из Краснокамского спортклуба «Россия» стал чемпионом мира. Он 15 лет занимается борьбой под руководством засл. тренера РСФСР В. Т. Перчика (Звезда. — 1988. — 6 дек.).

Лысьвенский турбогенераторный завод преобразован в научно-производственное объединение «Привод». Основной продукцией предприятия стали не турбогенераторы, а крупные электродвигатели, которые используются во всех отраслях народного хозяйства, электроприводы для нефтедобывающей промышленности, двигатели постоянного тока для шагающих экскаваторов (Звезда. — 1988. — 6 дек.).

Дек. Кунгурский стационар Уральского отделения АН СССР провел совещание по проблемам техногенного карста. Участвовали специалисты научных, высших учебных, изыскательских и проектных учреждений из 26 городов страны. Совещание совпало с 40-летием кунгурской науки: Кунгурский стационар УрО АН СССР ведет начало от карстово-спелеологической станции Московского ун-та, которая была открыта при Кунгурской ледяной пещере в 1948 году (Наука Урала. — 1989. — 5 янв.).

Более 150 молодых механизаторов из 24 районов области боролись за приз имени знатного механизатора РСФСР С. К. Бажутина. Первое место завоевал механизатор колхоза «Красноярский» Куединского р-на А. А. Зверев. Он награжден мотоциклом «Урал» (Звезда. — 1988. — 5 нояб.).

Кондратовская котельная совхоза «Верхнемуллинский» стала отапливать весь жилой район Парковый города Перми с его почти 70-тысячным населением. Совхоз продал городу тепла на 1,3 млн. руб. (Веч. Пермь. — 1989. — 2 янв.).

В березниковское п. о. «Сода» имени В. И. Ленина приехала группа специалистов из Эфиопии изучить производство известкового каустика.

В Пермскую область прибыла торгово-промышленная делегация из города Шэньяна КНР для установления прямых деловых контактов с промышленными предприятиями Прикамья, заключения торговых сделок на принципе обмена товарами (Звезда. — 1988. — 11 дек.).

На базе Пермской государственной сельскохозяйственной опытной станции создан Пермский НИИ сельского хозяйства (Веч. Пермь. — 1988. — 12 дек.).

В Казани успешно выступили фольклорный ансамбль Бардымского районного Дома культуры и артисты местного народного театра, выезжавшие с большой концертной программой по приглашению Министерства культуры ТатАССР. Гости из Барды приняли участие и в традиционном музыкальном фестивале композиторов шести автономных республик Поволжья и Урала (Звезда. — 1988. — 14 дек.).

Актеры Пермского областного театра кукол со спектаклем «Машенька» (современная интерпретация русской народной сказки) побывали в Японии на XV конгрессе Международной ассоциации кукольников. Спектакль прошел с большим успехом (Веч. Пермь. — 1988. — 27 авг.).

Районному народному музею в Горнозаводске присвоено имя его создателя М. П. Старостина (Звезда. — 1988. — 11 дек.).

Издательство «Современник» (Москва) выпустило сборник стихов чувского поэта Юрия Беликова «Пульс птицы» (Звезда. — 1988. — 12 окт.).

Областное общество охотников и рыболовов провело конкурс «Рекордные рыбы Пермской области 1988 года». Победителями признаны: Е. Круглюк (Чердынь), поймавший щуку весом 14,5 кг; В. Попов (Пермь), поймавший ерша длиной 15,5 см; А. Гладышев (Пермь), выловивший укляку длиной 16,1 см (Звезда. — 1989. — 26 марта).

1989 ГОД

1 янв. В области зарегистрировано 1237 кооперативов, из них действуют 692. В феврале на учредительной конференции в Перми создан областной союз кооперативов. Председателем президиума избран руководитель кооперативного объединения «Контакт» Ю. П. Трутнев (Звезда. — 1989. — 20 янв., 23 февр.).

8 янв. В Осе проведены районные испытания самодельных колесных, гусеничных снегоходов и аэросаней. Создатели их соревновались в скоростных гонках, езде с препятствиями и в состязаниях на тяговое усилие. Умелец Н. Л. Гусев на аэросанях своей конструкции в езде по снежной целине показал скорость 53 км/час. В марте в Оханске проведены областные соревнования создателей снегоходов (Звезда. — 1989. — 18 марта).

12 янв. По данным Всесоюзной переписи населения, в Пермской области 3 млн. 100 тыс. жителей (103% к 1979 году), в т. ч. в Коми-Пермяцком автономном округе — 159 тыс. жителей (92% к 1979 году), в Перми — 1 млн. 91 тыс. (109% к 1979 году), в Березниках — 201 тыс. (109% к 1979 году), в Соликамске — 110 тыс. жителей (109% к 1979 году) (Известия. — 1989. — 29 апр.).

12 янв. При переписи населения в д. Верх-Рождество Частинского р-на выяснилось, что жительнице этой деревни А. Ф. Санниковой 116 лет. Она родилась 27 сент. 1872 года (Звезда. — 1989. — 12 марта).

14 янв. В зале Дома политического просвещения выступил Московский камерный хор под руководством народного артиста СССР проф. В. Н. Минина. Исполнены песни русских народных и церковных хоров. Концерт явился прекрасной увертюрой к Уральскому фестивалю русской хоровой музыки (Веч. Пермь. — 1989. — 17 янв.).

16 янв. Вышел первый номер журнала идеологического отдела Пермского обкома КПСС «Позиция». Это преемник журнала «Политическая агитация», издававшегося отделом пропаганды и агитации Пермского обкома КПСС (справка по журналу).

24 янв. Обнародована программа социального переустройства сел и деревень Пермского Прикамья на 1989—1990 годы. Намечено в 1,5 раза увеличить строительство жилья, полностью возродить 45 малых деревень. Одно из условий реализации программы — значительный вклад промышленных предприятий и строительных организаций края (Звезда. — 1989. — 24 янв.).

25 янв. Вышел первый номер еженедельника «Профсоюзный курьер» — издание Пермской областной журналистской организации и областного Совета профсоюзов (справка из журналистской организации).

Янв. Начали работать областной комитет по охране природы и его подразделения — межрайонные технические инспекции в Перми, Березниках и Лысьве, городские и районные комитеты по охране природы (Звезда. — 1989. — 18 мая).

На Менделеевской птицефабрике (Карагайский р-н) создано акционерное общество (Звезда. — 1989. — 28 янв.).

Несколько дней гостем Перми был американский ученый доктор этнографии Ричард Моррис. Аджункт центра по изучению России и Западной Европы, он приехал в СССР с целью продолжить изучение русской культуры, поделиться накопленными знаниями с советскими коллегами.

В феврале Ричард Моррис снова был в Перми, принял участие в научно-практической конференции «Художественная культура Пермского края и ее связи», которая проведена Пермской художественной галереей, выступил на конференции с докладом (по материалам галереи).

Казанское телевидение начало цикл передач «Нет границ

для братства». 200-тысячное татарское население области просмотрело первую передачу, в которой показаны фрагменты из спектакля Бардымского народного театра по пьесе драматурга А. Гилязова «Сахар ты мой, мед ты мой» (Звезда. — 1989. — 8 янв.).

Завершена реконструкция угольной шахты «Скальная» (Чусовской р-н). Проектная мощность ее — 200 тыс. т топлива в год (Звезда. — 1989. — 21 янв.).

Студия «Мосфильм» и японская кинокомпания «Тоэй» начали в Перми и области съемку советско-японского фильма «Под Авророй» о большой дружбе японского охотника Гендзо и бывшего политка-торжанина, ссыльного Арсентия (Звезда. — 1989. — 15 янв.).

7 февр. На центральном рынке Перми открыт торговый павильон на 500 мест. В нем три зала — для торговли мясом и рыбой, продажи овощей и фруктов, торговли молочными продуктами, медом, цветами, рассадой (Звезда. — 1989. — 9 февр.).

26 февр. Рудник строящегося Четвертого Березниковского калийного з-да вышел на проектную мощность — за сутки выдал на-гора 23 тыс. т сильвинита. 3 марта рудник БКЗ-4 отправил на фабрику БКРУ-3 10-миллионную тонну руды (Урал. калийщик. — 1989. — 8 марта).

Февр. В Пермском педагогическом ин-те состоялась публичная дискуссия ученого-атеиста и священнослужителя. Доктор философских наук М. Г. Писманик и кандидат богословия, секретарь Пермского епархиального управления Г. О. Бирилов высказали свою точку зрения на отношение к вере и религии (Звезда. — 1989. — 1 марта).

В Перми проведен первый областной смотр современной эстрадной и классической хореографии самодеятельных коллективов. Лауреатами стали: народный театр пластического танца «Импульс» Дворца культуры имени Ф. Э. Дзержинского, народный театр балета Дворца культуры энергетиков из Березников, народный ансамбль классического танца Дворца культуры имени М. И. Калинина и народный хореографический ансамбль «Солнечная радуга» Пермского политехнического ин-та (Звезда. — 1989. — 7 февр.).

4—12 марта. В Перми и области проведены финальные соревнования IX зимней Спартакиады народов РСФСР и I Всесоюзные зимние спортивные игры молодежи. В них участвовали спортсмены 56 областей, краев и автономных республик Российской Федерации, 8 союзных республик. Выступили 33 мастера международного класса, 797 мастеров спорта, более 2 тыс. кандидатов в мастера, 3100 спортсменов I-го разряда.

По итогам комплексного зачета финальных соревнований среди сборных команд АССР, краев и областей первое место занял Ленинград, второе — Пермская область, третье — Свердловская область. Среди

команд городов на первом месте Свердловск, на втором — Пермь, на третьем — Чусовой.

Открытие и закрытие Спартакиады и игр проходило во Дворце спорта «Молот». Среди гостей Спартакиады был дважды Герой Советского Союза, почетный гражданин города Перми летчик-космонавт В. П. Савиных (Звезда. — 1989. — 14 марта).

4—22 марта. Отделение общества «Мемориал» провело в Перми дни памяти жертв сталинизма. Одним из первых мероприятий была лекция проф. Пермского политехнического ин-та З. И. Файнбурга «Сталинские репрессии: история и анализ». Общественность приняла активное участие в днях памяти (по газ. «Звезда» за март 1989).

14 марта. На Чайковском комбинате шелковых тканей выпущен 2-миллиардный метр готовой ткани (Урал. текстильщик. — 1989. — 15 марта).

20 марта. Состоялись выборы народных депутатов СССР от национально-территориальных и территориальных округов. В списки избирателей по области было включено 2 032 533 избирателя. В голосовании приняли участие 1 642 941 избирателей, или 80,83%.

Народными депутатами СССР избраны: С. Б. Калягин, инженер-наладчик п. о. «Моторостроитель» имени Я. М. Свердлова; А. Д. Меньшатов, директор госплемконеизавода «Азинский» Чернушинского р-на; В. М. Орлов, директор учебно-опытного хозяйства «Липовая гора»; И. И. Пасторов, директор совхоза-техникума «Уралец» Верещагинского р-на; В. А. Тетенов, первый заместитель начальника Пермского отделения Свердловской ж. д.; А. И. Хомяков, председатель колхоза «Родина» Кочевского р-на; А. А. Щелконогов, директор Соликамского магниевого з-да.

По Пермскому национально-территориальному избирательному округу № 23 РСФСР, территориальным избирательным округам Кунгурскому № 261 и Чусовскому № 263 народные депутаты СССР не избраны; кандидаты в народные депутаты, баллотировавшиеся по этим округам, не получили на выборах больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. В этих округах 14 мая 1989 года состоялись повторные выборы. По Кунгурскому избирательному округу избран А. В. Павлов, токарь Кунгурского машиностроительного з-да НПО «Турбобур»; по Чусовскому избирательному округу — С. Л. Хариф, генеральный директор п. о. «Горнозаводскцемент». При повторном голосовании, состоявшемся 23 мая, депутатом по Пермскому национально-территориальному избирательному округу № 23 РСФСР избран А. Ф. Насонов, начальник проектно-строительного объединения «Пермгражданстрой» (Звезда. — 1989. — 29 и 31 марта, 16 и 25 мая).

От общественных организаций избраны народными депутатами СССР: В. М. Астафьев, пенсионер, г. Пермь, — от Всесоюзной организации ветеранов войны и труда; Б. И. Пожарский, председатель

Пермского областного Совета профсоюзов, — от профессиональных союзов СССР; Г. И. Рязанова, инженер-технолог пермского машиностроительного з-да имени В. И. Ленина, — от женских советов, объединяемых Комитетом советских женщин; В. И. Татарчук, директор соликамского целлюлозно-бумажного комбината имени 60-летия Союза ССР, — от Коммунистической партии Советского Союза (Известия. — 1989. — 5 апр.).

Март. В Чайковском проведен I областной фестиваль цирковой самодельности. Выступившие коллективы представляли не только Пермскую область, но и Удмуртскую АССР, Кировскую и Свердловскую области. Лучшим признан цирковой коллектив Чайковского Дворца культуры «Текстильщик» (Звезда. — 1989. — 5 апр.).

Постановлением бюро ЦК ВЛКСМ оператору машинного доения центральной племенной фермы госплемконезавода «Пермский» С. Н. Кахаровой за высокие достижения в труде присуждена премия Ленинского комсомола. Молодая доярка вместе со своей напарницей З. И. Новокрещенных получила в 1988 году от каждой коровы 7815 кг молока, рекордный для области надой (Комсомольская правда. — 1989. — 21 марта).

В Перми выступила Марина Влади — жена поэта Владимира Высоцкого, представившая читателям свою книгу «Владимир, или Прерванный полет», выпущенную советским издательством «Прогресс» (Веч. Пермь. — 1989. — 7 марта).

Среди победителей Всесоюзного социалистического соревнования за успешное выполнение государственного плана экономического и социального развития СССР на 1988 год — 10 коллективов Пермской области. Из них награждены переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную доску Почета ВДНХ СССР коллективы опытной путевой машинной станции № 14 Свердловской ж. д. (г. Пермь), треста «Строймеханизация» (г. Пермь), Березниковского титано-магниевого комбината, госплемконезавода «Пермский», птицефабрики «Платошинская» (Звезда. — 1989. — 29 марта).

Областной комитет по охране природы опломбировав тракт подачи сырья в цех нитробензола на пермском химическом з-де имени Серго Орджоникидзе. Производство приостановлено в связи с нарушением предприятием Закона об охране атмосферного воздуха и Водного кадастра РСФСР (Звезда. — 1989. — 1 апр.).

На Обвинском заливе Камского водохранилища проведено первенство Росохотрыболовсоюза по подледному лову рыбы. Участвовали 16 лучших команд России. Первое место завоевали москвичи, второе — вологодские, третье — тамбовские спортсмены. Такое соревнование в крае проводилось впервые (Звезда. — 1989. — 29 марта).

В филиале Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея

(Дом художника П. И. Субботина-Пермяка) открылась выставка произведений самодеятельного художника Геннадия Караваева из села Отево. Экспонируются пейзажи родной природы, портреты близких людей, большое полотно о христианизации коми-пермяков (По ленинскому пути. — 1989. — 7 марта).

4 апр. На Пермском целлюлозно-бумажном комбинате вышел первый номер многотиражной газеты «Пермский бумажник» (Веч. Пермь. — 1989. — 4 апр.).

17 апр. На филологическом факультете Пермского ун-та начала читать студентам курс лекций по классической и современной английской литературе преподаватель Оксфордского ун-та миссис Карин Хьюлетт, которая приехала по приглашению кафедр английской филологии и зарубежной литературы Пермского ун-та (Веч. Пермь. — 1989. — 12 мая).

22 апр. Более 1,5 млн. жителей области приняли участие во Всесоюзном коммунистическом субботнике. В фонд субботника перечислено свыше 2 млн. руб. Эти средства направляются на укрепление материальной базы здравоохранения, усиление охраны материнства и детства (Звезда. — 1989. — 23 апр.).

26 апр. — 24 мая. Проведен месячник «Дни славянской письменности и культуры на Пермской земле». В Перми он открылся конференцией «Слово о полку Игореве» на Урале» и праздничным концертом. Программа «Дней» включала в себя выставки, вечера, концерты (по газ. «Звезда» и «Веч. Пермь» за апр. — май 1989).

27 апр. «Веч. Пермь» сообщила: за разработку и внедрение технологии изготовления деталей из полиуретана и других эластомеров доценту кафедры порошковой металлургии Пермского политехнического ин-та В. А. Ходыреву присуждена премия Совета Министров СССР за 1989 год.

1 мая. «Звезда» сообщила: китайские магнитофоны и кассеты к ним приобрели труженики Чусовского металлургического з-да. Товары из КНР поступили в обмен на поставку произведенного сверх заказа чусовского металла и отходов прокатного производства.

4 мая. «Звезда» сообщила: в селе Половодово Соликамского р-на открыто первое в области кооперативное предприятие по заготовке и переработке сельхозпродукции. Предприятие создано по просьбе сельских тружеников на средства райзаготконторы.

4 мая. «Веч. Пермь» сообщила: пермское любительское объединение «Арабеск» издало первый выпуск сборника «Балет Урала».

20 мая. В Перми проведена областная конференция татаро-башкирской общественности. Она обсудила и приняла программу и устав созданного в крае татаро-башкирского общественного центра имени

Мулланура Вахитова, известного татарского революционера, уроженца Кунгура, погибшего в 1918 году от рук белочехов в Казани. Конференция наметила пути активизации культурно-просветительной деятельности среди тюркоязычного населения Пермской области (Звезда. — 1989. — 19 и 25 мая).

28—31 мая. В Перми проведены вторые Дягилевские чтения. Пермская художественная галерея открыла выставку «Сергей Дягилев и художественная культура XIX—XX веков». Торжественный вечер в Пермском театре оперы и балета, посвященный С. П. Дягилеву, транслировался по каналам интервидения на страны Европы (Звезда. — 1989. — Май).

Май. Хоккеист из молодежной команды Пермского спортклуба «Молот» Дмитрий Филимонов стал чемпионом Европы среди юниоров (Звезда. — 1989. — 14 мая).

На I Всесоюзном конкурсе красоты (Москва) студентка Пермского ун-та Екатерина Мещерякова заняла третье место и стала также «Мисс Люкс» и «Мисс Аэрофлота» (Веч. Пермь. — 1989. — 23 мая).

2 июня. Опубликованы данные об избрании Верховного Совета СССР. Из пермских народных депутатов СССР в Совет Союза избраны А. Д. Меньшатов и В. А. Тетенев, в Совет Национальностей — А. И. Хомяков (Известия. — 1989. — 2 июня).

10—11 июня. В Чердыни состоялся праздник, посвященный 90-летию чердынского краеведческого музея имени А. С. Пушкина (Север. звезда. — 1989. — 17 июня).

14 июня. П. о. «Пермский машиностроительный завод имени Октябрьской революции» исполнилось 50 лет (Веч. Пермь. — 1989. — 14 июня).

23 июня. Общественность Перми отметила 50-летие территориального п. о. «Пермавтотранс». Автопредприятия объединения ежесуточно перевозят 2 млн. пассажиров, более 140 тыс. т грузов (Звезда. — 1989. — 23 июня).

Июнь. Сессия Пермского городского Совета народных депутатов поддержала предложение постоянной комиссии по укреплению международных связей среди населения о передаче религиозной общине мусульман здания бывшей соборной мечети (Звезда. — 1989. — 18 июня).

Выпускник монгольского класса Пермского хореографического училища Удвалын Бат-Эрдэнэ стал дипломантом VI Международного конкурса артистов балета (Веч. Пермь. — 1989. — 24 июня).

16 юношей и девушек из Калифорнии (США) совместно с пермскими туристами совершили путешествие от истоков реки Вишеры до Перми — состоялась первая советско-американская экспедиция мира по Уралу (Звезда. — 1989. — 2 июля).

1 июля. Чусовской металлургический завод начал работать в условиях аренды (Звезда. — 1989. — 30 июня).

14 июля. Опубликованы данные о составе избранных Верховным Советом СССР Комитетов Верховного Совета СССР и постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей. В состав их избраны, в частности, семь депутатов-пермяков. Депутат В. А. Тетенев избран председателем Комиссии Совета Союза по вопросам транспорта, связи и информатики (Известия. — 1989. — 14 июля).

Июль. 800 школьников из неблагополучных по экологии районов Белоруссии проводят лето в нашем крае (Звезда. — 1989. — 8 июля).

21 авг. За большие заслуги в развитии советской литературы и плодотворную общественную деятельность писателю В. П. Астафьеву присвоено звание Героя Социалистического Труда (Известия. — 1989. — 22 авг.). Путь В. П. Астафьева в литературу начался в нашем крае.

Авг. Общественность поселка Сараны Горнозаводского р-на отметила 100-летие шахты «Рудная». За век ее эксплуатации добыто более 10 млн. тонн хромитовой руды (Звезда. — 1989. — 30 авг.).

Авг. — сент. Балетная труппа Пермского театра оперы и балета находилась на гастролях в Японии. Показаны балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик», дано двадцать спектаклей. Артисты Л. Сахарова и К. Шморгонер провели несколько уроков в хореографических школах. Пермский балет в японских газетах назван «лучшей труппой мира» (Звезда. — 1989. — 3 окт.).

1 сент. При комплексе Пермского политехнического ин-та для школьников, особо одаренных в области математики и физики, открыт лицей (Звезда. — 1989. — 27 авг.).

5 сент. На собрании общественности Перми создан городской клуб избирателей (Звезда. — 1989. — 7 сент.).

23 окт. В Березниках открыт Верхнекамский филиал Пермского научного центра Уральского отделения АН СССР (Наука Урала. — 1989. — 2 нояб.).

26 окт. Общественность Перми отметила 50-летие Пермского крупного книжного издательства. За полвека издательство выпустило около 90 млн. экземпляров книг и брошюр (по личным материалам).

Окт. Создано Пермское областное отделение Советского общества дружбы с Германской Демократической Республикой. В области на сооружении газовых магистралей трудится 10-тысячный отряд немецких строителей (Звезда. — 1989. — 7 окт.).

5—19 нояб. В Москве, на сцене Большого театра Союза ССР, выступил Пермский академический театр оперы и балета имени П. И. Чайковского. В репертуаре его были три оперы и четыре балета. В частности, показана опера Эдисона Денисова «Пена дней», премьера которой впервые в нашей стране состоялась в Перми 29 окт. Показ

этой оперы стал событием в культурной жизни столицы (по газ. «Звезда» и «Известия» за нояб. 1989).

14 нояб. Общественность отметила 50-летие образования Пермской организации Союза художников РСФСР (Звезда. — 1989. — 14 нояб.).

17—19 нояб. В Перми проведены дни татаро-башкирской культуры (Веч. Пермь. — 1989. — 17 нояб.).

Нояб. Общественность Коми-Пермяцкого автономного округа широко отметила 90-летие одного из основоположников коми-пермяцкой литературы А. Н. Зубова (1899—1937). Главные события состоялись на родине писателя — в селе Верх-Иньва Кудымкарского р-на (Звезда. — 1989. — 30 нояб.).

15 дек. Вышел 10-тысячный номер многотиражной газеты «Мотовилихинский рабочий» (Веч. Пермь. — 1989. — 14 дек.).

23 дек. Общественность отметила 60-летие колхоза «Россия» Пермского р-на. Ежегодно колхоз реализует продукции с полей и ферм на 15 млн. рублей, прибыль превышает 4,5 млн. рублей, половина ее тратится на социальные нужды (Звезда. — 1989. — 24 дек.).

29 дек. Принята в эксплуатацию первая в Перми электронная АТС. Она рассчитана на 10 тыс. номеров (Веч. Пермь. — 1989. — 30 дек.).

Дек. В Перми состоялась конференция фермеров и сельских кооператоров, на которой создана ассоциация крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Пермской области (Звезда. — 1989. — 15 дек.).

На Бедряжской площади в Чернушинском р-не нефтяники завершили бурение скважины глубиной 4500 м, самой глубокой в Пермском крае (Звезда — 1989. — 26 дек.).

В Кунгуре проведен I съезд спелеологов Урала. В интересах более углубленного изучения пещер спелеологи решили объединиться в ассоциацию (Звезда. — 1990. — 7 янв.).

В Перми состоялся учредительный съезд коммерческих банков России. Представители 22 банков решили создать Российский банковский союз с пребыванием дирекции Союза в Перми (Звезда. — 1989. — 19 дек.).

Лучшей спортсменкой 1989 года названа мастер спорта международного класса по прыжкам в воду пермская школьница Татьяна Баранова. Она стала чемпионкой на юниорских чемпионатах Европы (Англия) и мира (Испания) (Веч. Пермь. — 1989. — 30 дек.).

Барадудлин В. А. Народные росписи Урала и Приуралья: Крестьянский расписной дом. — Л.: Художник РСФСР, 1988. — 199 с., ил.

Декоративная роспись по дереву — одно из наиболее ярких явлений русского народного искусства. В нашей стране более годы считались крупнейшими центрами ее такие города, как Хохлома, Городец, Загорск. И лишь в последние десятилетия в результате научных экспедиций на Север и Урал, в Западную Сибирь и Забайкалье представления о русском народном искусстве существенно расширились.

Книга посвящена декоративной росписи уральского дома. Живо и интересно написанная, богато иллюстрированная, она привлекает внимание не только искусствоведов. В последние годы мы проявляем большой интерес к селу и его проблемам. Это неизбежно заставляет возвращаться к истории уральской деревни, изучать быт крестьянина, традиционные формы украшения народного жилища. Народная роспись по дереву также помогает понять представления широких масс об удобстве, уюте и красоте.

Интересные коллекции уральской росписи имеются в Пермской художественной галерее, Пермском областном краеведческом музее, а также в музеях Соликамска, Березников, Чердыни.

Большое внимание в книге уделено разновидностям уральской народной живописи: в Ильинском районе — обвinsky, украшающей бондарные и токарные изделия, в Кунгурском — росписи прялок и коромысел, в Оханском — саней, в Очерском и Верещагинском — прялок.

Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала. — М.: Стройиздат, 1988. — 183 с., ил.

В сравнительно недалеком прошлом строительство на Руси было целиком обусловлено деревом. Из дерева рубили царские дворцы, боярские хоромы, усадьбы крестьян, крепостные стены и башни, церкви и монастыри. Из дерева выдалбливали детские колыбели, вырезали ложки, чашки и ковши, делали сани, лодки, прялки.

Сейчас, в связи с резким возрастанием научного и практического интереса к проблеме жилища для села и широких интересов населения к истории страны, памятникам древнего искусства и культуры, стали актуальными и исторические исследования русского народного жилища, которому посвящена эта книга. Автор стремился проследить историю возникновения и развития русского народного жилища на Урале. В основу книги положены многочисленные натурные материалы, собранные им в экспедициях на территории Северного и Среднего Урала и в прилегающих районах Предуралья и Зауралья. Используются архивные документы, материалы краеведческих музеев Урала, проведен выборочный опрос населения.

К сожалению, по мнению специалистов-архитекторов и реставраторов, в книге не нашли отражения результаты, полученные исследователями уральского деревянного зодчества в последние годы. Но, безусловно, книга найдет своего читателя.

Геннинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. — II в. н. э.). — М.: Наука, 1988. — 240 с., ил.

Уже в древности Западное Приуралье населяли различные этнические группы. В середине II тысячелетия н. э. этот регион был заселен коми-пермяками, удмуртами, башкирами, волжскими болгарами, казан-

скими татарами, марийцами и другими группами, принадлежащими к различным языковым семьям. Несмотря на существенные языковые различия, большинство их потомков имеют и сейчас много общего в материальной и духовной культуре, в антропологическом типе.

Как известно, этническая история рассматривает проблемы развития народов, состав и происхождение групп, из которых они сформировались, причины, обусловившие формирование каждого конкретного народа, его расцвет или упадок, а в некоторых случаях и гибель. Книга предназначена археологам, но может быть интересна и краеведам, пытающимся проникнуть в самый ранний период истории Урала, в глубины веков.

Косточкин В. В. **Чердынь. Соликамск. Усолье.** — М.: Стройиздат, 1988. — 179 с.

Автор книги — архитектор, кандидат искусствоведения, доктор исторических наук, профессор Московского архитектурного института. Эта работа как бы завершает его многолетний труд по изучению архитектурного наследия трех интереснейших городов на севере Урала.

Книга адресована архитекторам и искусствоведам, но, думается, круг ее читателей намного шире. Анализ памятников архитектуры и архитектурных ансамблей сочетается с рассказом о развитии социальных отношений и экономики края. Лирические экскурсы в историю древней Биармии, прекрасное оформление, множество иллюстраций — все это также делает книгу привлекательной для самого широкого круга читателей.

Чагин Г. Н. **На древней Пермской земле.** — М.: Искусство, 1988. — 175 с., ил. — (Дороги к прекрасному).

Думается, что лучшей аннотацией к этой книге будет обращение автора «К читателям»: «В столь приятной и давно любимой серии книг «Дороги к прекрасному» нам представилась возможность рассказать об интереснейшем уголке Урала — Пермской земле. Речь пойдет о городах Соликамске, Чердыни и их округе, где много прекрасного и для заинтересованных историей, архитектурой, искусством, и для любителей природы. Места эти до сих пор овеяны преданиями и легендами.

Учитывая богатство памятников этой земли и своеобразие ее историко-культурного развития, мы не только раскроем читателю уникальные и известные страницы прошлого, но и расскажем об открытых нами сельских постройках, о прикладном народном творчестве, вспомним забытые имена мастеров. Но прежде чем отправиться в путь, совершим небольшой экскурс в историю».

Остается только добавить, что автор блестяще справился со своей задачей. Г. Н. Чагин — кандидат исторических наук, доцент Пермского университета, автор целого ряда книг по истории края.

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИГИ

Акулов Ефрем Фотиевич — член Союза журналистов СССР, участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы двух степеней.

Аленчикова Наталья Дмитриевна — член клуба «Пермский краевед», автор многих книжных материалов и публикаций.

Аликина Надежда Алексеевна — бывшая заведующая архивом Пермского обкома КПСС, член клуба «Пермский краевед», автор и составитель многочисленных сборников и публикаций.

Белов Роберт Петрович — член Союза журналистов СССР.

Быстрых Татьяна Ивановна — сотрудник Пермской научно-реставрационной мастерской, член клуба «Пермский краевед».

Гладышев Владимир Федорович — член Союза журналистов СССР, корреспондент городской газеты «Вечерняя Пермь».

Кашихин Леон Сергеевич — член клуба «Пермский краевед».

Коротков Алексей Иванович — доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института имени Г. В. Плеханова.

Красноперов Дмитрий Архипович — член клуба «Пермский краевед».

Мухин Владислав Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета имени А. М. Горького.

Мюллер Игорь Львович — учитель музыки Яйвинской музыкальной школы.

Немтинова Галина Ильинична — преподаватель коми-пермяцкого языка и литературы Кудымкарского педагогического училища.

Николаев Сергей Федорович — член Союза журналистов СССР, член клуба «Пермский краевед», автор и составитель многочисленных сборников, книг и газетных выступлений.

Овсянников Александр Игоревич — научный сотрудник Пермского научно-исследовательского технологического института.

Перескоков Лев Валентинович — ведущий инженер одного из пермских НИИ, краевед.

Рафиенко Людмила Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент Московского института культуры.

Светлаков Вадим Григорьевич — кандидат исторических наук, заведующий архивом Пермского обкома КПСС.

Семяников Виктор Владимирович — член клуба «Пермский краевед» и общества «Старая Пермь».

Сергеев Иван Сергеевич — бывший учитель географии одной из пермских школ.

Слободинюк Валентина Константиновна — заведующая Аряжской восьмилетней школой Куединского района.

Сулов Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Пермского государственного университета имени А. М. Горького.

Чепкасов Аркадий Николаевич — член Союза журналистов СССР.

Шакиров Магруф Абдулхаевич — кандидат технических наук, доцент, участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Майрамадаг Северо-Осетинской АССР.

Шестаков Иван Васильевич — краевед.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об этом сборнике и его предшественниках: От составителя.	5
I. РЕВНИТЕЛИ ПЕРМСКОГО КРАЯ	
Н. А. Аликина. Свет высокой духовности: Документы к биографии Б. Н. Назаровского	11
Л. С. Кашихин. Инспектор охраны памятников . . .	38
II. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ	
К 120-летию со дня рождения	
В. И. Ленина	
Н. Д. Аленчикова. К вопросу о разглашении ленинского «Письма к съезду»	47
Е. Ф. Акулов. С Лениным в сердце	55
А. И. Овсянников. Лениниана на пермских медалях	61
85 лет первой российской	
революции	
В. Г. Светлаков, М. Г. Суслов. Шаги первой революции	63
К 45-летию победы советского народа	
в Великой Отечественной войне	
М. А. Шакиров. Герой Суарского ущелья	74
Д. А. Красноперов. Крупицы памяти	83
Коми округу — 65	
Г. И. Немтинова. Забота о родном языке	86
III. ЭХО ДАЛЕКИХ ЛЕТ	
В. В. Мухин. Уральские крепостные и легенда о «Беловодье»	97
И. С. Сергеев. Камский Китеж	103
И. Л. Мюллер. Пути через Уральские горы	107
Л. С. Рафиенко. Памятники старой Мотовилихи . .	116
Л. В. Перескоков. Роль Пермских пушечных заводов в вооружении армии и флота на рубеже веков	129
IV. ПОИСКИ, НАХОДКИ, ВОСПОМИНАНИЯ	
А. И. Коротков. Братья Коротковы из Осы	137
С. Ф. Николаев. Геоботаник, эколог, луговед . . .	145
В. К. Слободинюк. Наша малая родина	150
И. В. Шестаков. Памятник у деревни	154

V. ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА

В. Ф. Гладышев. Промелькнувший талант	159
Д. А. Красноперов. Пермские переводчики Оссиана	174
Р. П. Белов. Фома-непоседа первый	177
А. Н. Чепкасов. Слово о земляке	180
В. В. Семянников. Иогансон в Прикамье	182
ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ В ЖИЗНИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ (Николаев С. Ф.).	186
КНИЖНАЯ ПОЛКА (Быстрых Т. И.)	200
Об авторах этой книги	202

Краеведческое издание

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Краеведческий сборник-90

Зав. редакцией М. Лебедева
Редактор С. Осипова
Художник В. Верхоланцев
Художественный редактор Т. Ключарева
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Г. Борсук

ИБ № 1885

Сдано в набор 04.12.89. Подписано в печать
06.04.90. ЛБ04100. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. офс.
книжн.-журн. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 22,05.
Уч.-изд. л. 11,588. Тираж 10 000 экз. Заказ № 722.
Цена 80 к.
Пермское книжное издательство. 614000,
г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типо-
графия № 2 управления издательств, полиграфии
и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Ком-
мунистическая, 57.

**П 26 Пермский край: Краеведческий сборник-90 / Сост.
С. Ф. Николаев. — Пермь: Кн. изд-во, 1990. — 203 с.
ISBN 5-7625-0233-3**

Сборник содержит материалы по истории Прикамья.

**П 1805080000—29
М152(03)—90 25—90**

ББК 26.891

Следующий выпуск сборника «Пермский край» выйдет в 1992 году и будет посвящен одной теме — старой Перми. В него войдут материалы и исследования членов клуба «Пермский краевед», рассказывающие о малоизвестных или забытых страницах истории города.